

КЧ
20
4-30

В. ЛЕВИЦКИЙ
(В. О. ЦЕДЕРБАУМ)

ЗА ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА

**РЕВОЛЮЦИОННЫЕ
ВОСПОМИНАНИЯ**

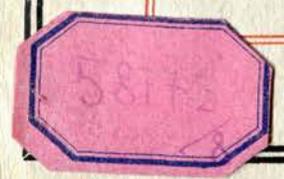

ТОМ ПЕРВЫЙ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Государственное Издательство
1 * 9 * 2 * 6

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

ОТДЕЛ ЦК ВКП (б) ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ
ОКтябрьской РЕВОЛЮЦИИ И ВКП (б)
(ИСТНАРТ)

БИОГРАФИИ, АВТОБИОГРАФИИ И МЕМУАРЫ

- Ганецкий, Я. В. В. Воровский. Биографический очерк. Стр. 102. Ц. 60 к.
Яков Михайлович Свердлов. Сборник статей и воспоминаний. Стр. 202.
Ц. 2 р.
Памяти Инессы Арманд. Сборник под ред. Н. Крупской. Стр. 109. Ц. 30 к.
Федосеев, П. Е. Один из пионеров революционного марксизма в России.
Сборник воспоминаний. Стр. 184. Ц. 40 к.
Борьба за освобождение работницы К. Н. Самойлова. Сборник. 2-е изд.
Стр. 80. Ц. 40 к.
Рябинин, А. Материалы для биографии Р. М. Семенчикова (1877—1911).
С приложением статьи Д. Бутина. (Из истории рабочего движения
в Иваново-Вознесенске.) Стр. 71. Ц. 20 к.
Александрова, Н. Артем. Стр. 174. Ц. 50 к.
Фурманов, Д. Чапаев. С предисловием А. Луначарского. Стр. 216.
Ц. 1 р. 25 к.
Бобровская, Ц. Записки рядового подпольщика.
Часть II. (1905—1914 г.г.). Стр. 88. Ц. 35 к.
Лепешинский, П. Н. На повороте. Воспоминания. От конца восьмидеся-
тих годов к 1905 г. Попутные впечатления участников револю-
ционной борьбы. Стр. 237. Ц. 75 к.
Шаповалов, А. И. По дороге к марксизму. Воспоминания рабочего
революционера.
Части I и II. 2-е издание. Стр. VIII+165. Ц. 1 р. 25 к.
Часть III. Ц. 1 р. 25 к.
Часть IV. (Печ.)
Самойлов, Ф. Н. Воспоминания об Иваново-Вознесенском рабочем
движении.
Часть I. (1903—1905 г.г.) 2-е издание. Стр. 90. Ц. 60 к.
Часть II. (1906—1911 г.г.) Стр. 124. Ц. 1 р.
Часть III. (1911—1914 г.г.) Стр. 112. Ц. 80 к.
Деготь, В. В свободном подполье. (Воспоминания о подпольной работе
за границей в 1919—1924 г.г.) Стр. 87. Ц. 25 к.
Новиков, В. Воспоминания подпольщика (1900—1913 г.г.). Стр. 83. Ц. 60 к.
Бон, Е. Год борьбы (1917—1918 г.г.) на Украине. Стр. 270. Ц. 1 р. 80 к.
Парфенов, П. (П. Алтайский). Гражданская война в Сибири. 1917—1918 г.г.
Изд. 2-е, исправл. и доп. Стр. 168. Ц. 1 р.
Яковенко, В. Г. Записки партизана. Стр. 107+I карта. Ц. 1 р.
Мелвцева, С. Герой революции „товарищ Камо“. Стр. 63. Ц. 20 к.
Моисеенко, П. А. Воспоминания. 1873—1923 г.г. Стр. 214. Ц. 1 р.
Раскольников, Ф. Кронштадт и Питер в 1917 г. Стр. 280. Ц. 2 р.
Антонов-Саратовский, В. П. Под стягом пролетарской борьбы. Отрывки
из воспоминаний о работе в Саратове за время с 1915 по 1918 г.
Том I. Стр. 310. Ц. 2 р.

20
430
В. ЛЕВИЦКИЙ (В. ЦЕДЕРБАУМ)
X
ЗА ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ
ВОСПОМИНАНИЯ

1892—1917 г.г.

ТОМ I

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

РЕВОЛЮЦИОННАЯ ПОДГОТОВКА

1892—1901 г.г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Н. МЕЩЕРЯКОВА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Москва * 1926 * Ленинград

ГОСУДАРСТ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РСФСР

58173/8

НЕЗАБВЕННОЙ ПАМЯТИ БРАТА МОЕГО
Ю. О. ЦЕДЕРБАУМА-МАРТОВА

ПРЕДИСЛОВИЕ

Литература воспоминаний о нашем революционном движении конца прошлого и начала настоящего века уже довольно обширна. Но все-таки она еще очень недостаточна. Слишком богато событиями, слишком закрыто было для внешнего наблюдателя это революционное движение. И до сих пор, для тех, кто не был участником подпольной работы, жизнь участника этой работы остается окутанной таинственным романтическим флером. Поэтому мы всегда с удовольствием встречаем всякую новую попытку воскресить в памяти участников и нарисовать для людей, совершенно незнакомых по личному опыту с жизнью русских революционеров времен царизма, картины этого бурного прошлого.

С этой точки зрения воспоминания В. Левицкого очень интересны. Он вырос в революционной семье и с детства встречался со многими революционерами, оставившими крупный след в русском революционном движении. Ему есть о чем вспоминать. Он выбрал очень удачно для своих воспоминаний полубеллетристическую форму, позволяющую ему придать своему рассказу не только живость, но и, так сказать, «интимность». Невольно при чтении его воспоминаний оживают образы старых друзей и старых противников, в зарисовке и характеристике которых автор старается быть как можно более объективным; «волнуясь, как море-океан», встает в памяти старое полузабытое прошлое нашего русского революционного подполья.

Но воспоминания В. Левицкого интересны и с другой стороны.

В первом томе он рассказывает о воспоминаниях своего детства и юности. В этом томе он выступает еще не как революционный деятель, а скорее как объект воздействия со стороны окружавшей его революционной среды. Его воспомина-

ния живо рисуют ту среду и обстановку, в которой росла и развивалась в то время молодежь очень многих русских революционных семей, рисуют те условия, которые толкали молодежь на путь революции. В других книгах можно найти более подробные и точно документированные рассказы о событиях, которые приходилось наблюдать и переживать В. Левицкому. Но мне не припоминается других воспоминаний, в которых было бы так внимательно обрисовано то, что автор в своем предисловии называет «бытовой стороной революционного движения». А изучение ее не только чрезвычайно интересно, но и дает ключ для понимания того типа русского революционера из интеллигентной среды, который еще недавно играл такую крупную роль в нашем революционном движении. Из воспоминаний В. Левицкого читатель познакомится с той средой и обстановкой, в которой зарождались, росли и закалялись многие революционеры, игравшие или даже играющие до сих пор очень крупную роль в нашем революционном движении.

Н. Мецержков.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Не без колебаний приступил я к составлению своих «революционных воспоминаний». Описание моей жизни, моя автобиография, в собственном смысле слова, не может представлять интереса для широкого круга читателей. Принимая в течение 20 лет участие в революционном и рабочем движении, я никогда не претендовал в нем на звание руководителя и «вождя», хотя временами мне и приходилось занимать более или менее ответственные партийные посты и быть активным участником многих революционных событий. Поэтому моя революционная «карьера» и мои переживания, связанные с революционным и рабочим движением в России, сами по себе, казалось бы, не имеют исторической ценности, ради которой стоило бы предавать их публичной огласке.

Но, с другой стороны, в силу особенностей моих семейных условий и ряда других причин, моя жизнь с самого раннего детства настолько тесно сплелась с революционным, в частности с социал-демократическим, движением в России с самого почти его возникновения, что я невольно был свидетелем и близким наблюдателем очень многих крупных фактов его истории и с раннего возраста был знаком с его внутренним механизмом и с очень значительным кругом его действующих лиц.

При таких условиях мысль о том, чтобы попытаться, не мудрствуя лукаво, воспроизвести в литературной обработке то, «чему свидетелем я был» на протяжении 25 лет, и что сохранила память, представляется довольно соблазнительной и перевешивает все колебания и соображения о нескромности моего начинания. В настоящее время, когда очень многих активных участников и наблюдателей революционного движения девяностых и девятисотых годов уже нет в живых, мои воспоминания, в особенности в первых двух частях (до 1905 г.), могут дать

современному читателю много материала, какого он не найдет в написанных исключительно на основании «источников» и исторических документов работах. В моих воспоминаниях он найдет, прежде всего, по необходимости отсутствующую в таких работах «бытовую» сторону революционного движения, а также ряд хотя и кратких, но основанных на личном знакомстве и впечатлениях характеристик большого числа революционных деятелей. Если бы одна только эта сторона удалась в достаточной степени автору, он считал бы себя вознагражденным за затраченный им труд.

Несмотря на сделанную в первых строках настоящего предисловия оговорку относительно своей личной роли в революционном движении, я избрал для своих воспоминаний автобиографическую форму. Мне казалось, что при всех своих недостатках эта литературная форма лучше всякой другой даст мне возможность выполнить поставленную перед собой задачу. Говоря о себе и о своих личных переживаниях на фоне окружающих революционных событий, я старался делать центром внимания читателя не свою особу, а именно этот фон, постепенно все более развертывающийся по мере моего собственного революционного развития и более непосредственного моего участия в революционной борьбе. К тому же очень многое из того «личного», что неизбежно должно было найти себе место на страницах настоящих воспоминаний, не имело целиком индивидуального характера и в большей или меньшей степени аналогично переживалось многими другими революционерами описываемой эпохи. А между тем автобиографическая форма придает большую живость изложению, будучи способна заражать читателя настроениями былого и переносить его мыслью из современности в совершенно иные условия жизни и иную психологию. Все вышеуказанные соображения предопределили форму моей работы.

* * *

Я вырос в революционной семье, и самые первые воспоминания и впечатления моего детства связаны с различными революционными событиями. Активное участие моих старших братьев и сестер в социал-демократическом движении было

причиной того, что с детства я жил в революционной атмосфере, проникаясь интересами и переживаниями революционной среды. Даже позднее, когда я лично стал принимать участие в движении, сфера моего наблюдения не ограничивалась одним только тем полем, на котором я непосредственно действовал. В нее входили также деятельность и деятели, связанные с моими братьями и сестрами. Благодаря этому мои воспоминания охватывают значительное количество материала не только во времени (25 лет — с 1892 по 1917 год), но, так сказать, и в пространстве. В них рассказывается о самых разнообразных фактах и явлениях революционного движения, и перед читателем на страницах их пройдут сотни революционных деятелей разных периодов и разного калибра.

Конечно, не все освещено мною с одинаковой полнотой и с соблюдением надлежащей пропорции. Вследствие условий, в которых мне приходилось работать, и автобиографической формы изложения, в своей работе я опираюсь преимущественно, можно сказать даже исключительно, на свою память, почти не прибегая (за исключением проверки некоторых дат) к печатным источникам. А память — чрезвычайно капризное существо. Она откладывает в нашем сознании различные события далеко неравномерно и не всегда соответственно их исторической ценности и в этом отношении отличается большим субъективизмом. Поэтому возможны некоторые неточности в датах и в последовательности тех или иных событий, возможны упущения отдельных мелких фактов и, наконец, некоторая доля субъективности в оценке различных событий и личностей. Но автор и не претендует на абсолютную точность и беспристрастие, требующиеся от историка. Ведь он писал не историю революционного движения, а «революционные воспоминания», могущие дать лишь некоторый материал для настоящего историка.

Что касается субъективного элемента, то он в известной степени неизбежен в подобного рода произведениях. Проявляется он, главным образом, в характеристике отдельных лиц. Отказаться совершенно от таких характеристик значило бы сильно обеднить и обескровить работу. Мне хотелось изобразить пережитую революционную эпоху, как поток событий, живых людей и их взаимоотношений. Только при таком изложении, по моему

мнению, эта эпоха может быть воссоздана в более или менее целостном виде со всеми ее светлыми и темными сторонами. Читателям может показаться странным то большое количество места, которое отводится мною второстепенным деятелям, не оставившим по себе значительного следа и памяти в истории. Но мне казалось, что из песни не следует выкидывать ни одного слова, что, подводя итоги своей революционной деятельности за известный период, я не вправе исключать из своего изложения и тех, порой незаметных, тружеников революционной армии, которые, по мере сил своих, служили тому же делу, что и деятели более крупного масштаба, и составляли немаловажный элемент в той общей картине, которую я пытался нарисовать.

Я не задавался целью давать полные и художественные образы лиц, с которыми сталкивала меня судьба за эту четверть века. С очень многими приходилось встречаться лишь мельком, по случайным поводам или в течение короткого времени, и личные впечатления от них сохранялись самые беглые. Далее не следует забывать, что дело идет у меня преимущественно о революционерах, деятелях «подполья». А этого рода люди, в силу неизбежных внешних условий, бывали нередко вынуждены таить «святая святых» своей личности даже от самых близких товарищей по работе, лишь стчаси приоткрывая им отдельные уголки своего внутреннего мира. Давая характеристики отдельных деятелей революционного движения, я, по общему правилу, руководствовался главным образом непосредственными личными впечатлениями, вынесенными из общения с ними и запечатлевшимися в моей памяти, лишь отчасти корректируя эти впечатления своими позднейшими воспоминаниями об этих лицах и посторонними достоверными свидетельствами. Вообще даже в отношении личных характеристик я старался, насколько это возможно, сохранить максимальную объективность, предпочитая приводить факты из жизни и деятельности соответствующих лиц вместо того, чтобы голословно давать им ту или другую оценку.

Если мои «революционные воспоминания» пробудят у читателя живой интерес и симпатию к революционному и рабочему движению, приведшему к падению царизма, и вызовут желание

подробнее с ним ознакомиться и понять его, цель моя будет достигнута.

Законченный мною первый том охватывает период с 1892 по 1903 год. В дальнейших томах, если мне удастся довести воспоминания до конца, будут рассмотрены события второй половины знаменательной четверти века.

В. Левичкий-Цедербаум.

Суздаль, Владимирской губ.

Декабрь 1924 года.

ГЛАВА I

ПЕРВЫЕ РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

Первый обыск. — Арест брата. — Его товарищи: И. Д. Ставский, С. А. Гофман и др. — Революционные впечатления и разговоры. — Заключение брата в „Крестах“. — Высылка его в Вильну. — Мои сестры и их знакомые.

В ночь с 24 на 25 февраля 1892 года — мне тогда только что исполнилось 9 лет — я проснулся от необычного шума и суеты в занимаемой нашей семьей в Петербурге квартире на Измайловском проспекте (угол Первой роты). Едва протерев глаза и не придя еще окончательно в себя, я заметил, что в нашей комнате против обыкновения горит свет, а в соседней, принадлежавшей двум старшим братьям, происходит какое-то движение: передвигается мебель, раздаются незнакомые шаги и громкие голоса, к которым чутко прислушивается, сидя на своей кровати, мой брат Сергей¹⁾. Последний — старше меня на 3½ года и уже гимназист — служил для меня тогда непрекращаемым авторитетом во всех житейских делах. На мой растерянный недоуменный вопрос: «Что случилось?» он шопотом ответил: «У Юлия (второй по старшинству наш брат, Мартов) обыск». Это, в первый раз в жизни услышанное, незнакомое слово не было сразу разобрано мною. Спросонья мне послышалось: «оспа».

Брат тотчас же стал разъяснять недоразумение, поспешно и все так же шопотом рассказывая мне, что студенты тайком собираются для чтения запрещенных книг, написанных против царя и правительства, и что в поисках таких книг полиция

¹⁾ Впоследствии известный под литературным псевдонимом и партийной кличкой «Ежов».

производит обыски, арестуя и сажая в тюрьму тех, у кого их находит. Дальнейшее изложение теории и практики революционной деятельности, в которых мой наставник и сам был не очень силен, было неожиданно прервано.

Дверь в нашу комнату раскрылась, и, в сопровождении насупившей одетой, бледной, но старавшейся сохранять спокойствие, нашей матери, вошел толстый пристав полицейского участка. Следом появилось несколько городских и один штатский из разряда «гороховых пальто». Начался обыск нашей небольшой комнаты. Продолжался он недолго. То ли вид двух испуганных детских лиц охлаждал рвение полиции, то ли в комнате было мало предметов, достойных внимания, то ли, наконец, впереди предстояла большая работа (квартира состояла из 7 или 8 комнат), но во всяком случае ищейки пробыли у нас всего около получаса. Один только инцидент во время обыска поразил мое детское внимание и запечатлелся в памяти. В комнате стоял огромный сундук, наполненный грязным бельем. Когда он был открыт, один из полицейских, с целью удостовериться, не запрятана ли там «крамола», вынул пашку и стал тыкать ею по всем направлениям сундука, что меня изрядно испугало. Не найдя у нас ничего «предосудительного», «средиземная эскадра» удалилась, направившись в другие комнаты и не забыв обшарить кухню, ванную комнату и клозет. Процедура обыска продолжалась несколько часов. Не дождавшись ее окончания, я заснул: усталость и привычка взяли верх над нервным возбуждением и любопытством знать, чем все это кончится. Утром я узнал, что брат арестован, хотя у него не оказалось никаких запрещенных книжек, за которые, по уверениям Сергея, полиция арестует студентов. Впрочем, тогда же я узнал, что в ночь ареста у Юлия имелись при себе устав нелегальной студенческой кассы, одна нелегальная брошюра и какие-то фотографические карточки. Но все это ему удалось благополучно сплавить при помощи моей бывшей кормилицы, няньки моих младших сестер и верного друга нашей семьи — Пелагеи Захарьевны Беляевой, которая и впоследствии не раз оказывала всем ее членам подобного рода услуги.

Обыск и арест брата произвели полный переворот в повседневном обиходе нашей семьи и, в частности, нарушили безмя-

тежно протекавшие до того дни нашей детской жизни. В ближайшие недели как среди взрослых, так и среди детей только и речи было, что об аресте брата и обо всем, связанном с ним. Назывались фамилии арестованных его товарищей, описывалась обстановка и выяснялась причина их ареста; мать по целым дням бегала из градоначальства (охранное отделение) в жандармское управление, а оттуда в тюрьму («предварилку») с передачами и на свидания. Возвращаясь оттуда, она с мельчайшими подробностями рассказывала о своих беседах с жандармами, о том, что передавал Юлий на свидания, о своих встречах с родственниками других арестованных в «предварилке» и т. п. Мельчайшие факты или намеки жандармского офицера и прокурора старались истолковать как благоприятный симптом, как шанс на скорое освобождение брата. Имена этих жандармов и прокуроров: Кузубова, Секержинского, Кичина, Винка и др. стали вскоре популярны среди нас, как имена хорошо знакомых людей.

В квартире у нас стали появляться уцелевшие от разгрома товарищи Юлия. И до ареста его посещало немало студентов. Но он не считал нужным знакомить своих товарищей с семьей, не выводил их в столовую во время обеда или вечернего чая, принимал их — нередко сразу в большом количестве — у себя в комнате.

Юлию незадолго перед его арестом исполнилось 18 лет. Лишь весной предыдущего года он окончил петербургскую первую гимназию и, несмотря на хороший аттестат, не без труда был зачислен осенью 1891 года на первый курс естественного факультета петербургского университета, из-за существовавшей тогда для евреев «процентной нормы». Если бы не личное знакомство нашего деда А. О. Цедербаума, известного еврейского общественного деятеля и редактора древнееврейской газеты «Гамелиц», с министром народного просвещения Деляновым, Юлию не видать бы университета. Впрочем, в последнем ему пришлось пробыть всего лишь несколько месяцев, благодаря недреманному оку бдительного начальства¹⁾.

¹⁾ Еще менее продолжительна была университетская карьера второго брата, Сергея. Он был арестован спустя 4 месяца после поступления в университет. Что касается меня, то я ухитрился быть арестованным до окончания гимназии и не удостоился чести узреть свет университетской науки старого режима.

В университете брат, повидимому, не очень много времени и внимания уделял казенной науке. С тем большим рвением он отдался участию в различных студенческих нелегальных кружках и сходках. Еще на гимназической скамье он отличался непокорным, бунтарским характером, постоянно воюя с начальством из-за длинных волос, дерзя педагогам, считаясь коноводом среди товарищей по классу и уже тогда организуя кружки совместного чтения. В первом томе своих «Записок социал-демократа» Мартов рассказывает, за какие политические грехи он впервые попал в узилище. Из этого рассказа видно, что деятельность его и его товарищей, политически еще не сложившихся юношей, никакой серьезной опасности для существовавшего строя не представляла. Но иначе судили власти предрешающие, постаравшиеся из довольно невинных оппозиционных бесед и кружков создать наличие «преступного сообщества».

О «революционной» деятельности брата я до его ареста ничего не знал. Сергей и старшие сестры, вероятно, кое-что о ней подозревали, но будучи знакомы с подробностями. Лишь теперь, благодаря знакомству с его товарищами, мы понемногу стали проникать в характер его образа жизни до ареста, в круг интересов и отношений.

Чаще других из товарищей брата стал бывать у нас студент Иван Доминикович Ставский, о котором у меня сохранилось самое приятное воспоминание. Типичный «схохол», уроженец не то Черниговской, не то Полтавской губернии, некрасивый, но с располагающей наружностью, он с первого же знакомства привлек к себе симпатии всех членов нашей семьи, от мала до велика, не исключая отца, который не очень жаловал, вообще говоря, друзей брата, считая их, несмотря на свой либеральный образ мыслей (он был шестидесятником и поклонником Герцена, с которым встречался за границей), по обыкновению многих родителей, причиной революционной деятельности и ареста Юлия. В высшей степени экспансивный, легко переходивший от заразительного смеха и веселого юмора к самому мрачному меланхолическому настроению и наоборот, простой в обращении (Ставский был весьма демократического происхождения, — кажется, сыном сельского священника) и нежный по характеру, он вскоре стал как бы членом нашей семьи. Горячо привя-

завшись к брату за время их знакомства и будучи ближе к нему, чем кто-либо другой из товарищей, он перенес свое отношение к брату на всех нас. Первое знакомство Ставского с нами состоялось на следующий вечер после ареста Юлия. Не зная об этом событии, он зашел, чтобы предупредить его о происходящих среди студентов арестах; от матери он узнал об обыске в нашей квартире и об аресте Юлия. Со свойственной ему непосредственностью Ставский, сильно волнуясь, признался матери, что, будучи близок к Юлию, он с минуты на минуту может ожидать ареста, а между тем на его квартире имеется много всякой нелегалщины. В своем смущении он был так трогательно растерян и беспомощен, что мать моя, весьма далекая в то время от сочувствия революции и революционерам, но отзывчивая по природе, настолько прониклась к нему симпатией, что предложила ему переночевать у нас, если он опасается возвращаться домой. Ставский долго колебался, но, в конце концов, ушел, на этот раз благополучно избежав ареста.

Получив от матери приглашение запросто бывать у нас, он не преминул воспользоваться им и с тех пор стал частым нашим гостем. Он сдружился с моей старшей сестрой и стал любимцем нас — малышей, к которым сумел подойти чрезвычайно просто, считаясь с нашей детской психологией и амбицией. Не задевая нашего самолюбия, он вникал в наши интересы и игры, шутил и балагурил с нами, одновременно оказывая благотворное духовное влияние на сестер и Сергея. Если не считать Юлия, Ставский был первым революционером, с которым мне пришлось столкнуться в жизни. Его знакомство с нами продолжалось года два. В 1894 году он был арестован, став уже к тому времени социал-демократом, и после нескольких месяцев тюрьмы выслан на родину. Перед отъездом он заходил к нам прощаться. Он сильно изменился, казался надломленным душевно: тюрьма, видимо, оказала на него сильное влияние. На родине он постепенно отошел от общественных интересов, придавленный материальной нуждой и вынужденный содержать большую семью. Понемногу он прекратил сношения со старыми товарищами, погрузившись в обывательское существование, и исчез с политического горизонта.

Другие товарищи брата имели на нас, в частности на меня, гораздо меньше влияния, чем Ставский, мало уделяя внимания «детям». Ближе других сошлась с нами фельдшерица-акушерка Манефа Васильевна Васильева, «сестра Манефа», как шутливо ее называли. Это была уже немолодая, некрасивая, но очень добрая и отзывчивая девушка, целиком посвятившая себя общественному служению. Многими своими чертами подвижницы она напоминала тургеневскую Машурину из «Нови». Она работала тогда в нелегальном политическом «Красном кресте» и несколько позднее, когда Юлий отбывал свое заключение в «Крестах», она посещала эту тюрьму в качестве фиктивной невесты польского рабочего Наполеона Зельдера, отбывавшего вместе со своим братом Антоном 5-летний срок заключения. После двух или трех лет заключения ее «жених», страдавший туберкулезом, скончался в тюрьме, и я хорошо помню то гнетущее впечатление, какое произвело на всех нас известие об этой преждевременной смерти в тюрьме юноши, подававшего, по словам Васильевой, большие надежды. Васильева в течение нескольких лет поддерживала с нами знакомство, потом куда-то уехала, и уже впоследствии я слышал, что она работала в большевистских организациях в качестве хозяйки нелегальной типографии и на аналогичных технических функциях.

Однажды Ставский попросил у моих родителей разрешения привести с собой к обеду своего сожителя по комнате Сергея Августовича Гофмана и через несколько дней пришел вместе с ним. Гофман во всех отношениях составлял полную противоположность Ставскому, и приходилось диву даваться, что они могут уживаться и даже быть довольно близки между собой. Начиная с внешнего вида, все у них было отлично. В противоположность типичному «нигилисту» в очках, — лохмоту, перьячиливо одетому, в косоворотке, в запатанных штанах и стоптанных башмаках, — Ставскому, Гофман при своем скромном студенческом бюджете умудрялся быть всегда одетым с чисто немецкой аккуратностью (отец его был обрусевший немец из Ковно), даже с некоторою изысканностью; он всегда был тщательно подстрижен, носил крахмальные воротнички, манжеты и галстух. Насколько экспансивен и непосредствен был Ставский, настолько же замкнут и подтянут был Гофман. Ставский

проводил у нас целые вечера, ни на минуту не умолкая, — Гофман приходил как бы с визитом, на короткое время и произносил лишь несколько фраз в общем разговоре. Немедкая аккуратность и сдержанность Гофмана не импонировали нам, представлявшим себе тогда революционеров и «настоящих» людей обязательно во образе длинноволосых «нигилистов», одетых в косоворотки и носящих, по возможности, высокие сапоги и очки.

Несмотря на свою неревлюционную, с нашей точки зрения, внешность, Гофман пользовался большим влиянием на своих товарищей. Он был старше годами и богаче житейским опытом большинства из них, обладал довольно значительными познаниями и раньше других своих друзей воспринял определенное социал-демократическое мировоззрение. Судя по некоторым замечаниям в «Записках социал-демократа», он оказал в этом отношении некоторое влияние на Мартова. Как революционер-подпольщик, Гофман отличался сугубой конспиративностью, которая неоднократно спасала его от участи товарищей, с которыми он вместе работал. Так было при обоих арестах Юлия (в 1892 и в 1896 гг.), с которым Гофман был очень тесно связан в революционной работе. Лишь после нескольких лет активной революционной деятельности Гофман был арестован в 1896 г., о чем мне придется упомянуть в другой связи.

Из других товарищей Юлия, посещавших нас в тот период и после его освобождения из тюрьмы, остановлюсь только на нескольких. С. Е. Головин, сын лейб-медика и товарищ Юлия по гимназии, был остроумным и живым, несколько хвастливым и фатоватым молодым человеком. В нашей семье он носил прозвище «генерал Фурор» за свое пристрастие к сообщению всевозможных сенсационных новостей. Он, как и многие другие товарищи брата по первому кружку, очень скоро порвал с революционным лагерем. Совсем иное впечатление оставлял другой одноклассник Юлия Сергей Николаевич Краинихфельд, застенчивый и немного заикающийся, угловатый и неловкий, но очень серьезный и вдумчивый. Впоследствии он породнился с нами, женившись на моей старшей сестре Надежде, и был в течение многих лет преданным и заметным деятелем социал-демократической партии; умер он в 1913 году после неодно-

кратных арестов и ссылок, оставшись до конца своих дней верным заветам юности. Несколько курьезным персонажем был среди наших постоянных гостей маленький, с бабьим лицом, безбородый Иван Иванович Алексеевский, вечно споривший визгливым голосом, неглупый и начитанный, но до последней степени самонадеянный человек. После первого своего ареста он отошел от революционного движения и, став юристом, в 1905 г. примкнул к кадетской партии. Его ближайшим другом был В. Д. Соколов, красивый и стройный блондин, младший брат известного впоследствии присяжного поверенного Н. Д. Соколова, позднее избравший врачебную карьеру. Наконец, упомяну еще о сыне священника Я. Ф. Ставровском, хорошем приятеле Васильевой, высоком рыжем детине. Остальных товарищей брата память мне не сохранила или сохранила недостаточно отчетливо.

Арест брата и последовавшее в связи с ним знакомство с революционной средой произвели целый переворот в моем детском сознании. Мое воображение, уносившее меня до тех пор в фантастический мир героев Майн-Рида, Жюль Верна, Купера и Эмара, питавшееся приключениями и героическими историями романов из жадно читавшегося нами журнала «Вокруг Света», перенеслось теперь в мир действительности, на людей живых, осязаемых, которые тоже ведут героическую борьбу, попадают в тюрьмы и ссылку, испытывают всевозможные приключения, не сдаваясь, подобно действующим лицам излюбленных мною романов, и сохраняя непреклонную волю в достижении своих целей, которые, по правде сказать, рисовались мне не совсем ясно.

И здесь, как всегда, на помощь пришел мне Сергей. Он охотно делился со мной своими скудными познаниями в области истории русского революционного движения. От него я впервые узнал о террористах-народовольцах, убивших Александра II, о котором до того я знал лишь со слов своей нянюшки, что он облагодетельствовал крестьян, освободив их от крепостной зависимости. Мое соответственно настроенное воображение стало чутко ловить всякие рассказы о героических подвигах этой кучки людей. В наших играх с братом, наряду с традиционными краснокожими, разбойниками, пиратами, корсарами и пу-

тешественниками в дальние страны, стали фигурировать революционеры с бомбами, тайными типографиями и запрещенными книгами; место действия этих игр все чаще переносилось из девственных американских лесов и африканских пустынь в Сибирь или тюрьму. В издававшейся Сергеем и сестрой Лидией домашней газете, подражавшей «настоящим» газетам, появилось начало романа, написанное сестрой, под заглавием «Записки ссыльного». Первая глава его описывала обыск у студента, нахождение у него бомб, допрос его жандармами и т. п.

Около того же времени я узнал о существовании декабристов. Под новый год отец в домашнем кругу прочел вслух «Русских женщин» Некрасова. Хорошо помню, как в наиболее трогательных местах поэмы мать потихоньку утирала слезы, вспоминая сидевшего снова в тюрьме Юлия, а я задавался вопросом, за что же страдали эти хорошие люди, и почему так жестоки были к ним и к их женам сильные мира сего. Все эти и подобные впечатления и размышления по их поводу вызывали во мне безотчетную симпатию к революционерам, сочувствие борьбе и борцам «за свободу», как формулировала моя детская мысль революционную деятельность, и достаточно глубокую для моих 9—10 лет ненависть к власти, к правительству. Слова: «жандарм», «шпион» ассоциировались уже тогда в моем представлении с чем-то гнусным, бездушным, отвратительным, лишенным обыкновенного человеческого облика. Подобный же, но, конечно, гораздо более осмысленный переворот во всех своих понятиях и настроениях испытывали также сестры и Сергей. Арестовав по пустяковому делу и на короткое время нашего старшего брата, царское правительство, не ведая того, сеяло революционные семена, которые со временем должны были принести свой плод. И сколько было тогда, — и раньше, и позже, — семейств, в которых происходили аналогичные переживания и процессы мысли!

* * *

Первое заключение брата продолжалось недолго. Благодаря хлопотам родителей и связям деда в бюрократическом мире, Юлий был освобожден под залог в 300 рублей, впрямь «до окончания дела». Просидев около 1½ месяцев в доме предвари-

тельного заключения, он вернулся домой бодрый и в приподнятом настроении от полученного боевого крещения. С оживлением рассказывал он домашним и приходившим товарищам о различных перипетиях своей тюремной жизни, о стычках на допросах с жандармами, о тюремном режиме, о перестукивании с другими заключенными, о прогулках в клетках и т. п. Мы — младшие члены семьи — жадно ловили эти рассказы, обогащая наши отрывочные познания из области нового привлекавшего нас своей таинственностью и романтичностью революционного мира. «Свободный» от университета и революционных дел, отдыхая от тюрьмы и соскучившись по домашним, Юлий проводил теперь значительную часть времени дома, уделяя младшим сестрам и братьям гораздо больше внимания, чем раньше. Мы были горды этим вниманием и сознанием, что в семье нашей есть настоящий революционер. Родители были довольны, надеясь на благоприятный исход дела и строя уже планы об обратном поступлении Юлия в университет.

Увы, очень скоро их надежды развеялись как дым. Осенью того же 1892 года брат получил приговор: 5 месяцев тюремного заключения с последующей высылкой под гласный надзор полиции на 2 года, с выбором местожительства вне университетских городов. Мытарства его еще только начинались.

Снова начались хождения матери по мукам, передачи и свидания, свидания и передачи. На этот раз, кроме родителей, на свидание к Юлию ходила еще сестра Надежда, с которой он за время между двумя отсидками тесно сблизился и которая теперь столь же ревностно заботилась о снабжении его духовной пищей — книгами, как мать о доставлении ему пищи материальной.

Пять месяцев тюрьмы, проведенных в знаменитых «Крестах» (тюрьма на Выборгской стороне), Юлий перенес столь же бодро, как и 1½ месяца в «предварилке», хотя условия заключения были значительно тяжелее. От заключенных требовалось исполнение физической работы в мастерских. Будучи физически довольно слабым, брат избрал своей специальностью плетение стульев. В свободное от обязательных работ время он много читал и занимался. По отбытии срока заключения он избрал своим местожительством Вильну, вероятно, потому, что этот город нахо-

дился сравнительно недалеко от Петербурга, и там представлялась возможность революционной работы, к которой он стремился.

О виленском периоде своей жизни и социал-демократической деятельности среди еврейских ремесленников Мартов подробно рассказывает в своих «Записках», и я не буду на этом останавливаться, тем более, что в то время я не был в них посвящен.

Годы отсутствия брата не ознаменовались в нашей домашней жизни сколько-нибудь заслуживающими упоминания событиями. За это время я поступил в гимназию, и на первых порах новые впечатления и новая среда отвлекли меня от моих революционных дум и настроений. Попрежнему нашу квартиру посещал кое-кто из старых товарищей брата, хотя большинства из них уже не было в Петербурге. Сестры поступили на курсы. Старшая слушала лекции на частных курсах по анатомии знаменитого профессора Лесгафта, пользовавшегося огромным влиянием на радикально настроенную молодежь благодаря своему своеобразному методу преподавания естественных наук и своему оппозиционному направлению. Вторая сестра поступила на математическое отделение Бестужевских высших курсов. По вечерам в их комнате собиралось много студенческой молодежи обоего пола.

Из числа революционеров, кроме Гофмана, нас посещали время от времени приезжавшие по поручению и с рекомендациями от Юлия его товарищи по виленской работе. Из них упомяну М. Средницкую («Потти») и ее мужа Аркадия Кремера («Александра»), видных деятелей еврейского рабочего движения и основателей «Бунда»; Розу Ефимовну Залкинд (впоследствии по мужу Надеэль), в высшей степени жизнерадостную девушку, осенью сблизившуюся с нашей семьей; инженера Арона Павловича Лурье, несколько медлительного, но в высшей степени привлекательного и морально чистого человека¹⁾, и Евгению Адольфовну Гурвич, немолодую уже жен-

¹⁾ В 1898 г. А. П. Лурье был одним из главных организаторов и руководителей группы «Рабочее Знамя» и так называемой «Русской социал-демократической партии», о которых речь будет впереди. После ссылки по делу «Рабочего Знамени» он отошел от рабочего движения; в течение многих лет он редактировал в Симферополе демократическую газету «Южные Ведомости», примыкая к партии народных социалистов. В начале 1921 г., при занятии Крыма советскими войсками, он был расстрелян.

щину, сестру известного литератора-эмигранта (писавшего из Америки в различных журналах и выпустившего книгу «Экономическое положение русской деревни») и впоследствии переводчицу 1-го тома «Капитала» Маркса (под ред. Струве).

Один раз, с разрешения властей, Юлий приезжал в Петербург для свидания с родными. Но это посещение его оказалось неудачным: на второй день после своего приезда он был выслан обратно охранным отделением, так как последнему стало известно о его выступлении с речью на какой-то вечеринке.

ГЛАВА II

«СОЮЗ БОРЬБЫ ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА»

Возвращение Мартова из Вильны. — Его участие в социал-демократической организации. — Мое первое знакомство с политической экономией. — Новые товарищи брата. — Декабрьские аресты 1895 г. — Провокатор Н. Н. Михайлов. — Арест Мартова в январе 1896 г. — Участие сестер в «Красном кресте». — Мои первые представления о социал-демократическом движении. — Марксизм и народничество. — Арест и последующая судьба Гофмана. — Летняя стачка 1896 г.

Осенью 1895 г. Юлий вернулся из Вильны. Он пробыл там дольше положенного ему срока, так как революционная работа в Вильне настолько захватила его, что он не мог сразу оставить ее. По возвращении в Петербург он без промедления снова окунулся с головой в революционную деятельность. Двери университета были для него закрыты навсегда. Впрочем, это его нимало не беспокоило: перед ним теперь открывались перспективы совершенно иного рода.

Два с половиной года назад он уехал в Вильну юным революционно-настроенным студентом с неоформившимся политическим мировоззрением и с неопределившимися окончательно социал-демократическими симпатиями. Он вернулся в Петербург убежденным марксистом — социал-демократом, обогащенным социалистической теорией и умудренным значительным практическим опытом благодаря своей деятельности среди еврейского пролетариата. В Вильне он пользовался большим уважением и любовью со стороны даже более заслуженных и старших его годами товарищей, которые предсказывали ему руководящую роль в развивающемся рабочем движении. Несмотря на свои 22 года, он уже сознавал свои недюжинные духовные силы и чувствовал, что в своем развитии перерос провинциальные рамки Вильны. Естественно, что он стремился развернуть эти силы в масштабе большого промышленного и политического

центра, каким был Петербург. Выношенные им в виленский период, формулированные им (совместно с А. Кремером) в известной брошюре «Об агитации» и отчасти примененные в виленской практике идеи о необходимости перехода социал-демократии от пропагандистско-просветительной работы в рабочих кружках к агитационной деятельности среди широких рабочих масс на почве их повседневных экономических нужд, казалось, целесообразнее всего применить на практике в столице России с ее 150-тысячным фабрично-заводским населением. Задача была грандиозная, но она зато обещала соблазнительные положительные результаты. Революционной веры и энергии у Юлия, как и у его ближайших сподвижников, был непочатый край. К тому же экономическое развитие и предшествовавшая кропотливая подпольная работа первых пионеров социал-демократического движения в Петербурге расчистили почву для перехода к массовой агитации и для объединения всех действовавших разрозненно социал-демократических групп и кружков в одну организацию с широким размахом деятельности.

Вскоре по приезде в Петербург Мартов вместе со своими ближайшими единомышленниками: виленцем врачом Яковом Максимовичем Ляховским, известным читателю С. А. Гофманом и студентом Института путей сообщения В. М. Трениухиным, вступил в сношения с кружком социал-демократов, группировавшихся вокруг Владимира Ильича Ульянова (Ленина) и Г. М. Кржижановского и уже более года работавших среди петербургского пролетариата. Кружок ставил перед собой те же приблизительно задачи, что и Мартов со своими друзьями, и им не стоило большого труда договориться между собой об объединении и совместной работе. Из этого соглашения образовалась организация, которая под названием «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» в течение нескольких лет была наиболее сильной и авторитетной социал-демократической организацией в России¹⁾.

1) По примеру Петербурга, многие социал-демократические организации (Москва, Екатеринослав) принимали такое же название. Позже, в особенности после партийного съезда 1898 г., местные социал-демократические организации стали называться «комитетами» российской социал-демократической рабочей партии.

Содержание и организационные формы деятельности «Союза борьбы» подробно описаны в «Записках» Мартова и в воспоминаниях других непосредственных участников движения того периода. Мне они стали известны в подробностях лишь впоследствии. Остановлюсь поэтому на внешней стороне деятельности брата, которая только и была мне тогда видна.

С первых же недель по возвращении Юлий под родительский кров по его образу жизни можно было безошибочно заключить, что он всецело отдался революционной деятельности. Он мало бывал дома, возвращался поздно ночью, вид имел озабоченный и рассеянный, словно мысль его была где-то далеко от домашней обстановки и домашних интересов; когда же он, в виде исключения, бывал дома, то, по большей части, сидел у себя в комнате и что-то писал. Сестры, конечно, были посвящены в характер его деятельности, я же мог только подозревать о ней на основании отдельных случайно услышанных слов и намеков в их разговорах между собой.

Несмотря на свою занятость, Юлий находил иногда все-таки время для чтения и бесед с сестрами и Сергеем. Очевидно он считал своим долгом вводить их в курс того мировоззрения, которое в вильенский период стало его *profession de foi* (символ веры) на всю жизнь. Припоминается мне такой случай. Однажды вчетвером они уединились в комнате сестер и читали вслух какую-то тоненькую книжку. Случайно или просто из любопытства я заглянул туда и невольно стал вслушиваться в чтение. Из того, что читали, я понял очень мало, но когда Юлий стал в высшей степени популярно объяснять непонятные места, я понемногу заинтересовался, стараясь вникнуть в суть дела. А суть эта сводилась к тому, как обменивают свои товары портной, имеющий сюртук, и крестьянин, владелец хлеба, и как оценивают обмениваемые товары. Обратив внимание на мое присутствие и на проявленный мною интерес, Юлий был очень удивлен, когда мои ответы на заданные им вопросы обнаружили с моей стороны некоторое понимание. Это, видимо, его заинтересовало, и, применяясь к моему развитию, он стал еще более популярно разъяснять мне сущность товарного обмена. Таким образом впервые в 13-летнем возрасте я приобщился к марксовской экономии. Надо ли прибавлять, что читавшаяся брошюра

была ходовой тогда среди марксистов книжкой Б. С. (Свидерского) «Труд и капитал», по которой тысячи студентов и сотни рабочих знакомились с экономическим учением К. Маркса и по которой, спустя 5 лет, мне самому пришлось обучать рабочих в своем первом рабочем кружке. Вслед за «Трудом и Капиталом» в нашем семейном кружке стала фигурировать более объемистая книга в переплете. Это было изданное литографским способом, наподобие университетских лекций, «Экономическое учение К. Маркса» Каутского. В дальнейших чтениях я, впрочем, уже не принимал участия, не то потому, что эта материя показалась мне чересчур сухой и скучной, не то потому, что старшие решили, что мне еще преждевременно знакомиться с политической экономией.

Из новых товарищей брата лишь очень немногие посещали его на дому, очевидно, в силу конспиративных соображений. Кроме Гофмана, чаще других бывал у него доктор Ляховский, его близкий приятель по Вильне. Ляховский отличался живым и открытым характером, большим добродушием и мягкостью и скоро приобрел наши общие симпатии. Особую дружбу он свел со мной. Я в это время перенес довольно серьезную болезнь — затяжной бронхит, осложненный воспалением легкого — и вообще был очень хилым ребенком. Как врач, Ляховский неоднократно выслушивал меня, рекомендовал различные методы лечения, советовал заниматься гимнастикой и спортом для укрепления мускулов, заставляя меня выделять всевозможные гимнастические упражнения. Бывал у нас также другой виленец, студент-технолог Марк Шат, высокий человек угрюмого и апатичного вида. Привлеченный по делу «Союза борьбы», он был выслан на родину в Вильну, где, отойдя от социал-демократии, был позднее редактором либерально-демократической газеты «Северо-Западное Слово». Захаживал время от времени старый товарищ брата по первым студенческим кружкам В. М. Тренюхин, который принимал участие в образовании «Союза борьбы», но после первых арестов деятелей последнего навсегда порвал с социал-демократией ради путейской карьеры, в которой он очень преуспел¹⁾.

¹⁾ Когда Юлий, сидя в тюрьме, узнал, что Тренюхин изменяет старому знамени ради житейской карьеры, он написал ему нелегально очень резкое и жесткое письмо, в котором, сколько помню, цитировались известные слова Н. К. Михайловского о «гамлетизированных порослятах».

Раза два, незадолго до ареста Юлия, к нему заходил его старший товарищ по университету известный впоследствии адвокат Н. Д. Соколов, тогда блестящий, изящный и красивый жгучий брюнет небольшого роста. Однажды Юлий познакомил нас с недавно приехавшим из Юрьева молодым, только что получившим диплом, врачом Федором Ильичем Гурвичем (впоследствии известным Даном), который только еще начинал свою революционную и социал-демократическую деятельность. Юлий был с ним знаком недавно, и тогда нельзя было, конечно, предвидеть, что их политическая деятельность в будущем так неразрывно будет связана между собой в течение многих лет. Наконец упомяну еще об одном нашем частом посетителе, пренебрежительное отношение к которому со стороны старших товарищей не позволяло тогда предвидеть ту роль, какую ему суждено было впоследствии играть в истории партии. Я имею в виду студента из Вильны Бориса Исааковича Гольдмана (Горева). Это был чрезвычайно подвижной маленький человечек с блестящими бегающими черными глазами, с восточным типом лица, в высшей степени разговорчивый, бойкий и остроумный. Хотя он уже чуть ли не с гимназической скамьи считал себя убежденным социал-демократом, но его не допускали к серьезной работе, считая слишком легкомысленным и неконспиративным и используя его лишь для отдельных поручений партийного характера. В студенческих кругах он пользовался, однако, большим авторитетом вследствие своих несомненных способностей, начитанности, дара красноречия и энергии.

В последний месяц пребывания на воле Юлий был заметно расстроен и взволнован. Впоследствии я узнал причину этого. 9 декабря 1895 года был разгромлен основной кружок его товарищей, во главе с Ульяновым, в момент, когда организация приступила к широкой агитационной кампании, начав выпускать ряд прокламаций по поводу происходивших в Петербурге экономических волнений и стачек рабочих и подготавливая издание нелегальной рабочей газеты. Аресты товарищей не только не заставили брата принять меры предосторожности и сократить свою деятельность, но лишь усилили последнюю, ввиду необходимости поддерживать разрушающееся дело, возобновлять порванные связи, заполнять образовавшиеся бреши. В этот именно короткий период

между «провалом» Ульянова и арестом брата петербургская социал-демократическая организация, к которой оба они принадлежали, до того безымянная, по предложению Мартова, была окрещена «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса», — именем, приобретшим впоследствии всероссийскую известность.

За несколько дней до ареста брата в разговорах между ним и сестрами стало часто упоминаться имя зубного врача Николая Николаевича Михайлова. Раньше этот господин раза два бывал у нас по какому-то поводу. Наружность его мне довольно хорошо запомнилась. Это был человек лет тридцати, выше среднего роста, хорошо сложенный блондин, довольно интеллигентного, но бесцветного вида. Об отношении его с братом я ничего не знал. Теперь же стали поговаривать, что Михайлов — провокатор. Смысл этого слова мне уже был известен, так как я в общих чертах знал историю Дегаева. Ходил слух, что Михайлов является виновником происшедших в декабре арестов, хотя группа товарищей, с которыми он был непосредственно связан (так называемая группа «технологов» или «петухов», лидером которой был небезызвестный впоследствии литератор-марксист и экономист-статистик И. В. Чернышев), возмущается такими подозрениями и требует объяснений. Действительно, однажды вечером к брату явился сам Михайлов в сопровождении еще одного неизвестного нам лица (кажется, это был студент Малишевский). Они заперлись в комнате у брата, откуда слышались возбужденные и повышенные голоса. Как сообщает Мартов в «Записках», он прямо заявил Михайлову, что считает его подозрительной личностью. Когда Михайлов уходил, он в передней произнес по адресу брата случайно услышанную мною фразу, вроде «вы меня еще припомните!». Через несколько дней, 5 или 6 января 1896 года, брат был арестован¹⁾.

¹⁾ После ареста Юлия сомнений относительно провокаторства Михайлова быть не могло, и его имя было опубликовано в нелегальной печати. Тем не менее находились некоторые товарищи, отстаивавшие его невиновность. Охранное отделение, желая реабилитировать Михайлова в глазах социал-демократов, на короткое время арестовало его, но это не сняло с него позорного клейма. Вскоре Михайлов получил крупное назначение в департаменте полиции. Уже в 1905 или в 1906 г. он был убит в Крыму революционерами как один из видных и вреднейших организаторов сыска и провокации.

Подробностей этого ареста я почему-то не помню. Вспоминаю лишь, что обыск был очень продолжительным и тщательным, но не дал никаких вещественных результатов. Все нелегальное, что имелось у Юлии, хранилось у упоминавшейся выше нянюшки и прелюбопытно было скрыто ею от нескромных глаз. Одновременно с братом были арестованы Ляховский, Шат, большинство членов группы Чернышева и большое количество рабочих.

Новый арест брата снова поставил в центре внимания младших членов нашей семьи тюрьму и сидящих в ней революционеров. Возвращаясь из «предварилки» в дни передач и свиданий, мать и сестры всякий раз приносили свежие новости: арестованы такие-то, освобожден (имя рек), тот-то выдает и т. п. С целым рядом лиц, которых мы никогда в жизни не видали, у нас стали ассоциироваться определенные представления; мы были в курсе дел семейных и личных многих из арестованных: знали, кто женат, кого навещает мать, кого — сестра, у кого в Петербурге нет близких родных, и к кому вместо них ходит фиктивная невеста, посланная политическим «Красным крестом». Одна из таких «невест», Д. А. Труховская, посещавшая в тюрьме товарища брата А. А. Ванеева, сблизилась с сестрами и часто стала бывать у нас. Впоследствии она стала действительной невестой и женой Ванеева, за которым добровольно отправилась в ссылку. Подобное превращение фиктивных невест в действительных жен было нередким явлением в революционном быте того времени.

Мои сестры, посещая «предварилку», не ограничивались передачами брату, заводя в приемной тюрьмы знакомства среди родственников заключенных и поддерживая связи с «Союзом борьбы».

Через уцелевшего от арестов Гофмана, а потом через начавшего активно работать Б. Гольдмана они приняли участие в политическом «Красном кресте», поддерживавшем материально заключенных и их семьи. С особенным жаром отдалась этому делу вторая сестра Лидия. Узнавая у родственников арестованных, кто из последних нуждается, они распределяли между ними небольшие пособия (5—10 рубл. в месяц), делали передачи

не имеющим родных, подыскивали «невест» среди своих товаров по курсам, собирали на курсах и среди знакомых пожертвования в пользу «Красного креста», участвовали в организации студенческих благотворительных вечеров, часть дохода с которых «снямалась» в пользу «Красного креста» или «Союза борьбы».

Очень скоро выяснилось, что на этот раз Юлий «засел» основательно; помимо Михайлова, его оговорило несколько рабочих — в те времена явление довольно обычное: ловким жандармам не стоило большого труда сбивать с толку мало искушенных в конспирации рабочих и вынуждать у них показания против интеллигентов. Кроме того, он был не раз прослежен филерами. На отпуск его на поруки рассчитывать не приходилось. Приходилось терпеливо ожидать окончания продолжительного предварительного следствия, которое обычно тянулось, в среднем, не менее 1½ лет, а затем отправляться в ссылку в места, достаточно отдаленные. Сестры выражали опасение, что главарям «Союза борьбы» будет назначено 8—10 лет сибирской ссылки.

Несмотря на такие невеселые перспективы, Юлий, повидимому, не унывал. С первых же дней ареста он погрузился в чтение, а потом и в литературную работу, стараясь не терять времени даром. Не ограничиваясь прекрасной библиотекой дома предварительного заключения, он требовал массу книг из дому, и новые книги и журналы доставлялись сестрами в тюрьму целыми тюками. Остающийся от умственной работы досуг он коротал игрой в шахматы путем перестукивания с товарищами и нелегальными сношениями с ними различными тюремными способами.

Теперь, при вторичном близком соприкосновении с революционным миром, я мог более сознательно отнестись к происходящему вокруг меня, чем после первого ареста брата. Меня привлекала теперь не одна только внешняя, романтическая сторона революционного движения. Мне хотелось уяснить себе, во имя чего происходит революционная борьба, чего добиваются люди, отдающие свою свободу и даже жизнь. И на этот раз моим учителем выступил брат мой Сергей. Он был уже немного «натаскан» по части марксизма, кое-что сам читал, кое-что знал от других и охотно делился со мной кругом своих познаний.

То, что я узнал от него, раскрыло мне на многое глаза и выдвинуло передо мной совершенно новые горизонты. Я узнал, что то революционное движение, которому посвятил себя Юлий, есть движение социал-демократическое, рабочее, что, в отличие от террористов-народовольцев, социал-демократы идут дальше свержения царя или замены одного политического строя другим, что их цель — социализм. Он рассказывал мне, как плохо живется рабочим на фабриках и заводах, как их эксплуатируют хозяева — фабриканты, как социал-демократы борются с этой эксплуатацией, призывая рабочих объединяться, устраивать стачки, добываясь лучших условий жизни. Свои рассказы он иллюстрировал часто выпускавшимися тогда прокламациями «Союза борьбы», обращенными к рабочим той или иной фабрики и призывавшими их бороться с фабричными порядками. Я жадно набрасывался на эти обычно плохо отпечатанные на гектографе или мимеографе прокламации, надеясь найти в них откровение, но большею частью наталкивался на не совсем понятные мне рассуждения и расчеты по поводу расценок, пряжи, утков, станков и т. п. прозаических предметов. Но я все же убеждался из чтения этих листков, что рабочим действительно плохо живется, что их угнетают и на их счет припеваючи живут ничего не делающие хозяева, которых поддерживают полиция и правительство. Социал-демократы рисовались в моем представлении бескорыстными людьми, желающими добра рабочим и борющимися за обиженный и угнетенный люд, и это заставляло меня проникаться еще большей симпатией к ним, как к мученикам за правое дело, и гордиться тем, что брат мой принадлежит к их числу. Мне приходилось читать в книгах «для юношества» о людях, боровшихся и умиравших за свои идеи, за служение народу, и я невольно проводил аналогию между этими людьми и братом с его товарищами.

Моя восприимчивость к усвоению начатков социалистических идей в значительной степени может быть объяснена детскими впечатлениями от условий, в которых приходилось жить нашей семье. С ранних лет мне пришлось наблюдать, с каким трудом добывается хлеб насущный. Отец мой был типичным интеллигентным тружеником. Занимая довольно ответственный пост в американском страховом обществе «Нью-Йорк», обладая знанием

трех иностранных языков и чрезвычайно напряженно работая на службе, он зарабатывал лишь настолько, чтобы с трудом прокормить нашу большую семью и вести образ жизни, соответствовавший его служебному положению. Если мы не знали голода и нужды в буквальном смысле слова, то нам хорошо были знакомы случаи описания имущества у родителей, выселения из квартиры, заклада в ломбарде теплых вещей, исключения кого-нибудь из нас из гимназии за невнесение во-время платы за учение. На практике мы познали, что такое «власть денег» и постоянная погоня за ними. С малых лет жизнь учила нас, что «в потѣ лица» приходится «добывать хлеб свой»; каждая копейка в доме была считанной, и каждый, даже небольшой, непредвиденный расход нарушал бюджетное равновесие семьи. Таким образом в нашем доме жила трудовая психология, и социалистическая критика экономического паразитизма и общественного неравенства легко находила доступ не только в наши умы, но и в сердца. А если прибавить к этому, что мы принадлежали к угнетенной еврейской национальности и на своем опыте узнали, что такое еврейское бесправие, то не покажется удивительным, что революционные настроения и чувства находили себе благодарную почву у всех членов нашей семьи.

От Сергея же я узнал о существовании среди революционеров двух направлений: марксистов-социал-демократов и народников. Различие между ними я усвоил себе тогда приблизительно в следующем упрощенном виде: марксисты возлагают свои надежды на рабочих, обращаясь к ним со своей пропагандой и агитацией (разница между этими двумя терминами тоже была мне разъяснена), тогда как народники рассчитывают на крестьян. Сергеем не стоило труда доказать мне (я и так безгранично верил ему на слово), что истина на стороне марксистов. За это говорило уже то, что Юлий — марксист, да и частые стачки рабочих, происходившие в то время, подтверждали боеспособность и революционность пролетариата.

Литературная борьба между марксистами и народниками была в это время в полном разгаре. Впервые стали выходить в свет легальные книги, посвященные защите марксизма и критике народничества, которые производили фурор среди учащейся молодежи. В эти годы появились первые ласточки марксистской

«весны» — книги: Струве «Критические заметки» (1894 г.) и Бельтова-Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» (начало 1895 г.). В том же 1895 г. был выпущен и сожжен цензурой марксистский сборник «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития» со статьями Плеханова, Ленина, Струве, Потресова и др.; в 1896 г. появилась книга Волгина (Плеханова) «Обоснование народничества в трудах г. В. В. (Воронцова)». С конца 1896 г. в Самаре начала выходить первая легальная марксистская газета «Самарский Вестник» при участии П. Маслова, А. Санина, В. Португалова, Р. Циммермана (Гвоздева). На те же годы падает выход в свет марксистских экономических работ М. Туган-Барановского («Промышленные кризисы» и «Русская фабрика»), С. Булгакова («О рынках»), И. Гурвича и др. Народники не оставались в долгу перед марксистами и со страниц их журнала «Русское Богатство», редактировавшегося Н. К. Михайловским, В. Г. Короленко и Н. Ф. Анненским, шли ответная критика и обвинения марксистов в «служении капитализму», находившие себе подкрепление в объемистых трудах «столпов» народничества: В. Воронцова (В. В.), С. Кривенко, С. Южакова, Н. Кареева и других.

Всех этих книг я тогда, конечно, не читал, но их названия были мне известны, так как отголоски полемики народников с марксистами, перенесенной из печати во все студенческие кружки и вечеринки, доносились и до нашей квартиры. Когда по вечерам у сестер собиралась молодежь (а это бывало несколько раз в неделю), среди которой были сторонники как народников, так и марксистов, между ними завязывалась ожесточенная полемика с взаимными колкостями, что не мешало через день-два участникам этих споров встречаться самым дружелюбным образом. Все эти беседы и споры, при которых мне неоднократно приходилось присутствовать, незаметно откладывали в моем сознании свой отпечаток¹⁾.

В июне 1896 г. был арестован С. А. Гофман. После ареста основателей «Союза борьбы» на долю его выпала тяже-

¹⁾ Знакомство мое в этот период с художественной литературой народнического направления (Успенский, Златовратский, Каронин, Засодимский, Наумов, Левитов, отчасти Короленко) усиливало мое народолюбие в широком смысле слова и сочувствие к людям, «страдающим за народ».

лая задача: собирание остатков организации, сколачивание последней вновь после учиненного охранкой разгрома, завязывание новых связей с рабочими и т. п. В этой деятельности он не был абсолютно одинок, но на него, как на одного из самых испытанных и старых работников, пала значительная, может быть, наиболее ответственная, часть работы. В весенние месяцы 1896 г. Союз развивал свою деятельность одновременно и экстенсивно и интенсивно. Благодаря оживлению в промышленности и связанной с ним полосе экономических забастовок петербургские рабочие тянулись к Союзу, ища руководства, требуя от него поддержки, прокламаций, пропагандистов. Прокламации («листочки», как называли их рабочие) выходили одна за другой и распространялись массами. Их не только разбрасывали и расклеивали по мастерским, но нередко просто передавали в руки рабочим при выходе последних из фабрик. Всю эту литературную, техническую и распространительскую работу надо было налаживать. Последние месяцы пребывания на воле Гофман не жил, а горел, лихорадочно работая не покладая рук.

Гофман был арестован в самом начале знаменитой стачки 35 тысяч петербургских ткачей и прядильщиков, начавшейся в конце мая 1896 г. и продолжавшейся целый месяц. Стачка эта была подготовлена «Союзом борьбы», под руководством которого она довольно организованно протекала. Она явилась как бы подведением итогов предшествующей агитационной деятельности Союза. В последние две недели перед арестом Гофман со дня на день ожидал последнего: налицо были признаки, делавшие это неминуемым. Но до конца он оставался на посту, который нельзя было покинуть в столь ответственный момент¹⁾.

Летняя стачка 1896 г. составила эпоху в истории рабочего и социал-демократического движения в России. Она послужила гранью между подготовительным периодом и периодом массового

¹⁾ Арестованный посреди напряженнейшей, треплющей нервы работы, когда месяцы идут за годы, и провел около 2 лет в тюрьме (частью в «предварилке», частью в Петропавловской крепости), Гофман вышел из нее вконец разбитым и надломленным человеком. Предыдущая нервная работа в течение нескольких лет, тяжелое влияние тюремных условий и присоединившиеся к этому переживания в области личной жизни сломили этого сильного и незаурядного общественного работника. Его прежние верования и идеалы получили какую-то сильную трещину.

рабочего движения под руководством социал-демократии. Она лучше всяких теорий доказала наличие в России пролетариата как революционной силы, разрешив практически многолетний спор между марксистами и народниками. После стачки не только в Петербурге, но и по всей России начинается массовый приток свежих сил в ряды социал-демократии. Начинается подлинное «движение в пролетариат» революционной интеллигенции, подобное по своему бескорыстному идеализму и проявлениям самопожертвования знаменитому хождению в народ «революционеро-семидесятников».

Стачка 1896 г., подробности о которой передавались и комментировались у нас дома, произвела на меня очень сильное впечатление. В самом факте единодушного и одновременного выступления 35 тысяч рабочих с одними и теми же требованиями я увидел блестящее подтверждение того, о чем рассказывал мне Сергей. Рабочий класс, до того времени представлявшийся мне чем-то абстрактным, каким-то таинственным незнакомцем, встал теперь передо мной во всей своей грозной действительности, наполнился плотью и кровью. В его лице я чувствовал, вместе со многими, ту могучую силу, которая сбросит ставшее ненавистным мне самодержавие и приведет к победе тех, кто томится по тюрьмам и ссылкам, страдая за народ. «За народ» — ибо представление о революционерах продолжало у меня окрашиваться в народнические, романтические цвета: социал-демократы, как и революционеры других направлений, борются за народ из сожаления к нему и сочувствия его страданиям.

Сосланный на три года в г. Слободской Вятской губернии, он постепенно разошелся с старыми товарищами и от социал-демократических убеждений ударился в мистицизм, к которому, как кажется, имел предрасположение с юности. После ссылки он поселился в глухой провинции, опростился, женился на крестьянке, одно время был частным поверенным и, кажется, окончил обращением в православие. В его лице социал-демократическое движение, несомненно, лишилось видного работника. Выпущенный перед своим отправлением в ссылку на несколько дней, Гофман заходил к нам. Он произвел на всех нас очень тяжелое впечатление: выглядел он сильно постаревшим и потускневшим; был рассеян, погружен в самого себя, часто отвечал невпопад на задаваемые ему вопросы. Временами он неестественно оживлялся и тогда производил впечатление неуравновешенного человека, столь непохожего на того, каким мы знали его до ареста.

ГЛАВА III

ДАЧА В ФИНЛЯНДИИ.— ССЫЛКА «СОЮЗОВЦЕВ» В СИБИРЬ.

На даче в Белоострове.— Доктор Гурвич и его жена.— Переноска нелегальной литературы.— Мое знакомство с социал-демократическими брошюрами.— Семья В. И. Ульянова.— Новые аресты и новые знакомые.— Приговор по делу «Союза борьбы».— Освобождение Мартова и его товарищей.— Впечатления от встреч с последними.— Интеллигенты и рабочие.— Совещание старых и новых членов «Союза борьбы».— В пересыльной тюрьме.— Проводы.

Лето 1896 года наша семья проводила на даче в Белоострове по Финляндской железной дороге. Белоостров был последней железнодорожной станцией по эту сторону русско-финляндской границы; следующая за ним станция Куоккала находилась уже на финляндской территории. Таможенный осмотр (довольно тщательный) пассажиров и их багажа производился для поездов, следующих из Петербурга в Финляндию, в Куоккале, а для поездов из Финляндии в Петербург — в Белоострове. Белоостров и Куоккала, отстоящие друг от друга версты на 3—4, соединены шоссе, посреди которого находились шлагбаум и таможенная застава, через которую гуляющих дачников пропускали обыкновенно без особенно внимательного осмотра и, конечно, без личного обыска.

Все эти обстоятельства были учтены доктором Ф. И. Гурвичем (Даном) при избрании им летнего местожительства. Гурвич поселился в Куоккале вместе со своей женой Верой Васильевной, вдовой товарища Юлия по первому делу А. Г. Ризенкампфа, покончившего с собой в 1895 г. в результате драматической истории, подробно рассказанной в «Записках социал-демократа». Гурвич к описываемому времени уже выдвинулся на роль одного из руководителей петербургского «Союза борьбы».

Жена его тоже принимала участие в социал-демократической работе. Получив от градоначальника разрешение на работу на дому на пишущей машинке, что в те времена предоставлялось лишь «благонадежным» лицам, она переписывала на ней оригиналы прокламаций для перенесения их потом на мимеограф.

Гурвичи часто приходили к нам в Белоостров, и мы принимали совместно дальние прогулки, до которых Ф. И. был большой охотник. Поженившись незадолго перед этим, Гурвичи находились постоянно в приподнятом настроении и с удовольствием отдавались всевозможным летним увеселениям. За короткое время мы все сошлись с ними и много времени проводили вместе. Особенно привлекала к себе Вера Васильевна, в то время молодая красивая женщина с тонкими чертами подвижного интеллигентного лица, умевшая заразительно смеяться своим мелодичным смехом и дурачиться, как маленький ребенок. Но и Гурвич, несмотря на свою внешнюю степенность, мог, в особенности на лоне природы и среди молодежи, забывать о серьезных материях и партийных заботах, предаваясь вместе со всеми нами забавам и играм.

Но скоро я узнал, что не одни только забавы и прогулки были на уме у Гурвичей, когда они селились в Куоккала. Однажды поздно вечером, близко к ночи, к нам на дачу явился, по обыкновению в большом возбуждении, Борис Гольдман, который в это время стал уже одним из центральных работников Союза и держался несколько более солидно. Таинственно пошептавшись о чем-то с сестрами и Сергеем, он вскоре ушел.

На утро я узнал от Сергея о причине этого таинственного ночного посещения. «Союзу борьбы», если не ошибаюсь, впервые за все время его существования удалось получить через Финляндию значительный транспорт заграничной нелегальной литературы. Последняя в количестве нескольких пудов была беспрепятственно доставлена из-за границы через Вильну бундовцем «Тимофеем» (Коппельзоном¹⁾) на дачу Гурвичей, как кажется, при непосредственном участии Гольдмана и его приятельницы и нашей доброй знакомой, курсистки Ольги Васильевны Неустроевой. Теперь оставалось выполнить вторую часть

задачи: доставить литературу в Петербург. Везти ее по железной дороге со ст. Куоккала было рискованно, так как при таможенном осмотре она легко могла быть обнаружена, даже при перевозе ее небольшими количествами. Более целесообразным представлялся план переноса литературы по частям из Куоккалы по шоссе к нам на дачу, а оттуда уже со ст. Белоостров везти по железной дороге местным поездом в Петербург, не подвергаясь таможенному осмотру. План этот был принят. Со следующего же дня, примерно в течение 1½—2 недель, совершалось паломничество от Гурвичей к нам. Переносили на себе литературу сами Гурвичи, мои сестры, Сергей, Гольдман и еще кто-то из приезжавших специально с этой целью из Петербурга работников. Литература переносилась небольшими пачками, обвязываемыми вокруг тела под верхней одеждой, во избежание каких-либо подозрений со стороны таможенного чиновника, сидевшего у шлагбаума. Само собой разумеется, что эта операция с доставкой к нам на дачу нелегальной литературы производилась втайне от наших родителей, даже не подозревавших, что в течение около месяца снятая ими дача служила складом нелегальной социал-демократической литературы. После доставки всего транспорта к нам литература теми же лицами, кроме Сергея, частями же вывозилась в город.

Я столь подробно остановился на этом случае, потому что он в двойном отношении сыграл роль в моем революционном развитии. Прежде всего я узнал на практике новые для меня стороны революционной деятельности: доставку нелегальщины из-за границы, методы и приемы конспирации, употребляемые при этом; своими глазами я видел, как «нагружаются» литературой и «разгружаются» от нее тайно от постороннего глаза. Во-вторых,— и это имело, конечно, гораздо большее значение для меня,— я впервые увидел «настоящую» революционную литературу: не гектографированные, с трудом разбираемые прокламации и листочки, а хорошо отпечатанные в типографии заграничные издания. Это были все издания заграничного «Союза русских социал-демократов», объединявшего эмигрантские социал-демократические группы и выпускавшего большое количество преимущественно агитационной литературы. Я усиленно надоедал Сергею и сестрам, чтобы они разрешили мне прочитать эти

¹⁾ В настоящее время член ВКП (б).

соблазнительные для меня книжки. Они сначала отказывали мне в моей просьбе, — потому ли, что считали меня неподготовленным к усвоению подобной литературы, потому ли, что опасались, что своей неосторожностью я «справлю» перед родителями факт нахождения у нас склада, в результате чего может получиться огромный скандал. Я настаивал. Тогда обратились за разрешением вопроса к Гурвичу, который, к моей радости, отнесся благосклонно к моей просьбе. После всевозможных наставлений и предупреждений, как прятать читаемую брошюру, для меня отобрали для пробы по экземпляру нескольких самых популярных книжек, которые я читал поздно вечером, когда родители уже укладывались спать, или днем, уединяясь в какие-нибудь укромные места. К чести моей надо сказать, что я ни разу не осквернил себя, вполне оправдав проявленное ко мне доверие со стороны старших.

Со священным трепетом приступил я к чтению этих тоненьких брошюр небольшого формата, в которых, как представлялось мне тогда, скрывается истина. Я как сейчас помню названия и содержание большинства прочитанных мною тогда социал-демократических изданий и какое впечатление они на меня произвели. Это были: «Рабочий день», «Что нужно знать и помнить каждому рабочему», «Кто чем живет?» Дикштейна, «Десятилетие морозовской стачки», «О штрафах» (Ленина), «Машинка» Кольцова, «Борьба английских рабочих за свободу» (чартистское движение) Кричевского, журнал «Работник» со статьями Плеханова, Аксельрода, Кольцова и др., «Листки Работника» и др. Некоторые из этих брошюр имелись в большом количестве (по несколько тысяч экземпляров), другие в отдельных экземплярах, и мне доставляло большое удовольствие вместе с Сергеем подсчитывать их, сортировать и раскладывать по пачкам перед каждой очередной отправкой партии их в Петербург.

Конечно, далеко не все содержание этих брошюр было понято мною, но очень многое в них и прежде всего их общий дух были доступны мне вследствие раннего моего знакомства с революционным миром, рассказов Сергея и бесед, происходивших постоянно в нашей семье. В самых общих чертах я усвоил теперь, в чем сущность капитализма и социализма, каковы цели рабочего движения, что такое эксплуатация рабочих, какова роль

правительства в борьбе рабочих с предпринимателями, для чего нужна рабочим политическая свобода. Мой, воспитанный домашними впечатлениями, бессознательный революционизм получал некоторую почву под ногами...

Тем же летом 1896 года у нас произошло довольно близкое знакомство с семьей Ульянова-Ленина, а именно с его старушкой-матерью и двумя сестрами. Они познакомились с моей матерью и сестрами в приемной «предварилки», и одинаковость забот и переживаний сблизила их. Поселившись летом, по совету наших, на даче между Белоостровом и Куоккалой, Ульяновы стали часто бывать как у нас, так и у Гурвичей.

В высшей степени приятное и симпатичное впечатление производила мать Владимира Ильича, ныне уже покойная Мария Александровна Ульянова. Это была пожилая, седая, но еще бодрая женщина с красивыми аристократическими чертами лица; от нее веяло одновременно большой добротой и вместе с тем гордой сдержанностью. Старшая сестра Анна Ильинична, по мужу Елизарова¹⁾, выглядела значительно старше своих лет благодаря своей старообразной наружности. Младшая сестра Марья Ильинична была приблизительно одних лет с моими сестрами, с которыми у нее установились очень хорошие отношения; насколько я помню, она отличалась тогда большой застенчивостью и замкнутостью характера. Ульяновы производили впечатление очень дружно живущей семьи; центром последней был отсутствовавший Владимир Ильич, которого и мать и сестры, повидимому, боготворили. Это сквозило во всех их разговорах о нем. Зато о старшем казенном члене семьи, Александре Ульянове, в нашем присутствии ни разу не было произнесено ни одного слова. Очевидно это была тема, которой слишком больно было касаться; рана, нанесенная его преждевременной трагической гибелью, еще не затянулась.

От своих я услышал тогда впервые, что старший брат Владимира Ильича — Александр, кончавший университет и подававший большие надежды выработаться в незаурядного ученого, в 1887

¹⁾ Муж ее, живший тогда, кажется, в Москве, где служил в железнодорожном управлении, наезжал лишь изредка на дачу. Впоследствии, при Советской власти, он был одно время комиссаром путей сообщения и умер в 1919 или 1920 г.

году (1-го марта) был арестован по делу о готовившемся террористическом покушении на Александра III и повешен вместе со своими товарищами в Шлиссельбургской крепости. Узнав об этом, я понял преждевременную седину и тихую скорбь, написанную на лице Марии Александровны даже тогда, когда она приветливо улыбалась, и угрюмость и сдержанность ее дочерей и революционность Владимира Ильича, о котором говорили как о первоклассной революционной величине, не уступающей Юлию, а такое сравнение служило в нашей семье наивысшей похвалой. Один, сам по себе незначительный, случай даже мне, 13-летнему мальчику, сказал очень много, заставив почувствовать всю глубину переживавшейся Ульяновыми трагедии. Однажды Ульяновы вместе с моей матерью и сестрами отправились на море купаться, откуда вернулись к нам на дачу выпить чаю. Спустя некоторое время после возвращения Анна Ильинична вдруг всполошилась и, сказав, что что-то забыла в купальне, спешно побежала туда. Вернулась она успокоенная, объяснив одной из моих сестер, что она оставила было и теперь нашла в купальне золотые часы — единственную, сохранившуюся у них память о брате Александре.

Осенью 1896 г. охранное отделение произвело новые большие аресты; среди других видных деятелей «Союза борьбы» (М. А. Сильвин, Н. К. Крупская) был арестован и Ф. И. Гурвич. Аресты повторились в декабре 1896 г., когда был захвачен А. Н. Потресов, с которым сестра моя Надежда поддерживала сношения по литературным делам Юлия и о котором отзывалась как о теоретически очень образованном и выдающемся марксисте, близком друге П. Б. Струве и влиятельном работнике Вольно-Экономического Общества¹⁾.

¹⁾ «Императорское вольно-экономическое общество», существовавшее еще со времен Екатерины II, вернее его «третье отделение», было в то время центром притяжения для радикальной интеллигенции, своего рода общественным клубом, в котором дискутировались животрепещущие вопросы современности, и велась теоретическая полемика между марксистами и народниками. Особенно много шуму наделали продолжительные дебаты по вопросу о хлебных ценах, происходившие, если не ошибаюсь, все в том же 1896 г. Многие члены общества и должностные лица III отделения

Из старых знакомых — членов Союза — у нас бывал теперь один только каким-то чудом уцелевший от ареста Б. Гольдман; но зато среди посещавших сестер знакомых появилось множество новых лиц, некоторые из которых вскоре после этого приняли участие в социал-демократическом движении. Назову тех из них, кого сохранила память. Очень сблизилась в это время со всей нашей семьей подруга старшей моей сестры, дочь весьма реакционного генерала, адъютанта великого князя Владимира Александровича, Екатерина Генриховна Гуро, прозванная в нашей семье «маркизой». Это была в высшей степени своеобразная и оригинальная натура, с острым и не шаблонным умом и с сильным характером при чрезвычайной душевной отзывчивости и доброте. Индивидуалистка по своему мировоззрению и большая поклонница Ницше, она одно время активно работала в «Союзе борьбы», примыкая к его крайнему «экономическому» крылу, то-есть к группе «Рабочей Мысли» и доводя на практике до крайности положения «экономизма». Впоследствии, уже после 1905 г., разочаровавшись в социал-демократии, она увлеклась анархо-синдикализмом и уехала в целях его пропаганды куда-то в Южную Америку. В настоящее время она коммунистка и работает в области дошкольного воспитания детей. К детям она всегда относилась с какой-то удивительной трогательностью, и после ареста всех старших членов нашей семьи, а позже и меня, она немало забот и времени посвятила воспитанию и развитию моих двух младших сестер¹⁾. Часто бывали у нас в этот период сестры Ольга и Марья Васильевны Неустровы, брат которых, студент Александр, сидел в это время в тюрьме по делу «Союза борьбы». Обе они принимали в различное время участие в социал-демократическом движении, при чем М. В. была ревност-

(Струве, Потресов, секретарь III отделения К. К. Бауэр) были тесно связаны с «Союзом борьбы», частью входя в его состав, как последние двое, частью оказывая ему со стороны литературные и финансовые услуги (Струве).

¹⁾ Иногда вместе с собой она приводила свою младшую сестру, художницу, Елену Гуро, крайне впечатлительную и болезненную молодую девушку. Впоследствии Елена Гуро имела успех на литературном поприще, выступив с сборником декадентских рассказов под названием «Шарманка» и со стихами того же направления. Она умерла еще молодой во второй половине 1900 года.

ной сторонницей «экономизма» и «Рабочей Мысли». Б. Гольдман познакомил сестер с несколькими своими земляками, которые стали их посещать. Из них упомяну об Акиме Бендере, впоследствии участнике группы «Рабочее Знамя», и Ароне Солнце, известном ныне деятеле коммунистической партии. В это же приблизительно время мы познакомились со студентом Военно-медицинской академии Г. С. Канцельем, за которого впоследствии вышла замуж сестра моя Лидия. Канцель был связан с политическим «Красным Крестом» и активно работал в легальном обществе «Комитет грамотности», ставившем себе целью распространение в народе популярных изданий. Несколько раз посетил нас А. А. Кийков, игравший впоследствии в Уфе заметную роль в качестве юриста и социал-демократа (меньшевика). Однажды Кийков привел с собой двух своих товарищей по университету, одним из которых был небезызвестный ныне философ Н. О. Лосский. Я хорошо помню, как он чуть ли не с первых же слов сдвинулся с моей сестрой Лидией, отличавшейся острым языком и любившей поспорить, по вопросу о существовании бога, которое он, как идеалист, отстаивал от ее материалистических и атеистических нападок. Наконец, бывал у нас нередко тогда марксист, а впоследствии «кадет», историк М. А. Лихарев, переводчик многих исторических работ.

В конце февраля 1897 года участь брата и его товарищей была, наконец, решена. Приговор (в административном порядке) первоначально гласил 8 лет восточной Сибири для главных участников дела, но вследствие манифеста по случаю коронации Николая II в 1896 г. он был значительно смягчен. Один только студент Запорожец¹⁾ получил 5 лет Сибири; брат, Ульянов, Кржижановский, Старков, Вансеев, Ляховский и Лепешинский — 3 года Сибири; несколько человек были сосланы в северные губернии и две женщины — в Астраханскую; остальные участники, в том числе большинство рабочих, отделались высылкой под надзор полиции в различные города России.

¹⁾ Запорожец был выделен из числа других потому, что его рукой было переписано большинство статей для подготавливавшегося к печати первого номера «Рабочего Дела», взятых при обыске у Вансеева. На этом основании следственные власти сочли его главной литературной силой и руководителем Союза, каковым он не был.

Уже после приговора мы с Сергеем получили свидание с Юлием в «предварилке». Последняя с ее железными запорами и всякими галереями произвела на меня тягостное впечатление. Свидание, продолжавшееся 20 минут, оставило по себе осадок неудовлетворенности вследствие своей сумбужности, характерной для таких случаев. Юлий, отрастивший в тюрьме огромную бороду, с бледно-желтым осунувшимся лицом казался каким-то новым, постаревшим и немного чужим. Настроен он был очень бодро и строил всевозможные планы относительно предстоявшей ссылки.

Дома у нас шло усиленное снаряжение его к отъезду. За несколько дней до перевода его и его товарищей в пересыльную тюрьму для следования оттуда этапом сестре Лидии пришла в голову шальная мысль добиваться освобождения Юлия на несколько дней перед отъездом. Энергичная и настойчивая, привлекавшая к себе симпатии даже представителей власти, она, постоянно хлопоча за того или другого товарища, знала все ходы и выходы в департаменте полиции и в прочих учреждениях, в которых решались судьбы политических заключенных. Без особенного труда она добилась личной аудиенции у директора департамента полиции — Зволянского. Ссылаясь на свою болезнь — у нее в это время быстро развивался туберкулезный процесс в легких с сильным повышением температуры, с частыми кровохарканьями — и на то, что не проживет трех лет и, следовательно, не увидит более брата, она разжалобила Зволянского и вырвала у него согласие на освобождение брата на три дня, которые посредством вельческих провололочек растянулись на неделю. Узнав об этом, родственники других высылаемых последовали примеру сестры и стали осаждать Зволянского, требуя распространения этой льготы на остальных. В конце концов Зволянскому пришлось удовлетворить и эти просьбы. Впоследствии Зволянский уверял сестру, что ему за этот самовольный поступок «нагорело» свыше; так это было или не так, но факт тот, что при отправке следующих партий в Сибирь никого из ссылаемых не отпускали ни на один день.

Неделя, проведенная Юлием под родительским кровом, промелькнула как сон. Неестественно возбужденный и опьяненный неожиданной свободой, он эти дни находился как бы в чад.

Почти все время он проводил среди своих освобожденных товарищей и тех, кто оставался их заместителями на воле. Так как из всех «союзцев» у одного только Юлия квартира по своим размерам представляла удобства для встреч и сборищ, то последние происходили, главным образом, у нас. Благодаря этому обстоятельству мне удалось в эти незабываемые дни повидать всех главных деятелей «Союза борьбы», — этих почти легендарных «героев», о которых я столько слышал и с которыми был как бы заочно знаком. Хотя всех приходивших мне пришлось видеть только мельком и урывками, но и этого было достаточно, чтобы получить от них определенное впечатление.

Сильное и вместе с тем тяжелое впечатление произвел на всех нас появившийся раньше других студент-технолог Петр Кузьмич Запорожец. Уже тогда, в результате 14 месяцев одиночного заключения он был психически ненормален, хотя в пылу радости и упоения свободой товарищи не придавали значения обнаруживаемым им странностям. Это был очень высокий, крепкий на вид человек, лет 25—26, с запущенной в тюрьме огромной черной бородой и с большой шевелюрой темных волос. Его черные или темно-карие глаза зловеще сверкали из-под нахмуренных густых бровей и пронизывали собеседника острым взглядом. Временами они устремлялись куда-то вдаль, были безжизненны и мутны; и тогда казалось, что Запорожец мыслью находится в каком-то другом, далеком от присутствующих, мире. Он был молчалив и сосредоточен; даже принимая участие в общем разговоре, он нервно ходил вдоль комнаты большими шагами, не выпускал изо рта папиросы и раздражался на всякую шутку со стороны товарищей. В московской пересыльной тюрьме («Бутырках») Запорожец начал проявлять враждебность и подозрительность в отношении к товарищам, беспричинно раздражаясь¹⁾ на них. Это навело их на мысль о его психической ненормальности. Тогда они забили тревогу, в результате которой Запорожца отставили от этапа; потом он был осво-

¹⁾ Характерно, что его особенно раздражала цифра два (так, повидному, отложился в его больном сознании разница в приговоре ему и другим товарищам); когда невеста его товарища Ванеева принесла в Бутырки два цветка: один — Запорожцу, другой своему жениху, Запорожец, выйдя из себя, стал топтать ногами свой цветок и т. п.

божден и сдан на руки родителям. Прожив на родине, на Украине, несколько лет, он однажды набросился на свою мать с ножом, после чего был помещен в психиатрическую лечебницу, где вскоре умер.

Прямо противоположное, обаятельное впечатление производил товарищ Запорожца по технологическому институту Анатолий Александрович Ванеев. Небольшого роста, светлый патен с широко раскрытыми и лихорадочно горящими, излучающими доброту глазами (В. уже тогда страдал развившимся в тюрьме туберкулезом, который через два года свел его в могилу), он как-то особенно ласково и приветливо улыбался, обнаруживая трогательную нежность по отношению к товарищам, в особенности к одинокому сумрачному Запорожцу. Впоследствии мне пришлось слышать, что Ванеев обладал незаурядными способностями и солидными теоретическими познаниями и, не умри таким молодым (он не дожил до 30 лет), он, вероятно, стал бы крупным деятелем русского рабочего движения. В дороге и в ссылке Ванеев очень сблизился с Юлием, который, в свою очередь, относился к нему с большою теплотой и любовью.

С большим интересом приглядывались мы с Сергеем к рабочему Петру Карамышеву. Ведь это был первый живой рабочий — социал-демократ, которого нам пришлось встретить в жизни. Мы невольно искали у него тех черт, которые в нашем представлении должны были характеризовать единственный революционный класс, носителя социалистических идей. К тому же мы слышали, что Карамышев является одним из выдающихся рабочих. Собственно говоря, Карамышева можно было назвать рабочим лишь отчасти, так как происхождение его было не рабочее. Отец его был чиновником, занимавшим довольно значительный пост в одном из министерств (если память не изменяет мне, в министерстве путей сообщения). Но юноша Петр ушел из дома, порвав в 14—15-летнем возрасте с семьей, враждебно относившейся к его идейным стремлениям. Окончив ремесленное или техническое училище, он поступил слесарем на завод и в последнее время перед арестом работал на Путиловском заводе. Карамышеву было теперь лет 19—20. Его молодое безбородое лицо с высоким лбом и живыми глазами носило на себе печать одухотворенности. Нам сразу бросилось в глаза, что на

одной руке у Карамышева не хватало пальца, отрезанного машиной. Нам не нужно было лучшей иллюстрации эксплуатации рабочего класса и несправедливости капиталистического строя. Выражался Карамышев совершенно по-интеллигентски, употреблял к месту иностранные слова, обнаруживая основательные знания в области марксистской литературы (говорили, что он чуть не наизусть знает «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» Бельтова — тогдашнее евангелие социал-демократов). Это не мешало ему с большим почтением относиться к товарищам-интеллигентам. В особенности это проявлялось по отношению к Ульянову, на которого Карамышев смотрел снизу вверх: он заглядывал ему в глаза, стараясь предугадать его мысль, заботливо подавал ему пальто, вообще относился к нему с трогательным обожанием и почтением. С Юлием, которого, по видимому, он больше встречал на воле, он держался проще, дружески похлопывал его по плечу и фамильярно называл его конспиративной кличкой «Егор».

Из рабочих, кроме Карамышева, нашу квартиру посетили еще Иван Васильевич Бабушкин и Борис Зиновьев. Бабушкин по первому впечатлению не мог идти ни в какое сравнение с Карамышевым. Он был тоже еще очень молодым человеком, с небольшой русой бородкой, с мало выразительным, бесцветным рябым лицом. Держался он очень застенчиво, немного заикался, стесняясь присутствия большого количества интеллигентов; в разговоре он употреблял типичные для простоянина выражения и неправильные грамматические обороты и вообще производил довольно серое, хотя и симпатичное, впечатление. А между тем судьбе угодно было, чтобы Бабушкин вписал свое имя крупными буквами в историю русского рабочего движения, тогда как казавшийся гораздо более блестящим Карамышев сошел с политической сцены очень скоро и притом довольно бесславно. Бабушкин был выслан под надзор полиции в Екатеринослав, где принимал активное участие в местном рабочем движении. Будучи арестован в 1901 или в 1902 г., он бежал вместе с И. Горвицем из полицейского участка, после чего несколько лет в качестве нелегального работал в центральном промышленном районе, бывал за границей, после раскола партии примкнул к большевикам, пользуясь очень большим

доверием Ленина, был очень популярен среди рабочих, как весьма способный организатор и агитатор¹⁾. Бабушкин окончил свою непродолжительную жизнь на боевом посту при весьма трагических обстоятельствах: он был расстрелян в начале 1906 г. в Сибири карательной экспедицией генерала Рененкампа, захватившей его с транспортом перевозившегося им оружия.

Карамышев был выслан в Тверь, где некоторое время продолжал работать в рабочем движении, перестав заниматься физическим трудом. Но после вторичного ареста он круто порвал с прежними убеждениями. На допросах он держал себя неважно, писал какие-то покаянные заявления, и товарищи даже обвиняли его в провокации. Обвинение это не было доказано²⁾, но связь Карамышева с социал-демократией прервалась. Он ударился в интеллигентские настроения, написал неудачное беллетристическое произведение (под псевдонимом Петр Кар.) на тему о «половом вопросе», вращался в обывательских кругах, пленяя своим пессимизмом и разочарованностью тверских барышень и дам. Кончил он тем, что примирился со своим отцом, разрыв с которым был первым этапом его революционной деятельности. Все эти сведения о Карамышеве мне сообщили товарищи, когда в конце 1901 г. я останавливался проездом в Твери.

Б. Зиновьева я видел только мельком и успел разглядеть в нем стройного красивого брюнета очень интеллигентного вида. Он приходил всего один раз и был довольно таинственно принят братом и сидевшими у него тогда Ульяновым и Карамышевым. У них произошел какой-то крупный разговор, во время которого Зиновьев сильно волновался и говорил повышенным голосом. При его уходе прощанье с ним было довольно сухим и холодным. Уже позднее я узнал, что Зиновьев был вызван специально для объяснения по поводу его показаний на допросах, которые, по мнению некоторых товарищей, сильно повредили делу. Зиновьев доказывал, что показания эти объясняются особой

¹⁾ Между прочим, перу Бабушкина принадлежит популярная в конце 90-х г.г. брошюрка-листовка: «Что такое государственный преступник, социалист и революционер?».

²⁾ Провокационная деятельность Карамышева в тверской период его жизни была установлена после революции 1917 г.

принятой им тактикой и никому, кроме его самого, повредить не могли. Объяснения Зиновьева не удовлетворили товарищей, возлагавших на него до ареста большие надежды, как на очень талантливого агитатора. В «Записках социал-демократа» Мартов признает, что он с товарищами не оценил тогда искренности Зиновьева, подтвердившейся после революции 1917 г., когда стали известны полностью его подлинные показания: в них не оказалось ничего, что могло бы бросить тень на политическую репутацию Зиновьева. Высланный в Тверь, Зиновьев продолжал там революционную деятельность, но в отличие от Карамышева, бывшего в Петербурге главным его обвинителем, держался в тюрьме и на допросах как революционер и умер в тюремной больнице от тифа. Младшие брат и сестра Зиновьева, — так же, как и он, рабочие, — тоже принимали участие в социал-демократическом движении.

В следующие дни мы познакомились с остальными товарищами брата. В числе их были три инженера-технолога, связанных между собой тесной дружбой: Александр Леонтьевич Малченко, Глеб Максимилианович Кржижановский (нынешний председатель Госплана) и Василий Васильевич Старков. Малченко, худощавый стройный brunet с подвижным, болезненным и нервным лицом, жаловался на то, что тюрьма сильно подорвала его здоровье. По окончании 3-летней ссылки в Архангельскую губ. он жил в провинции, кажется, в Нижнем-Новгороде, сохранял социал-демократические убеждения, но активного участия в движении больше не принимал и, если не ошибаюсь, умер спустя несколько лет после ссылки. Г. М. Кржижановский был тогда очень красивым молодым человеком, лет 26, с тонкими чертами лица, отмеченного печатью интеллигентности, с большим высоким лбом и живыми выразительными глазами. Его друг и родственник Старков, напротив того, представлял собой тип «рубахи-парня». Выше среднего роста, «нескладно скроенный, да крепко сшитый», с простецким русским лицом, он весь дышал здоровьем и добродушием, производя впечатление широкой русской натуры. После ссылки оба они продолжали революционную деятельность. Кржижановский был активным деятелем группы «Искра» и «Организационного Комитета», подготовившего II съезд партии, а после последнего состоял одно время членом

Центрального Комитета. Оба они после раскола оказались в рядах большевиков и оба совмещали участие в революционном движении с работой по своей специальности (в качестве инженеров).

О В. И. Ульянове мне приходилось так много слышать до того как я его впервые увидел, что я с естественным нетерпением ожидал встречи с тем, кого называли душой и руководителем «Союза борьбы». Первое впечатление от него несколько меня разочаровало. Его наружность мало соответствовала моим тогдашним представлениям о революционерах. Владимиру Ильичу было тогда 27 лет, по тогдашним понятиям возраст для революционера довольно почтенный. Выглядел он даже еще старше благодаря огромной лысине, блестящей во всю длину его черепа. Высокий большой лоб, обнаруживавший силу мысли, резко очерченные черты лица, живые, умные, «с хитредой», немного косые и часто прищуриваемые глаза, загоравшиеся от времени до времени огнем и порой сверкавшие добродушной усмешкой, ироническая складка у губ под рыжими усами, рыжая бородка клинышком («как у ярославского мужичка» — говорили у нас), — таким запечатлелся в моей памяти Ленин после первой встречи с ним. Одет он был, в отличие от других товарищей, носивших блузы и косоворотки, весьма аккуратно, носил крахмальный воротничок и манжеты. Держался он в высшей степени просто и, несмотря на волнуящую обстановку встречи после тюрьмы, внешне очень спокойно. В первый же день, что он пришел, он остался после общих бесед ночевать у нас, чтобы вдосталь поговорить наедине с Юлием, к которому он заметно относился с большой симпатией и уважением. Они не ложились даже спать, проговорив до утра. Эта ночь, вероятно, положила начало тем близким личным отношениям, которые установились между ними во время ссылки; ведь до ареста они были знакомы в течение всего лишь нескольких месяцев, и встречаться им приходилось исключительно на деловой почве¹⁾.

¹⁾ Когда в 1904 г. мне пришлось вторично встретиться с Лениным за границей, меня крайне поразило, что он напомнил мне о подробностях нашей первой, вышеописанной, встречи. Хотя тогда мне казалось, что он еще менее других товарищей обратил внимание на мое присутствие при их общих встречах, но его большая наблюдательность помогла ему сохранить в своей памяти образ маленького гимназиста.

Позднее всех других по случайным причинам был освобожден наш старый приятель Ляховский, и нам очень мало пришлось его видеть. Он непомерно растолстел за этот год и обрюзг, все время нервно и растерянно смеялся и уже не казался прежним весельчаком и забавником, каким мы знали его до ареста. В ссылке он не поддерживал близких отношений с прежними товарищами: порвались духовные нити, связывавшие их, настроения и направление мыслей стали другими. В ссылке он занимался медицинской практикой и по окончании срока не вернулся, подобно другим «союзникам», в Россию. В 1905 г. Ляховский снова тряхнул стариной, вспомнив былое; он играл заметную роль в организации железнодорожной забастовки в Сибири, но уже в качестве не социал-демократа, а политического радикала, члена интеллигентского «Союза союзов». Участие Ляховского в забастовке вызвало против него преследования, и он вынужден был скрыться. Проездом в Америку он заходил к нам в Петербурге. К сожалению, меня в это время не было дома, но братья и сестры рассказывали, что по своей психологии он превратился в типичного обывателя. Рассказывая о своих выступлениях во время железнодорожной забастовки, он самоуверенно заявлял по адресу социал-демократов: «вот видите, не рабочие, а интеллигенция, в лице «Союза союзов», организовала железнодорожную забастовку и добилась октябрьского манифеста. Вы переоцениваете силы пролетариата, поклоняясь ему как фетишу». Как я слышал, несколько лет тому назад Ляховский умер в Америке.

Кроме перечисленных лиц, к нам заходили также ссылавшиеся по тому же делу, но не входившие в «Союз борьбы» (члены группы Чернышева) студенты-технологи Богатырев, Малышевский и Агринская. Впоследствии из них мне пришлось встретиться лишь с Малышевским (в 1906 г.), который принимал тогда участие в работе петербургской социал-демократической организации и сотрудничал в меньшевистской печати.

Освобождение основателей «Союза борьбы» было использовано ими для политических целей. Они решили поделиться пережитым и продуманным в тюрьме опытом с более молодыми товарищами и совместно с ними наметить, — как стали выражаться впоследствии, — «директивы» для будущей деятельности. Надо иметь в виду, что к началу 1897 г. большинство старых

работников, лично известных его основателям, уже сошло со сцены, сидя в тюрьме. Заменявшие «стариков» деятели в своем подавляющем большинстве принадлежали к новому революционному поколению без серьезных революционных традиций, без солидного теоретического багажа. Многие авторы воспоминаний о происходивших в описываемые мною дни собраниях (главным образом, в нашей квартире) отмечают, что на них обнаружались зачатки тех политических разногласий, которые впоследствии вылились в форму борьбы между двумя направлениями: «экономизмом» и «искризмом» (или «политицизмом»), сыгравшей крупную роль в истории российской социал-демократии.

На этих собраниях, кроме выпущенных из тюрьмы, присутствовало всего 4—5 человек из активных работников Союза. Из них я помню Б. Гольдмана, вскоре после того арестованного, супругов Радченко и А. А. Якубову¹⁾.

Степан Иванович Радченко представлял собой одну из крупнейших фигур среди социал-демократов того периода. Основатели Союза, к числу которых он принадлежал, относились к нему с большим уважением и очень считались всегда с мнением «Степана», как его все звали. С. И. Радченко был человек лет 30 с небольшим, высокого роста, плотный и довольно грузный на вид, с рыжеватой бородой и усами, с характерным мягким гортанным украинским говором, с пристально, немного исподлобья, смотрящими серыми стальными глазами, медлительный в движениях и в разговорах. При всем своем уважении к нему товарищи немного посмеивались над ним за эту его медлительность и флегму, за его постоянный скепсис и чрезмерную конспиративность. Радченко был одним из первых русских социал-демократов-практиков. Еще студентом-технологом он принимал участие в первых петербургских социал-демократических кружках Бруснева и братьев Л. Б. и Г. Б. Красиных и вместе с Кржижановским, Старковым и Малченко составил то основное ядро, которое, соединившись сперва с Лениным, а потом с Мартовым и его друзьями, положило начало «Союзу борьбы

¹⁾ В своих воспоминаниях, напечатанных в № 25 «Былого» за 1924 г., В. Катин-Ярцев рассказывает, что и он участвовал в них, но я по-прежнему-то его не вспоминаю.

за освобождение рабочего класса». С. И. был в то время одним из самых теоретически образованных и начитанных марксистов в России, прочитавшим в подлиннике важнейшие произведения научного социализма, что тогда являлось редким исключением. Уравновешенный и рассудительный, сильный характером и настойчивый до упрямства, Радченко, после ареста основателей Союза, занял никем не оспариваемое руководящее положение в организации. Не работая, по конспиративным соображениям, непосредственно в рабочих кружках, он в течение нескольких лет стоял в центре организации, считаясь «мужем совета» и хранителем идейных традиций Союза. Вместе с тем на нем лежала значительная часть организации конспиративно-технической работы: он поддерживал связи с «обществом», собирал денежные средства, поддерживал связи с границей и провинцией, был посредником между Союзом и легальными марксистами-литераторами (Струве и др.), — словом, во многих отношениях был тем необходимым связующим звеном, без которого деятельность Союза не могла бы принять большого размаха и получить всероссийское значение. Повидимому, эта именно роль была завещана ему уезжавшими в ссылку «союзниками» первого призыва. Впоследствии мне приходилось слышать, что более молодые деятели Союза нередко жаловались на «диктатуру», «генеральство» и властный характер С. И., а также на излишнюю его конспиративность, затруднявшую быстрое разрешение различных дел, но тем не менее долгое время без него обходиться не могли.

Когда в марте 1898 г. в Минске состоялся первый (незаконный) съезд Российской социал-демократической рабочей партии, организованный киевской группой «Рабочей газеты» по соглашению с С. И. Радченко, последний представлял на нем петербургский «Союз борьбы» и был избран председателем съезда и членом первого центрального комитета партии. Он был единственным членом последнего, которому удалось избежать ареста сейчас же вслед за окончанием съезда. Правда, позже он был арестован, но дело закончилось для него простой высылкой в Псков. Здесь он принимал участие весной 1900 г. в совещании, устроенном вернувшимся из ссылки Лениным, Мартовым и Потресовым по вопросу об издании политической

газеты (будущая «Искра»). Вскоре после этого он был арестован и выслан в Вологодскую губернию¹⁾.

Жена С. И. Любовь Николаевна (урожденная Баранская) была еще совсем молодой женщиной; красивая и привлекательная шатенка с серо-голубыми глазами, подвижная и энергичная, стремительная в движениях и полная огня, она была как бы живым воплощением ни перед чем не останавливающейся отважной юности и неукротимой революционной веры (недаром в период «Искры» она избрала себе революционную кличку «стихия»). В то время она еще только начинала свою революционную карьеру, выступая в качестве пропагандистки в рабочих кружках и выполняя различные технические поручения. В последующие годы она была одним из самых активных партийных работников искровского периода и долгое время занимала ответственные и центральные партийные посты.

Несколько слов о А. А. Якубовой — женщине среднего роста, с гладко причесанными темно-русскими волосами, с простым открытым русским лицом, с характерным говором на «о» (она была родом из Вологодской губ., дочь черносотенного священника). Товарищи очень ценили ее самостоятельный ум, прекрасный характер и преданность делу. Некоторое время она была душой петербургского «Союза борьбы» и группы «Рабочая Мысль», потом эмигрировала за границу (в Англию), вслед за своим мужем, известным марксистом-социологом К. Тахтаревым²⁾, которому она помогала в его научных работах, одновременно представляя за границей крайнее крыло экономизма. Вернувшись в Россию после революции 1905 г., Тахтаревы не

¹⁾ Проживая с 1901 или 1902 г. на юге, в Киеве и Екатеринославе, Радченко не принимал уже активного участия в социал-демократическом движении, хотя еще раз был арестован по делу своего младшего брата И. П. Радченко (теперешнего видного коммуниста). Осенью 1911 г. он умер в Петербурге от болезни сердца. После его смерти в журнале «Наша Заря» близко знавший его А. Н. Потресов поместил его некролог и яркую характеристику его личности, дав психологическое объяснение отхода от практической деятельности одного из пионеров и основоположников социал-демократического движения в России.

²⁾ Его перу, между прочим, принадлежит «Очерк петербургского рабочего движения» (Тар-Тахтарев), посвященный начальной фазе деятельности «Союза борьбы». Умер в 1925 году.

принимали более участия в политической борьбе, всецело отдавшись научной и литературной деятельности. В частности А. А. написала несколько популярных брошюр по естествознанию под псевдонимом А. Александрова («О золоте» и др.); в последние годы жизни она серьезно болела и умерла незадолго до революции 1917 г.

* * *

Не успели мы все оглянуться, как пролетела неделя, и брату с товарищами пришлось «заарестоваться», чтобы отправиться в пересыльную тюрьму, откуда они должны были следовать этапом в Сибирь. Только Ульянову и Ляховскому удалось добиться разрешения ехать на собственный счет. Перед отправлением в пересыльную тюрьму «союзники» снялись группой; фотография их, переснятая потом в большом количестве и довольно широко распространявшаяся в социал-демократических кругах, в 1920 г. была воспроизведена в журнале «Творчество», сопровождая статью Н. К. Крупской о начале «Союза борьбы». Фотография изображает группу из 7 человек: в центре сидит Ульянов, по правую руку от него Кржижановский и рядом с последним Старков, по левую — брат. Сзади стоят Запорожец, Малченко и Ванеев.

Накануне отправления этапа мы всей семьей навестили Юлию в пересыльной тюрьме. Последняя расположена за Николаевским вокзалом, в местности, в те годы совершенно не заселенной и окруженной пустырями. Мы долго плутили, пока добрались до тюрьмы, утопая в грязи и в нарастающих местах сугробах снега. Тяжелое, гнетущее впечатление производили с визгом открывавшиеся железные ворота и внутренние двери тюрьмы, железные решетки и доносившееся откуда-то позвякивание кандалов уголовных каторжан.

Свиданье происходило для всех одновременно в просторной комнате, в которую из-за железной решетчатой двери ввели отъезжающих. Кроме брата и четырех его товарищей (Запорожец, Ванеев, Кржижановский и Старков), тут находился и П. Н. Лепешинский, арестованный одновременно с «союзниками», но по самостоятельному делу (печатание и распространение нелегальной литературы) и получивший приговор — 3 года ссылки в Сибирь.

Лепешинский был тогда молодым, довольно красивым и стройным человеком, высокого роста, с большой окладистой русой бородой. Всего нас собралось вместе с заключенными человек 20. Мы расселись кружком и началась общая беспорядочная беседа. Говорили о всяких мелочах и много шутили, но каждый в глубине своей души таил то сокровенное, для чего в эту минуту не находилось слов. Отъезжавшие наружно бодрились, но в бодрости этой звучал неестественный нервный подъем. Нелегко было уезжать, расставаясь, может быть, навсегда, с близкими, оставляя культурную жизнь с ее общественными интересами для неприглядной жизни в сибирской глуши. Но об этом не упоминалось ни слова. Три часа, предоставленные для свидания, прошли незаметно. Началось прощанье, так как ни уезжавшие, ни родные не были уверены, что удастся еще увидеться, а тем более попрощаться на вокзале. Администрация тщательно скрывала точное время отхода поезда из опасений демонстрации на вокзале. За несколько минут до того спокойные и веселые на вид родные стали плакать, а уезжавшие делали немало усилий над собой, сдерживая обуревавшие их чувства.

На следующий день с утра мы бродили у Николаевского вокзала, стараясь всевозможными способами узнать, с какой платформы будут отправлять ссыльных. Наконец, после долгих расспросов и беготни по железнодорожным путям удалось выяснить, что их подвезут к одной из запасных платформ. Здесь на перроне собралась кучка человек в 25 родных и друзей, чтобы еще раз посмотреть на близких и сказать им, может быть, последнее прости. Ждать пришлось довольно долго — часа два. Шел мелкий, противный петербургский мокрый снег, дул пронзительный ветер. Погода была созвучна с настроением уезжавших и провожавших. Наконец, на платформе стали обнаруживаться некоторые признаки полицейской жизни. Появился пристав, околоточные надзиратели, городовые, штатские лица подозрительного вида. Пристав несколько раз вежливо предлагал нам удалиться, уверяя, что все равно ни говорить, ни прощаться нам не дадут. Убедившись, однако, после долгих переговоров, что никакой демонстрации и нарушения порядка не предвидится, он махнул рукой, указав лишь черту на некотором расстоянии от прохода со двора на платформу, которую запретил переступить. Вскоре

к платформе подъехали два арестантских вагона с железными решетками на окнах, а затем подошла пешком, окруженная значительным конвоем, большая партия уголовных арестантов. Уголовные были все в арестантской одежде, многие — в кандалах. Началась погрузка в вагоны. Крики, брань, плач пришедших провожать их жен и матерей, — все это производило тягостное впечатление. Распоряжавшийся посадкой начальник конвоя снова стал гнать нас с платформы; конвойные солдаты отталкивали баб, порывавшихся обнять своих мужей и сыновей и совавших им кульки с продовольствием. Наконец, уголовных кое-как разместили и через закрытые окна с решетками они стали махать руками, что-то крича, но голосов их нельзя было слышать. Лица за решетками — изможденные и болезненные — напомнили мне известную картину Ярошенко «Всюду жизнь», изображающую арестантский вагон и в нем уголовных, бросающих из окон голубям крошки хлеба...

Между первым и вторым часом дня вдали появились четыре кареты, окруженные сильным конвоем; вскоре они подъехали к платформе; за ними следовала подвода с багажом политических. После перенесения багажа началась выгрузка живого груза. Из первой кареты вышли два совершенно неизвестных нам человека с бледными лицами и густой растительностью, кидавшие кругом растерянные взгляды. Это были присоединенные к этапу Павелко-Полоцкий и Кролевец — подяки, привлекавшиеся в связи с каким-то террористическим делом и до ссылки в Сибирь отбывшие по приговору 2 года заключения в «Крестах». Из второй кареты вышли Юлий и Запорожец. Юлий был бледнее обыкновенного и сильно волновался, хотя и сдерживал себя. Запорожец был по обыкновению угрюм, но силился улыбнуться. Мы подбежали к Юлию, наскоро прощаясь с ним. Конвойные стали отталкивать нас. Не желая длить тяжелой сцены, Юлий быстро прошел в вагон. В следующей карете были Лепешинский и Ванеев. Первый был оживлен и бодр, второй приветливо-ласков. Последними вышли Кржижановский и Старков, но я не успел их разглядеть, так как был оттиснут в задние ряды провожавших.

Разместившись в вагоне, они подошли к окнам, кивая нам. К вагонам был прицеплен паровоз, и они были переведены на дальний запасный путь, откуда должны были быть потом приде-

плены к поезду, идущему на Москву. Последние прощальные кивки головой, маханье шапками и платками — и вагоны отошли. На глазах у всех почти провожавших стояли слезы. Как-то не сразу мы двинулись домой, простояв еще некоторое время на платформе, словно чего-то еще ожидая¹⁾.

Мысль моя в эти минуты мучительно и напряженно работала. Эта сцена проводов как бы резюмировала для меня все переживания последних лет моей жизни в связи с арестами брата и его деятельностью. В душе накопилась злоба против режима, обрекающего лучших людей на страдание и муки, рождалось чувство мести и горячее желание оказаться достойным, чтобы продолжать дело насильственно удаляемых со сцены и готовиться к тому, чтобы со временем испить ту же горькую чашу, которую нельзя миновать тем, кто стремится возвыситься над обывательской жизнью и служить благу угнетенных народных масс.

С этого февральского дня 1897 г. мой жизненный путь был предрешен, путь революционный — единственно возможный при самодержавном строе...

¹⁾ Весной следующего (1898) года мне вторично пришлось присутствовать на проводах идущих этапом в Сибирь социал-демократов. Вместе с М. В. Неустроевой я пошел провожать ее приятеля, лично незнакомого мне, Н. Ф. Богданова, видного работника «Союза борьбы» и «Красного креста». Спустя несколько месяцев Богданов умер в Киренске Иркутской губ. от туберкулеза. Вместе с ним (и подобно ему на 4 года) отправлялись в ссылку еще 4 социал-демократа: студент-медик В. Катин-Ярцев, в 1917 г. член ЦК социал-демократической организации «Единство», студент университета Львов, химик Гинзбург (умерший несколько лет тому назад в Киеве) и его невеста (впоследствии жена) А. Давидович. На вокзале повторились тогда те же сцены, что и при проводах брата.

ГЛАВА IV.

1897—1898 ГОДЫ.

Пребывание Мартова в ссылке.—Его литературная деятельность.—Легальная марксистская литература.—«Ветровская» демонстрация.—Закон 2 июня 1897 г.—Мое посещение Вильны и знакомство с еврейскими революционерами.—Поездка в Самарскую губернию.—Пятая гимназия.—Первый гимназический кружок и его участники.—Гимназическая организация и библиотека.—Незаконные журналы: «Рабочая Мысль» и «Рабочее Знамя».—Первый съезд РСДРП.—Его манифест и резолюции.—«Русская социал-демократическая партия».

Годы 1897—1898 были решающими в моей революционной подготовке. Все вышеописанные революционные впечатления оставили на мне неизгладимый след. С этого времени я сознательно стал готовить себя к будущей революционной деятельности. Этой целью определялись подбор книг для чтения, круг моих знакомств и мой образ жизни. Главным интересом моей жизни стали революция и революционеры; все остальное имело второстепенное значение. Всякое доверие, оказываемое мне в области «конспираций» сестрами, Сергеем или кем-нибудь из знакомых, наполняло меня гордостью и сознанием, что и я в какой-то степени посвящен в революционное братство. Помню хорошо, какое нравственное удовлетворение испытал я, когда однажды одна из сестер вскоре после отъезда Юлия поручила мне отнести конспиративную записку к С. И. Радченко и принести от него ответ. Радченки жили тогда в маленькой скромной квартирке из двух комнат, где-то в «Ротах». Вручив записку, я был очень польщен шутливым одобрением одного из них по поводу моего служения «делу» с такого раннего возраста и, получив письменный ответ, бережно доставил его домой. В ожидании ответа я с любопытством разглядывал убогую домашнюю обстановку этой революционной пары. Между прочим, мое внимание было при-

влечено двумя играющими на полу девочками двух-трех лет—дочерьми Радченко. Судьбе было угодно, чтобы спустя почти 20 лет я встретил этих девочек взрослыми девушками в рядах той партии, в основании которой их родители играли столь заметную роль.

Юлий с товарищами более месяца провел в ожидании этапа на Сибирь в московской пересыльной Бутырской тюрьме. Там собралось несколько десятков ссыльных с разных концов России. Брат сообщил списки их для отправки за границу в нелегальных письмах, передаваемых через сестру Лидию, поехавшую следом за ним в Москву. Из этих писем мы узнали об обнаружившемся психическом расстройстве Запорожца и о завязавшейся у Юлия в Бутырках дружбе с Н. Е. Федосеевым, покончившим спустя около года самоубийством в ссылке, и с польским с.-д. Марианом Абрамовичем. О Федосееве брат, не склонный к открытому выражению своих чувств, отзывался самым восторженным образом.

Наконец, партия их тронулась в путь. Из письма брата из красноярской пересыльной тюрьмы мы узнали о назначении его и Ванеева в Туруханск Енисейской губ. Ванееву, впрочем, по болезни было разрешено остаться в Енисейске, где он и умер до окончания срока ссылки. Ульянов, Кржижановский, Старков и Лепешинский были поселены в Красноярском и Минусинском уездах той же губернии, то-есть в относительно приличных местах ссылки. Ляховский был назначен в уездный город Иркутской губ.—Верхоленск. Таким образом Юлий был поселен в худшем, чем все его товарищи, месте, что в значительной степени следовало приписать его евреиству. Вместе с ним в Туруханск был отправлен рабочий из Польши Петрашек; спустя несколько месяцев к ним были присоединены двое рабочих из Екатеринослава (один с вольно следующей женой): Мазанов и Гудимов.

Забегая в своем изложении вперед, сообщу то, что мне запомнилось о времени пребывания Мартова в ссылке. Ни он, ни его друзья даже не помышляли избавиться от ссылки посредством побега. В то время побеги из ссылки были крайне редким явлением; они стали практиковаться в широких размерах лишь к началу девятисотых годов. Объяснялось это не недостатком активности ссылаемых и не физической трудностью побега, а

тогдашним состоянием революционного движения в России. Несмотря на сравнительно крупные размеры, которые оно приняло во всей стране, социал-демократические организации (а в то время других почти уже не существовало) носили по преимуществу местный, «кустарный», как тогда выражались, характер. Они не обладали ни прочностью, ни значительными денежными средствами и потому не имели возможности содержать «профессиональных революционеров», то-есть «нелегальных», живущих на средства партии и отдающих партийной работе все свое время. Такие нелегальные составляли тогда крайне редкое исключение. По правилу же подпольные работники вербовались, с одной стороны, из числа студентов, живших на средства родителей или перебивавшихся уроками и т. п., с другой,— из лиц, принадлежавших к «свободным» профессиям (врачи, инженеры, юристы, литераторы, статистики) или имевших частную службу. Бегство же за границу не привлекало молодых, полных сил, революционеров, надеявшихся после отбытия трех-пятилетнего срока ссылки вернуться в Россию для практической деятельности в рабочем движении. Они предпочитали использовать ссылку для пополнения своих теоретических знаний, а некоторые и для литературной работы.

Ссылка для брата была достаточно тяжела. В своих письмах он, правда, не жаловался, описывая неизменно в юмористических тонах ее теневые стороны и свои злоключения в борьбе с суровой северной природой, но и сквозь этот бодрый тон можно было проглядеть, как неприглядна была жизнь в Туруханске, начиная с климата, который был очень суров и губелен для здоровья. Расположенный на самом крайнем севере Сибири, почти у Ледовитого океана, посреди тундры, Туруханск более 8 месяцев в году погружен в мрак и холод, доходящий до 50° ниже нуля. Короткое и жаркое лето невыносимо благодаря болотным испарениям и обилию мошкар. Питание было обставлено очень плохо; хлеба в Туруханске почти нет, и пища брата и товарищей сводилась главным образом к рыбе (зимой мерзлой и часто тухлой) и к северным ягодам (черника, морошка, брусника). Население города—200 человек всего—состояло преимущественно из инородцев. Медицинская помощь существовала в виде ничего не понимавшего фельдшера, к тому же

враждовавшего с ссыльными. Когда жене товарища брата пришлось разрешиться от бремени, брату и его сожителю пришлось оказывать ей необходимую акушерскую помощь. Почта из Туруханска и обратно ходила всего девять раз в год, при чем до Петербурга шла целый месяц. Так как сообщение производилось по реке Енисею, то в периоды весенней (1 мес.) и осенней (2 мес.) распутицы оно совершенно прекращалось. Случайно забредший в Туруханск, вероятно уже летом 1899 г., норвежский путешественник профессор Стадлинг, участник научной экспедиции по Ледовитому океану, привезший нам письма и поклоны от брата, выражал свое крайнее изумление, как может культурный человек жить долгое время в таких ужасных условиях. Как либерально настроенный европеец, он высказывал свое негодование по адресу правительства, загоняющего своих идейных противников, интеллигентных людей, в такие медвежьи углы и гиблые места.

Но и в таких диких условиях Юлий умудрялся жить культурной жизнью. Сестры и некоторые друзья делали все от них зависящее, чтобы скрасить его существование присылкой ему свежих книг и новостей. К каждой почте сестры писали подробные письма, легальные и нелегальные (последние зашифровывались в книгах или заделывались в переплеты последних),— посылали целые транспорты новых книг, газет и журналов за месяц. Большую нравственную поддержку оказывала ему также оживленная переписка с товарищами по делу и с другими ссыльными. В одном из своих писем Юлий с чувством глубокой признательности отмечал моральную поддержку со стороны В. И. Ульянова, поставленного в несравненно лучшие условия ссыльной жизни и посылавшего ему регулярно не только письма со всякого рода информацией, но и множество книг, которыми он в изобилии располагал.

Свое пребывание в ссылке Мартов использовал не только для серьезных теоретических занятий, но и для литературной работы, к которой давно уже чувствовал призвание. Помимо переведенной им в ссылке в целях заработка с немецкого книги Геркнера «Рабочий вопрос», он написал еще две оригинальные брошюры, которые были изданы за границей «Союзом русских социал-демократов»,— обе с предисловием П. Б. Аксельрода.

Это были «Красное знамя в России» — краткий очерк истории революционного движения в России ¹⁾ и брошюра «Современная Россия» ²⁾. Брошюры эти обратили внимание заграничных основоположников российской социал-демократии на их автора, в котором они отметили многообещающий публицистический талант. Помимо перечисленных брошюр, Юлий делал неоднократные попытки литературного сотрудничества в легальных марксистских и полумарксистских органах того времени.

В марте 1897 г. в Петербурге появился первый в России ежемесячный марксистский журнал: группа марксистов-литераторов, во главе с П. Б. Струве, М. И. Туган-Барановским и С. Н. Булгаковым, приобрета при материальной поддержке известной деятельницы по народному образованию А. М. Калмыковой безнадежно прозябавший бесцветный журнал народнического направления «Новое Слово», придала ему боевой марксистский характер. Появление «Нового Слова» было крупным событием в жизни марксистской интеллигенции. Марксисты получали теперь легальное оружие для отстаивания своих теоретических позиций против все более клонившегося к идейному упадку народничества и отчасти для формулировки собственных положительных взглядов. Оружие, тем более острое и сильное, что журнал выходил регулярно, и марксистские взгляды могли развиваться в нем не отвлеченно-теоретически, а применительно к текущей русской и европейской экономической и политической жизни. В литературном отношении журнал редактировался талантливо и даже блестяще. А задорный боевой полемический тон, свойственный всякому жизнеспособному, пробивающему себе путь, новому идейному течению,

¹⁾ Эта брошюра, значительно расширенная и дополненная, появилась в 1903 г. легально под названием «Пролетарская борьба в России» и выдержала ряд повторных изданий. Она же легла в основу большой работы Мартова «История российской социал-демократии», т. I, вышедшей уже в 1918 г.

²⁾ Брошюра эта, переведенная на немецкий язык, была напечатана в виде статьи в социал-демократическом журнале Каутского «Die Neue Zeit». — Кроме этих двух брошюр, в эти годы за границей была издана «Бундом» еще одна брошюра Мартова «Поворотный пункт в истории еврейского рабочего движения», представляющая его доклад на нелегальном собрании в Вильне

привлекал к себе симпатии молодежи и, вызывая в ее кружках и организациях обсуждение затрагивавшихся в журнале животрепещущих вопросов ¹⁾. Конечно, в легальном журнале далеко не обо всем можно было писать и не всегда можно было ставить точки над «i». Терпимость цензуры в отношении к «Новому Слову» в течение почти целого года объяснялась тем, что центром тяжести в журнале была полемика с народничеством, которое по традиции считалось властями революционным течением. За критикой «опасных» народнических идей цензора просматривали долгое время революционное и революционизирующее влияние направления «русских учеников» (так называли себя в подцензурной печати марксисты, подразумевая под этим учеников Маркса). Правда, доминирующую роль в «Новом Слове» играли так называемые «легальные марксисты», то-есть люди, практически далеко стоявшие от рабочего движения и вскоре повернувшиеся к нему спиной. Но тогда большинство из них еще не сознавало неизбежности разрыва между двумя группами, фактически объединившимися в журнале, и последний объективно сыграл очень значительную роль в деле ниспровержения идеологических твердынь народничества и оформления марксистских идей в широких кругах интеллигенции ²⁾. При тогдашнем уровне рабочих «Новое Слово» было, конечно, не-

¹⁾ В «Новом Слове» сотрудничали как старые корифеи, так и молодые, начинающие литературные силы марксизма. В нем помещены были статьи: Г. В. Плеханова (псевдоним Каменский и др.), В. И. Засулич (псевдоним В. Иванов), Струве, Туган-Барановского, Булгакова, В. Ульянова (псевдоним К. Т—н), В. Поссе, Е. Смирнова, В. Богучарского, А. Лосицкого, А. Потресова, Мартова (псевдоним А. Егоров) и мн. др. Из беллетристов в «Новом Слове» помещались произведения М. Горького, только еще начинавшего приобретать известность, В. Вересаева, Н. Г. Гарина-Михайловского, Евг. Чирикова, повесть которого «Инвалиды», направленная против народников, вызвала бурю негодования среди последних.

²⁾ Легальная русская марксистская литература второй половины девяностых и начала девятисотых годов, представляющая собой в высшей степени своеобразное явление, еще ждет своего историка. В истории русской общественной мысли вообще, а не только в истории социал-демократии, марксизм и его литература сыграли определенную культурно-прогрессивную роль. Не случайно многие будущие видные общественные и политические деятели как либерального, так и революционно-демократического лагеря в своем развитии так или иначе прошли через марксизм.

доступно для большинства их, но при посредстве интеллигентов-пропагандистов идеи, развивавшиеся им, проникали и в рабочую среду. Просуществовав 9 месяцев, «Новое Слово» было в декабре 1897 г. закрыто навсегда постановлением четырех министров (тогдашняя форма закрытия журналов без предварительного предупреждения).

Юлию удалось поместить в «Новом Слове» только одну статью, написанную в Туруханске, а именно — «Народничество прежде и теперь», посвященную эволюции народничества, под псевдонимом Алексей Егоров¹⁾, но и эта статья появилась не полностью, так как журнал был закрыт после той книжки, в которой была помещена ее первая часть. Брату вообще долгое время не везло с сотрудничеством в легальной печати. Еще в «предварилке» он написал небольшую публицистическую статью «Искорки» (по поводу беллетристического очерка Н. А. Рубакина под тем же заглавием, помещенного в «Новом Слове» до перехода его в руки марксистов). Переписанная мельчайшим почерком на тонких листках бумаги, она нелегально была передана на волю, и с этого времени начались ее мытарства по различным редакциям. Статья эта была очень талантливо написана (так расценивали ее читавшие ее тогда Потресов и другие литераторы). В связи с затронутым Рубакиным вопросом о влиянии фабрики на жизнь русской деревни, она в сильных и воодушевленных выражениях говорила о культурной и политической исторической миссии пролетариата в России. «Новое Слово» не решилось напечатать ее ввиду ее «цензурности». Попытки пристроить ее в полумарксистских журналах «Мир Божий» и «Образование» тоже не увенчались успехом: пролежав некоторое время в редакциях этих журналов, статья вернулась обратно. В конце концов, после долгих переговоров, редактор журнала «Научное Обозрение» М. М. Филиппов согласился ее напечатать при условии ее сокращения и смягчения во многих местах. Она была даже анонсирована в числе других статей, которые должны были появиться в журнале, но Филиппов почему-то оттягивал ее помещению. Кажется, в 1898 г. Филип-

¹⁾ Псевдоним этот составил из двух его конспиративных кличек: «Алексей» по Вильне и «Егор» по петербургскому «Союзу борьбы».

пов умер загадочной смертью¹⁾, и после его смерти статья брата, в числе многих других рукописей, исчезла бесследно. А так как черновик ее был отобран при одном из обысков, то статья так и не увидела света.

За время пребывания в Туруханске Юлий написал еще несколько статей для легальных журналов. Две статьи были написаны по поводу дела Дрейфуса во Франции, которое тогда волновало всю русскую общественность, и, между прочим, впервые пробудило у меня интерес к иностранной политике, приохотив регулярно читать газеты. Обе эти статьи имели полемический характер: одна была направлена против статьи Кудрина-Русанова в «Русском Богатстве», другая — против статьи Гриневича-Якубовича в том же журнале. Кроме того, я помню еще литературно-критическую статью по поводу популярных в революционной среде стихотворений П. Я. (народовольца Якубовича) и статью против Михайловского под ядовитым заглавием — «Ликвидация г-на Михайловского».

Все эти статьи по разным причинам, главным образом цензурным, не были напечатаны. Только небольшая статья-заметка о книге В. Богучарского — «Маркиз Лафайет, деятель трех революций» — в сильно сокращенном и даже искаженном виде была напечатана в журнале «Жизнь» (в 1900 г.), в отделе библиографии.

* * *

Весной 1897 г. в Петербурге произошло событие, сильно взволновавшее общество, в особенности студенческие круги. Я имею в виду так называемую «Ветровскую» демонстрацию. Поводом к ней послужил следующий факт. Курсистка бестужевских курсов и бывшая народная учительница Мария Федосеевна

¹⁾ В последние годы жизни Филиппов усиленно работал над изобретением в области взрывчатых веществ. Его загадочная смерть объяснялась или самоубийством под влиянием неудачи его опытов или несчастным случаем при их производстве. Секрет своего изобретения Филиппов унес с собой в могилу, так как никаких следов его работ после его смерти не сохранилось.

Ветрова была арестована в конце 1896 г. по делу одной из народнических групп и посажена в Петропавловскую крепость¹⁾. После нескольких месяцев пребывания в последней Ветрова, облив себя керосином из лампочки, дававшейся заключенным, подожгла себя и умерла в страшных мучениях.

Причина самоубийства Ветровой до сих пор осталась невыясненной. Условия режима в крепости были таковы, что ни с кем из заключенных она не имела сношений и никто из них не мог сообщить о ее душевном состоянии, предшествовавшем самоубийству. По городу ходил упорный слух, нашедший себе отражение в прокламациях и революционных брошюрах, посвященных памяти Ветровой, что ее самоубийство было вызвано изнасилованием, совершенным над ней известным своей жестокостью товарищем прокурора окружного суда Кичиным. Косвенное подтверждение этого слуха видели в факте перевода Кичива вскоре после самоожжения Ветровой в другой город (в Сибирь), правда, с повышением по службе²⁾.

Каковы бы ни были непосредственные причины самоубийства Ветровой, но самый факт трагической гибели молодой (ей было всего 27 лет) полной сил девушки и притом в таких условиях не мог не произвести потрясающего впечатления на чуткую учащуюся молодежь: ведь Ветрова была одним из «своих», принадлежала к той же среде учащихся, многие из которых

¹⁾ Со времени летней стачки 1896 г. жандармы после долгого перерыва снова стали прибегать к заключению политических в крепость, где условия были гораздо суровее, чем в доме предварительного заключения. В то время как по первому делу «Союза борьбы» ни один из арестованных не был посажен в крепость, большинство последующих деятелей Союза немало месяцев отсидело в ней (Гофман, Дан, Потресов, Б. Гольдман, Сильвин, М. Лурье, Бауэр, Ленгник, Леман и др.). Этой участи не избежали и женщины.

²⁾ Сидевший одновременно с Ветровой в крепости Гофман перед отъездом в ссылку настаивал на версии изнасилования на основании якобы доносившихся к нему в камеру женских криков и т. п. Но он в это время находился в очень нервном состоянии и страдал галлюцинациями, так что к его показаниям в этом случае приходится относиться с большой осторожностью, тем более что другие товарищи, сидевшие одновременно, категорически опровергали приводимые им факты.

лично знали ее¹⁾. По инициативе слушательниц бестужевских курсов было решено реагировать протестом против этого убийства, совершенного тюремщиками. Сестра моя Лидия, как слушательница этих курсов и делегатка своего курса, принимала самое деятельное участие в организации протеста, так что у нас дома последние были известны до мельчайших деталей. Форма протеста была избрана наиболее мирная, чтобы привлечь к ней возможно большее количество беспартийного студенчества: панихида по «убиенной» в Казанском соборе, в воскресенье 4 марта.

В этот день по Невскому проспекту, несмотря на усиленные наряды пешей и конной полиции, с утра ходили многочисленные группы студентов и курсисток различных высших учебных заведений. Попытка организаторов манифестации договориться со священником Казанского собора окончилась решительным отказом последнего отслужить панихиду. Долгое время организаторы не знали, что предпринять, а между тем время шло, и плохая погода грозила разогнать собравшуюся публику. Полиция до поры до времени не проявляла агрессивных действий, лишь в отдельных случаях при очень большом скоплении народа предлагая расходиться, при чем конные городовые въезжали на тротуар, расталкивая публику. Понемногу количество городских и полицейских на Невском стало уменьшаться. Это придавало смелости руководителям, и они дали пароль собравшимся — сходиться к паперти собора. Когда там собралась большая толпа — очевидцы определяли ее в 2—3 тысячи, — был выкинут красный флаг, произнесены краткие революционные речи, и началось пение: «Вы жертвою пали» и «Вечная память». На все это потребовалось очень немного времени.

Вдруг, откуда ни возьмись, появился значительный отряд конной полиции, который, действуя нагайками, быстро окружил центр демонстрации в несколько сот человек и повел их в Казанский полицейский участок, откуда, будучи переписаны, они

¹⁾ Характерно, что, когда спустя несколько месяцев в доме предварительного заключения зарезался осколком блюдечка статистик Костромин, попытка устройства демонстрации-протеста потерпела полную неудачу.

были отпущены через несколько часов. Никаких других последствий для ее участников эта демонстрация не имела; по-видимому, правительство не хотело подчеркивать ее политического характера применением репрессий. Со своей стороны градоначальник принял меры предосторожности против повторения подобных демонстраций, предписав городской думе разбить перед Казанским собором небольшой сквер, препятствующий скоплению и маневрированию публики около собора. Это, впрочем, не помешало ровно через четыре года, 4 марта 1901 г. устроить на этом самом месте еще более грандиозную демонстрацию.

Мои сестры, хотя и были в самой гуще демонстрантов, по счастливой случайности не попали в число оделенных и переписанных. Мы с Сергеем еще накануне решили во что бы то ни стало пойти «посмотреть» на демонстрацию, скрыв это не только от родителей, но даже от сестер из боязни, чтобы они не воспрепятствовали нашему намерению. С этой целью мы рано утром 4-го ушли из дому, якобы погулять (демонстрация была назначена на 12 час.). Придя к собору задолго до назначенного часа, пройдя без толку взад и вперед по тротуару несколько часов и порядком промерзнув, мы решили, что демонстрация почему-нибудь отменена (она началась только часам к трем дня), и вернулись домой. Мы были очень разочарованы, узнав лишь вечером от сестер, что демонстрация удалась «на славу», и что мы не оказались «в числе драки».

Другим, еще более крупным событием того времени было издание фабричного закона 2 июня 1897 г. об 11-часовом рабочем дне, явившееся результатом летней стачки 1896 г. и ее повторения в январе 1897 г. В нем справедливо видели первую победу русских рабочих над капиталистами и самодержавием, и так именно расценивала его одна из прокламаций «Союза борьбы», которые я теперь регулярно читал. По своему историческому значению для рабочего движения в России закон 2 июня 1897 г. можно сравнить с биллем 1844 г. о 10-часовом рабочем дне для женщин-работниц в Англии, который Маркс характеризовал как принципиальную «победу политической экономии труда над политической экономией капитала». Этот закон, как и продолжавшее, несмотря на репрессии, развиваться

рабочее движение, внушали бодрые надежды и уверенность в том, что худшая историческая полоса осталась позади, и что мы живем в эпоху исторического подъема, находясь на гребне все выше поднимающейся революционной волны. Такое настроение царило не только в среде, непосредственно отдававшей революционному движению, оно захватывало широкие круги беспартийного студенчества и нашло свое отражение в «Ветровской» демонстрации, которая была бы немыслима всего за год-два перед тем; оно, наконец, начало проникать и в среду «солидного» буржуазного общества.

* * *

Весной того же 1897 г. в моей жизни произошло крупное событие: я впервые выехал, правда, на короткое время, из родительского дома. Врачи нашли у меня в легких начало катаррального процесса и рекомендовали отправить меня на лето в степи для лечения кумысом. Еще хуже в смысле здоровья было положение сестры Лидии, и родители решили послать нас обоих на лето в Самарскую губернию в кумысолечебное заведение. Но так как туда можно было ехать не ранее наступления лета, а врачи настойчиво гнали нас обоих из Петербурга на время гнилой весны, то мы воспользовались приглашением знакомой нам жены доктора Ляховского погостить у нее месяц в Вильне. Я не без удовольствия и пользы для себя провел этот месяц в новом для меня городе. Мне, изнеженному столичному мальчику, совершенно незнакомому с провинциальной жизнью, было в высшей степени интересно и поучительно приглядываться к последней. Меня крайне поразила религиозный фанатизм католического населения Вильны. Квартира Ляховской помещалась поблизости от знаменитой польской святыни — иконы Остробрамской богородицы, около которой верующие проставали на улице целыми часами в молитве с непокрытой головой, не взирая на погоду и время дня. Наблюдал я также национальный антагонизм между евреями и поляками и резко выраженный антисемитизм массы христианского населения, незнакомый мне в Петербурге, полную особенность еврейского населения от христианского и неверо-

ятную нищету еврейских масс. Своих собственных знакомых в Вильне я не имел, если не считать петербургского гимназиста Биргера, приехавшего на лето в Вильну к родственникам.

Моложе меня на год Биргер, подобно мне, живо интересовался революционным движением. Его дядя (если не ошибаюсь М. Брагинский) участвовал в знаменитой якутской трагедии 1889 г., и в его семье живы были поэтому революционные традиции. У нас таким образом оказалась общая почва для сближения и продолжительных разговоров на революционные темы. Но большую часть своего времени я проводил в обществе сестры и ее знакомых. У нее часто бывали младшие сестры Б. Гольдмана — Ольга и Юлия, только что окончившие гимназию и собиравшиеся ехать в Петербург на курсы, по поводу чего приходили советоваться с сестрой. Поселившись с осени в Петербурге, они очень сблизилась со всеми нами и стали как бы членами нашей семьи.

Однажды проездом из Сибири за границу сестру посетил только что окончивший курс в Томске врач Миней Леонтьевич Хейсин. Пробыв с нами несколько часов, он продолжительно и горячо спорил с сестрой на тему о сочетании Маркса с Ницше, которым он, подобно довольно многим марксистам того времени, сильно увлекался. В 1900—1901 г.г. мне вторично пришлось встретиться с Хейсиным в Петербурге, и он очень удивился, узнав во мне того мальчика из Вильны, которого он, судя по его болезненному виду, как врач, считал обреченным на смерть. В третий раз судьба свела меня с М. Л. в 1905—1906 г.г.; на этот раз мы встретились на общей работе, как равный с равным, и, несмотря на значительную разницу в годах, в течение долгих лет работали вместе, поддерживая самые близкие и дружеские отношения. Хейсин после 1905 г. выдвинулся как активный деятель профессионального и кооперативного рабочего движения и стал известен в качестве автора многочисленных брошюр, преимущественно по вопросам кооперации и страхования рабочих, и сотрудника всех социал-демократических изданий меньшевистского направления¹⁾.

¹⁾ Уже после того как были написаны эти строки, до меня дошло известие о смерти этого прекрасного человека и крупного деятеля рабочего движения, последовавшей в 1924 г. в санатории в Новгородской губернии.

Из местных революционных деятелей сестра встречалась с вышеупомянувшейся мною Средницкой и однажды в моем присутствии имела свидание с одним из руководителей еврейского социал-демократического движения — «Глебом» (Мутниковичем). Один из организаторов образованного в том же году «Бунда» (Всеобщего еврейского рабочего союза в Литве и Польше) и делегат от последнего на первом съезде РСДРП «Глеб» был мужчиной выше среднего роста, лет около 30, в очках, весь заросший бородой и волосами. Он производил впечатление сухого и сурового человека, но мне понравился его несколько подвижнический вид. Сестра очень долго беседовала с ним; содержание этой беседы было мне не совсем понятно, но мне хорошо запомнилась одна часть их разговора. Сестра говорила об узости кругозора еврейских революционеров, об отсутствии у них яркой личной жизни и красок в ней, и Глебу приходилось защищаться. Возражая ей страстным тоном, он в сильных выражениях рисовал тяжелые условия жизни революционеров вообще и еврейских в частности, заглушающие многие стороны и потребности души, конспиративный характер работы, заставляющий скрывать свои личные переживания даже перед самыми близкими товарищами, и т. д. На меня его слова произвели очень сильное впечатление, укрепляя во мне мои собственные настроения «отреченства» от себя и своей личности во имя «дела» и убеждая в необходимости для революционера отказа от личной жизни и своего рода аскетизма.

Из Вильны мы поехали в Москву, где пробыли несколько дней. Сестра имела поручение от виленских социал-демократов: попытаться добиться свиданья с ссылавшимся в Сибирь по белостокскому делу товарищем Юлием С. Гожанским. Свиданья ей не удалось получить, но я вместе с ней отправился в Бутырскую тюрьму, в которой сидел Гожанский, с «передачами» для него и его товарищей. Впервые увидел я мрачные стены московской Бастилии царского времени, с внутренностью которой мне пришлось познакомиться лишь много времени спустя. Мое пребывание в Самарской губ., давшее лично мне много новых впечатлений, не представляет общественного интереса, и потому я на нем здесь останавливаться не буду.

* * *

Учебный 1897/1898 год внес много нового в мою жизнь. У меня появились свои собственные интересы, а не только отраженные светом старших братьев и сестер. Началась моя собственная, пока еще в очень незначительных размерах, общественная деятельность; вокруг меня создалась своя общественная среда. Я имею в виду свое участие в нелегальных гимназических кружках, которое продолжалось несколько лет, оказав сильнейшее влияние на формирование моего общественного характера и подготовив меня к будущей революционной деятельности.

Весной 1897 г. я перешел в пятый класс петербургской пятой гимназии. Поступил я туда за два года перед тем в третий класс, так как в силу пресловутой процентной нормы для евреев мне не удалось попасть в младшие классы. Режим казенной гимназии, конечно, ничего не давал моему уму и сердцу. Педагоги-бюрократы, иногда добродушные, иногда озлобленные и вымещавшие неудачи своей жизни и карьеры на ни в чем неповинных учениках, подчас с каким-то циническим садизмом; казенное объяснение уроков учителями и столь же казенное заучивание их учениками; постоянный шпионаж инспектора и помощников классного наставника; изредка протесты гимназистов против подавления и заущения их личности, выливавшиеся иной раз в самые нелепые и дикие формы, а то и просто в озорство; забитые «зубрежкой» ученики и хулиганы, уже с третьего-четвертого класса предававшиеся пьянству и разврату мальчишки, — таков был неприглядный фон гимназической жизни того времени. Из всех педагогов за три года пребывания в стенах гимназии я могу по совести упомянуть добрым словом только двоих — Николая Николаевича Михайловского, преподавателя географии, и математика В. К. Лебединского. Первый, племянник Н. К. Михайловского, был идейным педагогом народнического направления, стремившимся «сеять разумное, доброе, вечное». В свою преподавательскую деятельность он искренно стремился внести максимум возможного содержания, вместе с тем стараясь оказывать на учеников воспитательно-нравственное воздействие. Зная хорошо естественные науки, он, насколько допускали тиски казен-

ной программы, расширял свой курс географии, знакомя нас с начатками химии, геологии, астрономии и т. д. и оживляя уроки содержательными и живыми беседами. В качестве классного наставника нашего класса он старался узнавать индивидуальность каждого из нас, вникал в семейные и домашние условия нашей жизни, воздействовал на нас скорее убеждением, чем принуждением, избегал, насколько возможно, наказаний за шалости и другие гимназические «проступки». Учеников, отмеченных им за способности или нравственные качества, он приглашал к себе на дом, где вел с ними дружеские беседы, давал читать книги из своей домашней библиотеки и т. д. В качестве одного из любимых учеников Н. Н. я в течение нескольких лет посещал его, летом во время каникул вел с ним переписку. Зная о революционной деятельности моих братьев, Н. Н. всячески старался отвести меня от следования по их пути, а будучи осведомлен о наших нелегальных кружках в гимназии, настойчиво убеждал нас быть сугубо осторожными, дабы не «провалиться».

Преподавателем совершенно другого типа был В. К. Лебединский, ныне довольно известный ученый и профессор физики. Повидимому, относясь к своей преподавательской деятельности в гимназии, как к временному этапу жизни, он не делал попыток к сближению с учениками и довольно официально относился к своим обязанностям, но от него все же веяло новым духом. У него не было специфического нарочитого стремления подловить и подкузнить учеников, позлорадствовать над их незнанием урока, сладострастно ставить единицы и оставлять после уроков. Кроме того он, без сомнения, любил свой предмет, умел преподавать его, а порой во время объяснения более сложных вопросов математики искренно увлекался, оживляя свой сухой предмет ярким изложением.

Что касается товарищей по классу, то до перехода в пятый класс я не встречал никого, кто бы имел одинаковые со мной интересы и развитие. Были, конечно, товарищи по гимназическим проделкам и забавам, но связь с ними носила неглубокий, чисто внешний характер. С переходом в пятый класс положение в этом отношении изменилось. Однажды осенью ко мне на перемене подошел мой товарищ по классу Михаил Чарковский и пред-

ложил вступить в организуемый им кружок самообразования. До этого разговора я Чарковского знал очень мало, так как он был «второгодником» в 5 классе, и только незадолго перед этим мы оказались с ним в одном классе. Это был великовозрастный гимназист лет 17, считавшийся в классе одним из самых неспособных и ленивых учеников, но на меня вначале он производил впечатление «интеллигентного» юноши благодаря своим пробивающимся усам и пушку на щеках, огромным очкам на носу и самоуверенной манере держаться.

Предложение Чарковского меня заинтересовало, и я попросил его посвятить меня в подробности. Высказав несколько оппозиционных суждений по адресу казенщины нашего преподавания, он стал доказывать необходимость ознакомления с русскими критиками и с начатками политической экономии для того, чтобы потом приступить к Марксу. Все это говорилось с такой самоуверенностью, что можно было подумать, что сам Чарковский достаточно компетентен в этих вопросах. Это немного смутило меня, не читавшего до того ни одной «серьезной» книги, если не считать нескольких популярных брошюр по естествознанию (впоследствии выяснилось, что не только по части научных книг, но и вообще в отношении своего умственного развития Чарковский был совсем не тем, за кого себя выдавал). Подавляя свое смущение, я согласился принять участие в кружке. Тогда Чарковский сказал мне, что он уже сговорился с несколькими товарищами из нашей же гимназии, и что если среди моих личных знакомых имеются подходящие для кружка лица, я могу пригласить их на учредительное собрание кружка на его квартиру в ближайшее же воскресенье. В заключение он сообщил, что вместе с ним живет студент социал-демократ, который беретя руководить кружком. Все это мне очень понравилось, так как у меня давно уже назрела потребность в общении и обмене мнениями с товарищами по волнующим меня вопросам. Я предупредил Чарковского, что приведу с собой на собрание своего давнишнего приятеля, ученика немецкой гимназии св. Петра, Евгения Шехтера, в согласии которого я не сомневался.

Дома я узнал от сестер, что они знакомы немного как с матерью Чарковского, оказывавшей некоторые услуги революционным организациям, так и с предполагаемым руководителем круж-

ка — ее гражданским мужем — Яном Мартыновичем Ильяшевичем. Последний, земляк и товарищ Б. Гольдмана, принимал одновременно участие в «Союзе борьбы» и пользовался в студенческих и революционных кругах репутацией знающего и серьезного марксиста.

В назначенный день и час мы с Шехтером отправились на Мытнинскую набережную Петербургской стороны, где жил Чарковский. Шел я туда, сильно волнуясь. Наконец-то и я вступаю в нелегальный кружок и имею свое «конспиративное» дело, за которое рискую поплатиться исключением из гимназии, а может быть даже арестом. Вместе с тем меня тревожила мысль оказаться среди своих товарищей не на высоте положения и осрамиться благодаря своему невежеству. На деле все сошло для меня благополучно. Подтвердилось, что «не боги горшки обжигают». На учредительном собрании нас было немного. Кроме нас с Шехтером, пришли еще трое: два ученика 6 класса нашей же гимназии: поляк Феликс Стедкевич, серьезный, вдумчивый и довольно развитой, но в высшей степени застенчивый юноша лет 16—17, жизнерадостный Сафиров, вскоре умерший от тифа, и ученик 7 класса шестой гимназии, привлеченный Стедкевичем, Владислав Дзержинский¹⁾ (в настоящее время профессор психиатрии в Екатеринославе). Дзержинский был самым развитым и определившимся из всех нас. Высокий, стройный юноша лет 17, с выразительным мужественным лицом, с высоким большим лбом, обнаруживавшим напряженную работу мысли, он отличался самостоятельностью своих взглядов и был начитан в таких областях, в которых мы, остальные, ровно ничего не понимали (в философии, психологии, социологии). Настроенный революционно, хотя с заметным оттенком польского национализма, Дзержинский не скрывал своего сочувствия программе и тактике ППС (польской социалистической партии, ставившей в основу своей программы требование независимой Польши), в ученических организациях которой он принимал деятельное участие. Он производил впечатление человека с сильным характером, знающего, чего он хочет, и твердым шагом идущего к поставленным себе целям. Между прочим, он уже тогда живо инте-

¹⁾ Младший брат Ф. Э. Дзержинского.

решовался вопросами, ставшими впоследствии его специальностью, и однажды на собрании кружка довольно успешно стал проделывать над нами опыты гипнотизма.

На первых собраниях кружка присутствовала, кроме Ильяшевича, и мать Чарковского. Это была типичная тургеневская m-me Кукшина, из породы революционно празднично болтающих дам. Даже мы, совсем еще зеленые юнцы, сразу раскусили ее, с первой встречи почувствовав к ней антипатию. Впрочем, ее интерес к нашему кружку очень скоро остыл, и она перестала присутствовать на наших занятиях. Что касается Ильяшевича, то это был очень умный и знающий человек, умеющий очень ясно и отчетливо излагать свои мысли. Его разъяснения при нашем чтении вслух давали нам очень много, и мы несомненно были обязаны ему оформлением и развитием нашего кружка. Правда, нас немного леденила присущая ему холодность натуры и иронический склад его ума, и в его присутствии мы чувствовали некоторое стеснение. Занятия Ильяшевича с нами продолжались недолго. Он стал готовиться к университетским государственным экзаменам, и ему было не до нас. Но к этому времени наш кружок уже стал на ноги, мы настолько сблизились и привыкли проводить вместе время, что с успехом могли продолжать занятия и без руководителя¹⁾.

Как сейчас, вспоминаю те статьи и книги, которые были прочитаны нами совместно в кружке. Первый вечер мы посвятили статье Добролюбова о Роберте Оуэне; тема была для нас совершенно новой; статья и объяснения Ильяшевича вызвали довольно оживленный обмен мнениями. За этой статьей последовали другие статьи Добролюбова: об Островском, «Когда же придет настоящий день?», «Что такое обломовщина?», литературно-критические и публицистические статьи Чернышевского и Писарева, речи Лассаля и др. Сочинения Лассаля, изданные в 70-х годах и тогда же конфискованные, представляли в то время библиографическую редкость. Кажется, Стецкевич достал где-то I том Лассаля и мы врасос стали читать под ряд все его речи, упиваясь красотой их стиля, революционностью содержа-

¹⁾ Отдавшись по окончании университета юридической практике, Ильяшевич круто порвал с социал-демократическими кругами.

ния и богатством совершенно новых для нас идей. К этому времени состав нашего кружка претерпел некоторые изменения, и собрания его стали происходить не у Чарковского, постепенно отошедшего от кружка и вскоре уехавшего из Петербурга, а у Стецкевича, жившего в помещении больницы Николая чудотворца для умалишенных вместе со своей сестрой, служившей в последней.

Несмотря на убогость и маленькие размеры комнатки, в которой они жили, мы чувствовали себя в ней прекрасно благодаря радушию сестры Феликса, Ирины Ивановны, и нашему увлечению совместными занятиями. Кроме постоянных членов кружка, его время от времени посещали и другие товарищи. Это были одноклассники Стецкевича — А. В. Бобров, со следующего года близко связавшийся со всеми нами, П. И. Люблинский, в настоящее время известный профессор уголовного права, Е. Майер, бывший после февральской революции 1917 г. гражданским комиссаром в Петербурге и убитый в октябрьские дни, и еврей Х. Зингер, умный и начитанный юноша, но очень националистически и религиозно настроенный¹⁾. Одно время присутствовал также на собраниях кружка приехавший из Польши старший брат Феликса — Людвиг, горбун, учившийся в художественной школе Штиглица. В этот период наши занятия велись без всякой системы: от Лассаля мы перешли к сказкам и другим произведениям Салтыкова-Щедрина, читали то отдельные статьи из «толстых» журналов, то случайно попадавшие нам в руки нелегальные брошюры и т. п.

Вскоре наше начинание неожиданно для нас самих стало расширяться. На рождестве 1897 г. к нам на квартиру явились три незнакомых гимназиста из четвертой (Ларинской) гимназии, спросившие Сергея. Оказалось, что они, прослышав о существовании в нашей гимназии кружков (кроме нашего кружка, Сергей делал попытку организовать кружок среди своих товарищей в 8 классе), пришли установить с нами связь с целью создания общепетербургской гимназической организации. Этими гимназистами были: ныне уже покойный Петр Михайлович Могги-

¹⁾ В 1905 г. я встретил его за границей и был поражен, узнав, что он примкнул к анархистам.

лянский¹⁾, впоследствии юрист, член петербургской меньшевистской группы в 1905 г. и в 1917 г. социал-демократический деятель в области городского хозяйства и продовольствия; Михаил Леонидович Тагеев, по происхождению перс, принимавший впоследствии активное участие в общестуденческих организациях и в университетской социал-демократической фракции (после 1905 г. примыкал к большевикам), и Вячеслав Малышев. Все они были в 7 классе гимназии, и первые двое прямо горели, стремясь приложить свои молодые силы к делу организации петербургских гимназистов. Могиланский и Тагеев, связанные между собой тесной дружбой, были очень начитанные и серьезные юноши, с развитыми общественными инстинктами. Первый из них отличался очень большими способностями, которым не всегда давала проявиться его украинская флегма и природная мягкость характера; второй, подвижной и энергичный, был прекрасным товарищем и недурным организатором. Оба они, подобно нам с братом, имели революционные традиции в своей семье. Брат Могиланского, М. М. Могиланский, впоследствии член ЦК кадетской партии и видный деятель украинского движения, был тогда студентом петербургского университета и пламенным марксистом, пользовавшимся популярностью в студенческих и марксистских кругах, членом «Красного креста» и «Союза борьбы». В 1897 или 1898 г. он, под псевдонимом М. М., выпустил сборник весьма слабых в художественном отношении стихотворений, воспевавших учение исторического материализма, за что по заслугам был едко высмеян Н. К. Михайловским в «Русском Богатстве»²⁾. Старшие братья Тагеева тоже были прикосновенны к революции. Борис Тагеев (студент-путеец) уже раз отсидел в тюрьме по политическому делу, а технолог Дмитрий («Дима») в это время и позднее работал в социал-демократическом движении.

На первом же свидании «ларинцы» вместе с Сергеем решили, во-первых, организовать общий кружок самообразова-

ния, во-вторых, положить начало общепетербургской гимназической организации.

Сказано—сделано. Кружок тотчас же был сформирован и состоялся из трех вышеупомянутых ларинцев, их одноклассника Егорова, ученика морского корпуса Дурново¹⁾, Сергея и двух его товарищей по классу: Федора Федоровича Ильина и С. Меркулова²⁾. Кружок просуществовал до конца учебного года, занимаясь вопросами государственного права. За руководством он обратился к одной из студенческих органи-

¹⁾ Егоров по окончании гимназии увлекался естествознанием, примыкал к социалистам-революционерам, но активного участия в революционном движении, кажется, не принимал, хотя и был замешан в студенческих беспорядках. Иной была политическая карьера Евгения Николаевича Дурново. Невзрачный на вид, в высшей степени застенчивый и замкнутый, он как-то ступшеывался среди своих более одаренных товарищей, но был очень серьезным и глубоким человеком, доказавшим на деле свою преданность революции и способность отдать за нее жизнь. По окончании морского корпуса он поступил в петербургский электротехнический институт. В 1904—1905 г.г. он работал в казанской и петербургской (меньшевистской) социал-демократических организациях сперва в качестве пропагандиста, потом по технической части—изготовлению взрывчатых снарядов. Весной 1905 г. в нелегальной мастерской в Петербурге, в которой он работал, случайно произошел взрыв, при чем Дурново был тяжело ранен. Заключение в Петропавловскую крепость, он в числе очень немногих лиц не подпал под октябрьскую амнистию 1905 г. Вышел из тюрьмы он лишь в 1907 г. совершенно больным и физически разбитым. В результате взрыва он почти совершенно оглох; у него развились туберкулез и сильная неврастения. Уезжая лечиться, он разыскал меня. Несмотря на сознание безнадежности своего положения, он продолжал живо интересоваться общественными делами и сохранял бодрость духа. Расставаясь, мы оба чувствовали, что больше не увидимся, и действительно, спустя несколько месяцев Дурново скончался.

²⁾ Товарищи Сергея, Ильин и Меркулов, оба принимали участие в революционном движении. Ильин работал, будучи студентом, в петербургском «Союзе борьбы»; в 1904 г. он был секретарем женеvской группы, а в 1905—1906 г.г.—членом петербургской организации большевиков. Потом он ушел деликом в естественно-научную работу, к которой всегда имел пристрастие. Он был одним из руководителей организованного в Петербурге Н. А. Рубакиным «Подвижного музея естественно-научных пособий». Меркулов, работавший вместе с Ильиным по музею, в 1903—1906 г.г. участвовал в организациях партии эсеров.

¹⁾ Умер в Киеве в 1921 г.

²⁾ В №№ 23 и 24 «Былого» за 1924 г. М. Могиланский поместил интересные воспоминания о 90-х годах (студенческом и социал-демократическом движении).

заций—петербургскому землячеству, которое прислало в качестве руководителя студента-юриста В. Р. Менжинского (известного в настоящее время советского деятеля). Одновременно и наш кружок обратился с аналогичной просьбой к землячеству, которое командировало к нам студента М. С. Гуревича, впоследствии довольно известного бундовского деятеля. Осу-
 жденный в 1907 или 1908 г. по делу Бунда к ссылке на вечное поселение в Сибирь, он эмигрировал в Америку, где долгие годы был официальным представителем Бунда. Вместе с Гуревичем мы прочли вышедшую тогда на русском языке книгу Сеньбоса «Политическая история современной Европы», а также еще одну-две книги по новой истории. Занятия с Гуревичем ввели нас в круг первоначальных представлений о государственном праве, конституционном устройстве различных европейских государств, борьбе политических партий и т. п. С Гуревичем, чрезвычайно простым и деликатным человеком, мы чувствовали себя много свободнее, чем с Ильяшевичем, хотя последний и отличался большими познаниями и пропагандистским опытом.

Второе начинание—общепетербургская гимназическая организация—тоже не замедлило осуществиться. Было создано ее учредительное собрание, на котором присутствовали все члены обоих наших кружков и еще несколько гимназистов и на котором было решено приступить к вербовке в нее знакомых гимназистов и гимназисток из всех учебных заведений Петербурга. Задачей организации мы ставили: образование кружков самообразования и создание библиотеки хотя и из легальных книг, но с определенным подбором. На библиотеку мы с самого начала смотрели как на средство организации, сознавая, что не всех привлекаемых к делу можно сразу будет втянуть в кружки, тогда как книгами будет пользоваться всякий. Библиотека должна была составляться посредством покупки книг на членские взносы (копеек 25—30 в месяц) и из пожертвований частных лиц и книгоиздательств. Библиотекарем был избран я, а кассиром—Тегеев; кроме того, был избран комитет для составления списка подлежащих приобретению книг и для организации сбора пожертвований. Кроме нас двоих, в комитет вошли Сергей, Ильин и Могилянский. Определенно выраженной

политической или революционной тенденции на учредительном собрании выявлено не было; напротив того, все говорившие подчеркивали, что мы не должны преследовать никаких политических, а тем более партийных задач (хотя большинство из нас сочувствовало социал-демократии), что наша цель—исключительно самообразование. Впрочем, никто не скрывал ни от себя, ни от других оппозиционного и антиправительственного характера организации.

После учредительного собрания работа у нас закипела, и рамки организации стали быстро расширяться. К весне 1898 г. организация насчитывала уже около 40 членов. Мы имели «связи», то-есть целые группы или отдельных членов в гимназиях: пятой, четвертой, шестой и десятой, в училище св. Петра, в одном из реальных училищ, в морском корпусе и в двух женских гимназиях—Покровской и Стоюнинской. Конечно, это было немного, принимая во внимание наличие в Петербурге до 30 средних учебных заведений, но это было уже кое-что. Библиотека тоже функционировала неплохо. За короткое время мы различными способами собрали 300—400 книг. Меня, как библиотекаря, почти ежедневно посещал кто-либо из товарищей, приходивших за книгами. Библиотека составлялась частью из пожертвований членов организаций, частью путем покупки, частью путем получения книг от либеральных и радикальных писателей и издателей. Последние, по общему правилу, встречали нас очень сочувственно, и не было случая, чтобы они отказали нам в просимых книгах; некоторые из них (Рубакин, Михайловский) подробно расспрашивали нас о нашей организации и давали различные советы о приобретении тех или иных книг. Мы побывали у Михайловского, Короленко, Скабичевского, Трачевского, Павленкова, Рубакина, в редакциях «Русского Богатства», «Образования», «Мира Божьего», «Научного Обозрения» и др. Благодаря всем этим жертвованиям в нашей библиотеке имелись собрания сочинений русских критиков и многих беллетристов, ряд популярно-научных и научных книг по естествознанию, истории, истории культуры и политической экономии. Из беллетристики мы приобретали исключительно книги с «идейным» содержанием («Спартак» Дживаньоли,

«На рассвете» Ежа, «Борьба за право» Франдоза, «История крестьянина» Эркмана-Шатриана, «Овод» Войнич и т. п.). Наконец, мы завели и «незаконные» книги, т. е. конфискованные цензурой. Их было всего три: «Жизнь Иисуса» Ренана, «Что делать?» Чернышевского и «Шаг за шагом» (Светлов) Оммулевского. За каждую из этих книг мы платили букинистам по 8—10 рублей. На эти книги существовала особая очередь; давали их не всем, а только более надежным товарищам; хранились они отдельно от других книг.

Участие в организации, в частности моя работа в качестве библиотекаря сильно увлекали меня. Имел постоянно дело с книгами, прочитывая и просматривая множество их, я быстро шел вперед в своем умственном развитии. К этому же времени относится моя переписка с Юлием, который прислал мне из Сибири подробную программу для чтения, начинавшуюся с книг по истории культуры, охватывавшую ряд работ по общей истории и заканчивавшуюся историей рабочего движения и политической экономией. По мере сил я в своих занятиях следовал этой программе. Совместное чтение в кружке и обмен мнений с товарищами, участие в гимназической организации, равно как и постоянные указания Сергея, — все это в значительной мере облегчало мне работу над своим самообразованием.

Весной 1898 г. я узнал от Сергея о состоявшемся в марте нелегальном съезде, объединившем различные социал-демократические организации в «Российскую социал-демократическую рабочую партию» и избравшем ее центральный комитет. Вскоре я имел возможность ознакомиться с резолюциями съезда и манифестом от его имени, написанным, как известно, П. Струве. Воспринял я его тогда, конечно, примитивно, приняв на веру все его положения, и он показался мне каким-то открытием, новым символом веры. Помимо яркости стиля, мне в манифесте imponировали подчеркивание им необходимости борьбы с царизмом и преемственной связи между социал-демо-

кратами и народолюбцами, которые в моем сознании продолжали оставаться окруженными ореолом святости. Увы, я не подозревал в то время, что за бодрым тоном манифеста стояло лишь неоформленное стихийное массовое рабочее движение и полное отсутствие сколько-нибудь прочной организации. В организационном отношении здание партии строилось на песке, и через несколько недель после съезда вся возведенная им постройка, благодаря аресту его участников и избранного на нем центрального комитета, разлетелась как картонный домик. Но, несмотря на неудачу съезда самый факт его сыграл большую роль в истории партии. Если ему не удалось создать партии как правильно функционирующего организма, для чего еще не наступило время, то он формулировал и популяризировал идею и задачи партии, дав общее знамя и имя многочисленным рассеянными по всей стране и разрозненно действовавшим социал-демократическим группам.

Каково же было мое удивление, когда вскоре после появления «Манифеста» Сергей показал мне № 1 нелегального журнала «Рабочее Знамя», в котором объявлялось об образовании «Русской социал-демократической партии», органом которой являлся этот журнал. На мой недоуменный вопрос: зачем же сразу две социал-демократические партии, если обе они стремятся к одной цели, Сергей объяснил мне, что это случайность, что в силу конспиративных условий отдельные группы не сговорились друг с другом, и оба съезда происходили почти одновременно, не зная друг о друге. Впрочем, он довольно туманно добавил, что обе партии расходятся между собой по некоторым вопросам. «Рабочее Знамя» мне очень понравилось своим боевым тоном и талантливостью, с которой было написано большинство статей в нем. Резкое подчеркивание политических задач и яркая критика самодержавного режима больше говорили моему настроению, чем обычно вялые и серо написанные статьи по вопросам фабрично-заводского быта и корреспонденции «Рабочей Мысли», считавшейся тогда руководящим социал-демократическим печатным органом в Петербурге.

Существование «Русской социал-демократической партии» было столь же непродолжительным, как и существование ЦК РСДРП. Тотчас же после выхода № 1 «Рабочего Знамени»

в Белостоке была арестована типография, в которой он печатался (в ней были арестованы рабочий Рувим Фридман и Раиса Страж), а в Петербурге были арестованы почти все главные деятели этой организации¹⁾.

¹⁾ В числе арестованных по делу «Рабочего Знамени» были: уже упоминавшийся наш хороший знакомый А. П. Лурье, инженеры Янкевич и Шиллингер (умерший по отбытии ссылки в Иркутске), доктор И. М. Ромм, А. Гуковский (умер в 1921 г., был одно время наркомфином в Советской России), И. А. Саммер («Любич», впоследствии член ЦК РСДРП, большевик, ныне покойный), студент-медик Шкляревич и др. Организация «Рабочего Знамени» была разгромлена. Правда, один из главных организаторов группы, Моисей Лурье, каким-то чудом уделел и даже ухитрился выпустить в свет единичными силами второй, весьма бесцветный по содержанию, номер «Рабочего Знамени», но организация «Рабочего Знамени» возобновилась только спустя некоторое время и в другой форме. М. Лурье был арестован спустя год или больше, сослан в Сибирь, где в 1904 г. принял участие в знаменитом «романовском» протесте ссылных, и умер после 1905 г. в эмиграции.

ГЛАВА V

ГИМНАЗИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ В 1898—1899 Г.

Успехи организации. — Новые товарищи. — Д. Тушинский. — А. В. Бобров. — А. Иоф. — В. А. Горохов. — А. Д. Покотилов. — Кружки. — Приглашение на общерусский гимназический съезд в Киеве. — Наши политические настроения. — Журналы организации. — Влияние гимназической организации на ее членов.

Перейдя весной 1897 г. в шестой класс, я, по настоянию врачей и родителей, перестал посещать гимназию с тем, чтобы, числясь в ней учеником, сдавать ежегодно соответствующие экзамены. Не порывая таким образом окончательно с гимназией и гимназической средой, я получал в то же время гораздо больший досуг, который почти целиком уделял делам гимназической организации.

За этот год последняя сильно развилась и окрепла. Библиотека значительно пополнилась, число членов возросло до сотни, завязались связи в новых гимназиях, возникли новые кружки, старые приняли более определенный характер, в организации выдвинулись новые лица, стал издаваться нелегальный журнал. С осени мне пришлось отказаться от функций библиотекаря, так как Сергей, поступив в университет, начал заниматься нелегальной деятельностью: наша квартира, следовательно, легко могла подвергнуться обыску, при котором невзначай могла «провалиться», хотя и состоящая из легальных книг, гимназическая библиотека. Библиотека была перенесена к Пете Могилянскому; я же попрежнему продолжал входить в «комитет» организации, в который, кроме меня, входили теперь: Тагеев, Могилянский, Егоров, а также новые члены организации: Горохов, Покотилов и гимназистка Н. А. Шликевич, вышедшая впоследствии замуж за Могилянского.

Наш первоначальный кружок в этом году значительно преобразовался как по составу членов, так и по характеру занятий. Из его основателей в нем остались только трое: Стецкевич, Шехтер и я. Дзержинский, переобремененный работой в польских организациях, из кружка выступил, продолжая поддерживать связи с организацией и библиотекой. Затем мы приобрели двух новых постоянных членов: упоминавшегося в предыдущей главе Боброва и ученика второй гимназии Тушинского. Дмитрий Тушинский был очень неглупый, развитый юноша, получивший прекрасное домашнее образование (его мать, женщина-врач, была очень интеллигентным человеком). Он отличался прямоотой характера, большим юмером, отзывчивостью и деликатностью. За короткое время он очень сблизился со всем нашим кружком и скоро выдвинулся внутри организации, привлекая в нее целый ряд новых товарищей¹⁾.

Другим новым членом кружка был Алексей Викторович Бобров, сын довольно известного художника-академика. Своим странным внешним видом и уродливым лицом он на первых порах производил непривлекательное, а на многих даже отталкивающее впечатление. Тяжелые условия его домашней обстановки наложили на него отпечаток сумрачности и суровости; он очень редко и неохотно высказывался, а когда говорил, то был очень не речист. Отзывы его всегда отличались желчностью и пессимизмом. Узнав его ближе, мы открыли в нем гораздо более привлекательные черты и глубокую сложную натуру. Бобров обладал оригинальным и острым критическим умом; к сожалению, воля его была совершенно парализована. Он был проникнут раздвоенностью, постоянно терзался своим, как ему казалось, несовершенством и неспособностью к жизни; отличаясь, в сущности, мягким характером, он надевал на себя

1) Будучи студентом военно-медицинской академии, Тушинский участвовал в студенческом движении, а в 1905—1906 г.г. был пропагандистом в социал-демократической организации, примыкая по своим взглядам к большевикам. Потом он увлекся медициной и стал хорошим специалистом в этой области. Его имя я встречал под статьями специального характера на страницах медицинских журналов вплоть до самой войны. О дальнейшей его судьбе мне ничего неизвестно, но, хорошо зная его, не сомневаюсь, что из него должен был выработаться серьезный научный и культурный работник.

личину холодного презрения ко всем и ко всему и какого-то преждевременного разочарования в жизни. Заложенные в нем способности и даже дарования не могли проявиться с достаточной яркостью вследствие этой его раздвоенности и неуверенности в себе и, без всякого сомнения, гноили в нем. Когда мы приступили к изданию своего журнала, у Боброва неожиданно обнаружилось недюжинные литературно-публицистические способности. А в 1901—1902 г.г., увлеченный захватывающим потоком студенческого движения, он стал поставщиком талантливых и блестяще написанных прокламаций для руководящих студенческих организаций. Но отдаваться общественному и революционному делу Бобров, в силу своего характера, мог только под влиянием сильного общественного подъема, в минуту порыва. Будучи исключен из университета, Бобров был в провинции (в Новгороде, кажется) частным поверенным; юриспруденцией он интересовался еще с гимназической скамьи и, в бытность свою студентом, служил письмоводителем у мирового судьи, увлекаясь своей работой. Что с ним стало после этого, я не знаю.

Предметом занятий наш кружок избрал политическую экономию, изучению которой по известной системе мы посвятили более года. Руководствовались мы при этом широко распространенными среди учащейся молодежи «Программами домашнего чтения», разработанными комиссией московских профессоров. Занимались, в общем, серьезно и добросовестно. Мы отказались от совместного чтения на собраниях кружка, и, предварительно ознакомившись дома с соответствующим вопросом, на собрания общими силами разбирали его, отвечая на предлагаемые «программами» вопросы. Пособиями нам служили учебники и курсы политической экономии Чупрова, Исаева, Иванюкова, Скворцова, недавно вышедший тогда и считавшийся выдержанно-марксистским «Краткий курс экономической науки» Богданова и даже «Основы политической экономии» Милля с примечаниями Чернышевского; по истории политической экономии мы пользовались курсами Чупрова, Ингрэма и др. Собирались мы теперь по большей части у Боброва (в «Ротах»), иногда у Стецкевича и Тушинского (на Лиговке).

К концу того же года наш кружок стал посещать еще один новый участник, ученик Ларинской гимназии Александр Иоф.

Это был юноша совершенно исключительных способностей, к сожалению рано и трагически погибший. Уроженец Сибири, он перевелся из Томской гимназии в 7 класс Ларинской гимназии. Иофу было в это время лет 18—19, и выглядел он еще старше благодаря своему раннему физическому развитию и обильной растительности на щеках и подбородке. Уже тогда он обнаруживал некоторые странности, в которых проявлялись зачатки свешней его в могилу душевной болезни и которые отталкивали от него многих товарищей. В гимназической организации Иофа не долюбивали за его крайнюю самоуверенность и самоуверенность в суждениях и поступках, за резкость и бесцеремонность в отношении к другим, за некоторую долю хвастовства в его рассказах. Несмотря на свои отрицательные черты, которых нельзя было не видеть, Иоф заинтересовал меня своими положительными качествами, и так как и он, в свою очередь, отнесся ко мне с симпатией, то мы с ним довольно близко сошлись, встречаясь, помимо кружковых и организационных собраний, у меня на дому и проводя целые часы в беседах на самые разнообразные темы. Все мы или значительное большинство из нас симпатизировали социал-демократии и готовились в будущем стать ее активными деятелями, но добросовестность мешала нам уже сейчас считать себя теоретически подготовленными настолько, чтобы признавать себя социал-демократами, — звание, которое в наших глазах было окружено большим ореолом. Не отличаясь особенной скромностью, Иоф без обиняков называл себя социал-демократом. Мне он рассказывал, что он стал марксистом и социал-демократом еще в Сибири, под влиянием ссыльного из Воронежа Рослякова (впоследствии, как кажется, примкнувшего к партии социалистов-революционеров). Иоф поражал меня обширностью и разносторонностью своих познаний и умением связывать их в целостную систему мировоззрения. Он прекрасно знал, понимал и «чувствовал» русскую художественную литературу; относясь по принципу с величайшим презрением к предметам гимназического преподавания, он как в Сибири, так и в Петербурге неизменно удостаивался пятерок с плюсом и высших похвал учителей за свои сочинения по русской литературе, всегда проникнутые серьезным содержанием, оригинальными обобщающими мыслями и написанные

блестящим литературным стилем. Иоф имел все данные, чтобы стать талантливым марксистским литературно-художественным критиком, недостаток в которых так сильно давал себя чувствовать во всех марксистских журналах. Особенно любил Иоф из русских писателей Достоевского и Чехова, которых мог цитировать наизусть целыми страницами (память у него была прямо феноменальная). Чехова он читал вслух с замечательным мастерством. Художественные образы жили в его сознании как живые существа, в психологию которых он умел проникать до дна. Я не могу теперь вспомнить его взглядов по поводу произведений Достоевского, которого я в то время плохо понимал и еще меньше знал, но помнится, что он давал очень тонкую оценку художественной силы и психологической глубины этого гения, объясняя его героев и переживаемые ими трагедии условиями окружающей русской действительности.

Не одна только художественная литература была излюбленным коньком Иофа. Не меньше увлекался он историей, в особенности русской. В то время как большинство из нас знало русскую историю только по гимназическим учебникам, не находя никакого интереса и смысла во всяких княжеских усобицах и т. п. и предпочитая изучение всеобщей истории с ее революциями и другими яркими событиями, Иоф превосходно знал Костомарова, Соловьева и Ключевского, читал различные специальные работы по русской истории и умел видеть в ней не разбеганные, несвязанные между собой факты, а историческое развитие живого народа. Не ограничиваясь русской историей и литературой, Иоф читал запоем и по другим отраслям знания (политической экономии, социологии, всеобщей истории и т. п.) и благодаря исключительной памяти и блестящим способностям хорошо и основательно усваивал прочитанное. Обладая недюжинным даром устного (как и письменного) изложения и увлекаемый постоянно какими-нибудь новыми идеями, он испытывал потребность в аудитории, перед которой мог бы развивать свои душевные мысли. За неимением другой он, в качестве такой аудитории, избрал меня, и, приходя ко мне, едва поздоровавшись, начинал со своего обычного «А знаете?» и, не глядя на собеседника и почти не слушая его реплик, с жаром, «волнуясь и спеша», развивал в течение часа и более

свои всегда интересные и оригинальные мысли. Иногда это производило впечатление какого-то маньячества и вызывало досаду, но, несмотря на это, беседы с ним, точнее, по большей части его единоличное ораторство, бывали интересны и содержательны.

Вступив в гимназическую организацию, Иоф стал настаивать, чтобы ей был придан определенный политический характер и чтобы мы, не ограничиваясь самообразованием, начали «работать» среди рабочих. Предложение это встретило решительный отпор со стороны большинства. В следующем (1899—1900) году Иоф фактически перестал принимать участие в делах организации, продолжая поддерживать личные отношения со многими ее членами. Центр тяжести своего внимания он перенес в другую сферу. Одно время он сильно мучился проблемами личной и половой морали, вводя меня — совершенного юнца в этом отношении — в круг самых сокровенных и интимных своих переживаний. Повидимому, неудовлетворенная жажда любви и личной жизни преждевременно толкнула его на путь революционной деятельности. Через одного из членов нашей организации, гимназиста Смельтера, брат которого служил рабочим в мастерских Николаевской железной дороги, Иоф проник в рабочую среду и организовал там кружок. Чем занимался он в этом кружке, я точно не знаю, но всякий раз после посещения этого кружка он восторженно отзывался о вынесенных отсюда впечатлениях, неоднократно противопоставляя то «дело», которое там якобы делается, отвлеченно-теоретическим беседам, ведущимся в наших кружках. Через указанный рабочий кружок Иоф связался с одной из социал-демократических групп, на которые к тому времени разбилось единое социал-демократическое движение в Петербурге. Руководящую роль в этой группе играли студенты университета: известный ныне советский деятель в области юстиции Красиков и, получивший впоследствии в Баку довольно громкую, хотя и не вполне безупречную репутацию, Илья Шендрик. Революционная деятельность Иофа продолжалась очень недолго и закончилась обычным финалом. Весной 1900 г. он был арестован вместе со своими упомянутыми выше товарищами и еще несколькими лицами; после нескольких месяцев тюрьмы он заболел психически и был

выслан на родину на поруки матери. В Сибири он одно время поправился, но болезнь скоро вернулась, стала прогрессировать быстрыми шагами, и через год или два он умер. Так ни за что погиб, не успев дать того, что обещал, этот незаурядный, подававший большие надежды юноша.

Из других гимназистов, вступивших в 1898—1899 г.г. в организацию, остановлюсь еще на двух, тоже принадлежавших к числу моих близких друзей и впоследствии принявших каждый по-своему участие в революционном движении. Это были два ученика 7 класса все той же Ларинской гимназии, ставшей по количеству и активности своих членов центром всей организации: Всеволод Аполлонович Горохов и Алексей Дмитриевич Покотил. Их, которых кончавшие гимназию Могилынский, Тагеев и Егоров выдвигали как своих возможных заместителей. Красивый и гибкий юноша, с темно-каштановыми волосами, с задумчивыми карими глазами, женственный и немного изнеженный (он был любимцем в семье, состоявшей из довольно интеллигентной матери и двух сестер), Горохов представлял собой тип чистого интеллектуалиста и вместе с тем человека большой моральной красоты. Читать он начал очень рано и ко времени нашего знакомства обладал для своего возраста большими и разносторонними познаниями; в особенности много времени уделял он изучению естественных наук, постоянно возясь с производством всяких физических и химических опытов в своей домашней лаборатории. Одновременно он успевал усиленно заниматься и общественными вопросами, интересуясь социологией, историей, философией и политической экономией. Необщительный и застенчивый среди мало знакомых, он, благодаря исходившему от него моральному обаянию, был центром для группировавшихся вокруг него личных друзей, на которых оказывал сильное умственное и нравственное влияние. По окончании гимназии Могилынский Горохов взял на себя заведывание библиотекой и фактически стал душой всей организации, хотя со свойственной ему скромностью старался внешне оставаться в тени. Близкие отношения я сохранял с ним до своего ареста и высылки в 1901 г., когда он был уже студентом. После этого жизнь развела нас в разные стороны. От общих знакомых я знаю, что университета он не окончил,

будучи исключен из него за участие в студенческих беспорядках (в 1902 г.); он долго жил в провинции, одно время занимал должность библиотекаря юрьевского университета, оставаясь по убеждениям социал-демократом и примыкая к большевикам. Не чужд Горохов был и литературе. Вместе с довольно известным впоследствии социологом Энгелем он выпустил в 1905 г. содержательную брошюру о студенческом движении начала XX столетия (тогда же конфискованную). Еще раньше написал он большую работу по истории Интернационала, не увидевшую света. Не зная иностранных языков, Горохов перерыл во всех библиотеках, к которым имел доступ, старые журналы и газеты времен Интернационала и на основании этого устарелого и случайного материала написал, как говорили читавшие ее, интересную во многих отношениях работу. Несколько лет тому назад в одном из специальных советских журналов я встретил статью Горохова по социологии — предмет, который он с увлечением изучал в дни юности. Если Горохову не удалось ни в научной, ни в какой-либо другой области создать что-нибудь ценное, то я объясняю это не отсутствием у него для этого надлежащих данных, а его исключительной добросовестностью и неуверенностью в себе. Для меня лично общение с Гороховым в течение нескольких лет, без всякого сомнения, имело большое положительное значение.

Покотиллов представлял полную противоположность Горохову; недаром они постоянно находились в антагонизме. Если Горохов был целиком увлечен интеллектуальными интересами и был в некоторой степени доктринером, то Покотиллов был чужд по своей натуре книгам и теориям, живя исключительно чувствами и минутными настроениями. В противоположность вздумчивому, рассудочному и немного медлительному Горохову, Покотиллов был экспансивен, быстр в решениях и действиях, зажигаясь как порох и так же быстро потухая.

Ничто не говорило за то, что из Покотилова выйдет террорист. Большинство из нас были детьми интеллигентных родителей, принадлежавших по своему имущественному и социальному положению к мелко-буржуазным слоям общества. Покотиллов был дворянином, сыном богатого генерала, директора первого петербургского кадетского корпуса; его дядя, брат

отца, долгие годы (до самой революции 1917 г.) был посланником царского правительства в Китае. В доме у отца ему приходилось встречаться с представителями русской аристократии и высшего офицерства. Если мы приходили к оппозиционным, а потом и к революционно-социалистическим настроениям и убеждениям под влиянием своих родителей, братьев и сестер, под впечатлением наблюдаемых нами бедности и лишений, то для Покотилова первым толчком к протесту послужило моральное отвращение к той лицемерной фальшивой среде, в которой ему приходилось вращаться и которая так чужда была его правдивой на редкость натуре. Детство и юность Покотилова были достаточно неприглядны. Отец его, сухой и суровый служака, был женат вторым браком, и Покотиллов совсем не знал материнской ласки и семейного уюта, в котором его нежная, отзывчивая душа испытывала неутолимую потребность. Он чувствовал себя чужим в родной семье, и отец не придумал ничего лучшего, как с 4-го или 5 класса поместить его на полный пансион в гимназию, что только еще более отдалило Алексея от семьи. Но и в гимназии Покотиллов не нашел на первых порах сочувственного отклика на трепетанья своей жаждавшей ласки и тепла души. Там встретил он бездушный формализм казенной деляновской гимназии, где педагоги и учащиеся составляли два враждебные лагеря: «мы» и «они». Покотиллов стал искать забвения, с одной стороны, в пьянстве и разгуле, с другой — в «борьбе» с гимназическим начальством. Первое имело своим следствием то, что Покотиллов непоправимо распатал свое здоровье, приобрел неврастению, переходившую в истерию, нажил развившуюся на ее почве экзему, которая уродовала довольно правильные черты его лица и причиняла ему как физические, так и моральные страдания. Алкоголь стал потребностью Покотилова; даже вступив в революционное движение, он временами не знал удержа, предаваясь диким попойкам и кутежам. Следствием второго были быстро приобретенная Покотилловым популярность и любовь со стороны гимназических товарищей, признавших его коноводом, и до болезненности развитое чувство товарищества. У него не было близких друзей и личных привязанностей; тем с большим самопожертвованием он отдавал всего себя «товариществу»: бесформенному, безличному.

Товарищество стало его богом, в жертву которому он приносил сокровища своей натуры. В эту сторону были направлены лучшие побуждения его неудовлетворенной души. Пострадать или отомстить за товарища, выразить от имени класса протест начальству, подстроить пакость особенно ненавистному учителю, «надерзить» директору или инспектору — вот на что растрчивались душевные силы Покотилова. Все такие протесты и выходы Покотилова не выходили за пределы вопросов гимназического порядка и по своему существу отнюдь не являлись «колебанием основ». В политическом отношении Алексей в это время представлял невинного младенца. Теоретически он был совершенно невежественен, политикой не интересовался, о революции не помышлял. В нем попросту бродили силы, не находившие себе выхода и надлежащей точки приложения. Его гимназические проделки, которые всякому другому стоили бы исключения из гимназии, сходили ему с рук (не считая постоянного отсиживания в карцере, сбавки балла за поведение, лишения воскресных отпусков домой) благодаря влиянию и положению его отца. Не отличаясь способностями, учился он плохо, по два года сидел в каждом классе, но начальство не решалось исключить его.

Товарищи Покотилова по гимназии колебались, прежде чем решились привлечь его в организацию. Его попойки и политический индифферентизм заставляли опасаться, как бы он случайно не проболтал кому-нибудь о наших конспирациях. Но, с другой стороны, его безусловная честность, преданность товариществу и влияние на гимназистов делали его кандидатуру желательной. В конце концов, ему было сделано предложение, и он с радостью ухватился за него, приняв с первых же шагов самое активное участие в делах организации. Наша организация дала ему то товарищество, которое лишь с большой натяжкой давала ему до того времени гимназическая среда. Рядом с ним было теперь не необузданное стадо, готовое слепо идти за ним во всякого рода шалостях и дебошах, а идейные, чистые юноши и девушки со светлыми идеалами и стремлениями, совместно работающие над выработкой своего мировоззрения и характера. Здесь Покотиллов нашел смысл жизни. Правда, теоретические занятия привлекали его мало, но тем большее удовлетворение доставляли

ему дружеские беседы и споры на всевозможные темы, сопровождавшие эти занятия, и те отношения, которые складывались на их почве.

В политическом отношении он, как я уже указывал, был самым умеренным из активных членов организации. Он решительно возражал не только Иофу, желавшему перевести организацию на рельсы политической деятельности, но и другим, которые формулировали ее задачу как «выработку научного революционного мировоззрения» у своих членов.

Кроме вышеупомянутого кружка политической экономии, в этом году функционировал целый ряд других: несколько кружков в Ларинской гимназии, кружок в 6-й гимназии, организованный Держинским, и кружок гимназистов, организованный Е. Н. Позняковой, дочерью детского писателя Н. И. Познякова. Особенно успешно работал кружок ларинцев-восьмиклассников, изучавший историю русской общественности; в кружке этом читались серьезные рефераты Могилянским, Тагеевым, Егоровым и А. А. Веселовским, сыном известного ученого, профессора А. А. Веселовского, и впоследствии тоже профессором по кафедре истории русской литературы.

На пасху 1899 г. в Петербург приехал представитель киевской гимназической организации для установления связи с нашей организацией и для приглашения ее на организуемый киевлянами всероссийский съезд гимназических организаций. Эта попытка гимназического съезда была не первой: от Стецкевича и Держинского я знал, что еще за год до образования нашей организации они оба были делегатами от петербургских польских кружков на гимназическом съезде в Вильне, на котором, между прочим, от виленских гимназистов присутствовал Михаил Гольдман (Либер). Киевская организация была старше нашей, имела большее количество членов и поддерживала связи с многими провинциальными ученическими организациями. Вместе с тем она носила ясно выраженный политический и революционный характер, оказывая технические и иные услуги местным революционным организациям. На совещании с нами киевский делегат настаивал на том, чтобы наша организация ориентировалась в том же направлении, что и киевская, и указывал, что и съезд созывается под таким же знаком.

Несмотря на красноречие делегата, обладавшего несомненными ораторскими и агитационными способностями (впоследствии он был активным работником партии эсеров в Киеве), мы после страстных прений отклонили участие в съезде и киевскую политическую платформу, выразив готовность поддерживать связи с киевской организацией. Мы считали себя слишком малочисленной организацией, чтобы пускаться в большое политическое плавание, не будучи к тому же уверены, что большинство рядовых наших членов сочувственно отнесется к нашему политическому оформлению. Кроме того, мы опасались этого по соображениям конспирации: участие наше в съезде легко могло стать известным охранке, и тогда прости-прощай наша с такой любовью делемая организация. Наконец, — и это, пожалуй, было решающим мотивом — наша политическая ориентация неизбежно должна была отвлечь нас от основной задачи — теоретической выработки революционного мирозерцания. Мы довольно холодно расстались с киевским делегатом, и фактической связи с Киевом у нас не установилось. Уже значительно позже, когда меня не было в Петербурге, сильно выросшая к тому времени петербургская организация принимала участие в нелегальных всероссийских гимназических съездах.

Чтобы закончить с гимназической организацией, оставлюсь еще в нескольких словах на издававшихся ею журналах. Происхождение их было таково. С одной стороны, возникла мысль о дополнении кружковых занятий литературной разработкой обсуждающихся в кружках вопросов, с другой — об информации всех членов организации, не могущих посещать собраний, о ее деятельности¹⁾. В результате пришли к параллельному изданию двух журналов: «научно-теоретического» (тол-

¹⁾ В силу конспиративных условий нам крайне редко удавалось устраивать общие собрания членов организации. Текущей деятельностью ее руководил «комитет» из 5—7 лиц; время от времени созывались делегатские собрания от кружков и гимназий. Весной 1899 г. Покотилев воспользовался отсутствием своего отца и устроил общее собрание членов нашей организации в саду кадетского корпуса, в котором тот состоял директором. Это была большая смелость с его стороны. На этом собрании, на котором решался вопрос о направлении и задачах организации, присутствовало около 40 человек.

стого) и практического, организационного — небольших размеров. Оба они печатались на гектографе в очень ограниченном количестве экземпляров и ни разу не стали добычей гимназического начальства или охранки. Толстый журнал удалось выпустить всего один раз (нехватало для него материала). В нем были помещены рефераты, прочитанные в различных кружках (вспоминаю реферат Веселовского о символизме и декадентстве), ряд беллетристических произведений, программы для самообразования и т. п. Что касается до небольшого журнальчика, которого выпущено было 6—7 номеров, то он был исключительно посвящен практическим и внутренним вопросам организации, при чем почетное место уделялось в нем критике комитета и вызванной ею полемике. Во всякой организации, живущей замкнутыми кружковыми интересами, всегда находится достаточно поводов для обвинения руководящей группы в «тирании», «генеральстве» и т. п. К тому же всегда имеются разногласия и различные точки зрения. Так было и у нас. Poleмику начал Бобров ядовитыми и колкими статьями против комитета; ему, в стихах и в прозе, отвечали Веселовский и Покотилев; ввязался в эту полемику и я. Бобров не оставался в долгу и отвечал новыми, не менее колкими статьями. О чем гелась эта полемика, я теперь не вспоминаю, но хорошо помню, что тон ее был очень резкий и запальчивый, что, впрочем, не мешало всем нам поддерживать между собой самые наилучшие отношения.

Подводя итоги своему участию в гимназической организации в течение трех лет, я не могу не признать, что как на меня, так и на многих других она оказала благотворное влияние. Вероятно, и без участия в гимназических кружках я сумел бы приобрести те знания, которые почерпнул в них; вероятно, моя домашняя обстановка и без гимназической организации сделала бы из меня революционера. Но организация дала мне то, чего не могли дать никакие книги, никакие семейные революционные традиции, а именно — первичную практическую школу общественности, работу в коллективе. В этом отношении она заменила мне ту школу общественности, которую многим моим сверстникам давали студенческие кружки и организации, землячества и кассы взаимопомощи. Для меня, не вкусившего никогда университета, школа нашей организации

оказалась незаменимой подготовкой к моей будущей политической и революционной деятельности. Она приучила меня подчинять и согласовывать свои индивидуальные мнения и желания с волей коллектива, терпимо относиться к чужим взглядам и недостаткам, выработала у меня многие приемы и методы организованной коллективной работы и умение публично устно и письменно излагать свои мысли. Аналогичное влияние организация оказала на многих моих товарищей¹⁾. Спустя 25 лет я с глубокой благодарностью и теплотой вспоминаю эту свою «розовую мечтательную юность» и своих тогдашних товарищей и сподвижников, разметенных с того времени жизнью в разные стороны...

¹⁾ Я указывал уже на участие в революционном движении большинства моих товарищей по гимназической организации. Дополню эти указания тем, что мой ближайший и ранний товарищ по первому кружку — Стецкевич — в период 1902—1906 г.г. принимал участие в деятельности польской социалистической и белорусской социал-демократической партии.

ГЛАВА VI

ГРУППА «РАБОЧЕЕ ЗНАМЯ».

Различные течения и организации среди петербургских социал-демократов. — «Экономизм». — Группа «Рабочее Знамя». — Вступление Сергея в ее состав. — С. В. Антропов. — О. А. Звездочетова. — М. Б. Смирнов. — Стачка у Макеева и Пала. — Разгром «Рабочего Знамени». — Арест Сергея и сестер. — Засада. — Моя связь с «Красным крестом». — Переписка с арестованными. — Мой друг Шехтер. — Обыск 8 февраля 1899 г. — Задержание М. И. Гольдмана-Либера. — Мой кратковременный арест и допрос.

В 1898 г. деятельность петербургского «Союза борьбы», воспринявшего после первого съезда партии второе название: «Петербургский комитет РСДРП», стала все более приобретать уклон, который впоследствии стал характеризоваться как экономизм. Успехи стачечного движения 1896—1897 г.г. подняли самосознание масс петербургского пролетариата и самодеятельность передовых рабочих, выдвинувшихся в качестве организаторов и агитаторов, заставив последних, равно как и отражавшую их настроения партийную интеллигенцию, перегнуть палку в сторону переоценки значения экономической стачечной борьбы.

В сущности говоря, «экономизм» внутри российской социал-демократии никогда не представлял собой стройной и законченной теории; он был скорее только тенденцией, которая в известный период в большей или меньшей степени была присуща подавляющему большинству русских социал-демократических практиков. Попытки придать «экономизму» теоретическую формулировку и обоснование в некоторых статьях «Рабочей Мысли»¹⁾ (в особенности в «Приложении» к ее 7 номеру)

¹⁾ Нелегальная петербургская газета «Рабочая Мысль» начала выходить с конца 1897 г. как орган самостоятельной рабочей группы Невского и

не вызвали сочувствия даже со стороны многих членов «Союза борьбы». То же самое можно сказать об известном документе, фигурировавшем в нелегальной печати под названием *Credo* («Верую») и составленном С. Н. Прокоповичем и Е. Д. Кусковой, которые как тогда, так и впоследствии стояли далеко от партийных организаций и практики социал-демократического движения. Документ этот не только вызвал резкую отповедь со стороны Плеханова и Аксельрода и сосланных деятелей «Союза борьбы» (Ленин, Крижановский, Мартов, Старков, Дан, Потресов и др.), но не встретил отклика и среди работавших в России практиков.

Впоследствии заграничная «Искра» причисляла к теоретикам «экономизма» редакцию заграничного органа «Союза русских социал-демократов» — «Рабочее Дело» (так называемых «молодых»: Б. Кричевского, В. Иваншина, В. Акимова-Махновца и А. Мартынова). Но это было справедливо лишь отчасти. Несомненно, «Рабочее Дело», в отличие от «Искры», сочувствовало «экономическим» тенденциям русских социал-демократических комитетов, в свою очередь оказывая на них влияние в духе «экономизма» своей «теорией стадий»¹⁾ и усиленным подчеркиванием преимущественного значения экономической борьбы как чистой формы классового рабочего движения. Но позиция «Рабочего Дела» была в высшей степени непоследовательной и эклектичной в этих вопросах; статьи одного номера противоречили статьям другого, и сами члены редакции далеко не во всем были солидарны между собой

Колпинского районов; в 1898 г. она стала органом петербургского комитета («Союза борьбы»), сохраняя некоторую автономию. «Рабочая Мысль» стремилась быть чисто «рабочей газетой», посвященной исключительно непосредственным экономическим интересам рабочих масс.

¹⁾ Согласно этой «теории», формально опиравшейся на брошюру «Об агитации» (Кремера и Мартова), рабочее движение развивается постепенно, переходя из одной стадии в другую. Социал-демократическая агитация должна начинаться с самых повседневных экономических нужд рабочих и лишь по мере уяснения последними на практике связи экономики и политики вводить их в курс значения отдельных политических свобод (стачек, собраний, слова, печати, союзов). Наконец, после усвоения массами всего этого можно переходить к высшей стадии — постановке перед ними во всей широте вопроса о низвержении самодержавия.

(Акимова действительно можно было назвать чистым экономистом, но того же нельзя было в полной мере сказать о Кричевском или Мартынове).

Благодаря политическим и организационным дефектам «Союза борьбы» многие социал-демократы (и не худшие по своему качеству) не находили применения своим силам в его рамках и начинали работать вне и независимо от него в одиночку («кустарно»), занимаясь главным образом пропагандой или образуя самостоятельные группы, расходившиеся с «Союзом борьбы» в понимании задач социал-демократической агитации, пропаганды и организации. Подобные группы непрерывно возникали с 1898 по 1901 год, и некоторые из них развивали довольно значительную деятельность¹⁾.

В одну из таких групп вступил осенью 1898 г. брат мой Сергей вскоре после своего поступления в университет. Группа эта, назвавшая себя группой «Рабочее Знамя» по связи и солидарности в вопросе о политической борьбе с группой того же имени («Русской социал-демократической партией»), разгромленной весной 1898 г., считала себя составной частью РСДРП, принимая манифест и резолюции последней. Но она организовалась в стороне от петербургского комитета партии («Союза борьбы»), считая односторонним его экономический уклон и не разделяя направления его официального органа «Рабочая Мысль». «Рабочее Знамя» ставило своей целью противопоставление «экономизму» широкой политической агитации и пропаганды. Но, выступая отдельно от Союза, оно не абсолютно враждебно относилось к нему, рассчитывая своей деятельностью подготовить объединение всех разрозненно действовавших в Петербурге социал-демократических групп в единую социал-демократическую партийную организацию, продолжающую традиции революционной социал-демократии. Незадолго до своего разгрома

¹⁾ Наиболее крупными из таких групп были: «Группа самоосвобождения» (В. Кожевников, К. Попов, В. Гутковский, Евг. Маевский); «Группа 20-ти» (Н. И. Иорданский, будущий член II государственной думы С. Н. Салтыков, известный историк, редактор «Былого» П. Е. Щеголев, Н. И. Ладыженский и др.); группа «Социалист» 1900—1901 г.г.; группа «Рабочей Библиотеки» и, наконец, группа «Рабочее Знамя».

в декабре 1898 г. группа «Рабочее Знамя» вступила в переговоры об объединении с комитетом «Союза борьбы» и с редакцией «Рабочей Мысли». Переговоры эти не привели к положительным результатам, по словам Сергея вследствие неуступчивости, обнаруженной «Союзом борьбы».

Сношения с группой «Рабочее Знамя» Сергей, если не ошибаюсь, завязал через своего университетского товарища С. А. Алексеева, имевшего с ней связи. Несмотря на свою молодость (ему было 19 лет), Сергей сразу же был принят в центральное ядро группы. Последняя была не очень многочисленна и лишь незадолго перед тем стала развивать свою деятельность главным образом среди рабочих Александро-Невского района. Во главе группы стояли три тесно связанных между собой личными и семейными узами человека: помощник присяжного поверенного Михаил Борисович Смирнов, студент-математик Сергей Васильевич Антропов и учительница воскресной школы за Невской заставой Ольга Аполлоновна Звездочетова, которая через своих учеников по школе завязывала связи в рабочей среде. С двумя последними из них я познакомился незадолго до ареста Сергея при следующих обстоятельствах. Однажды утром Сергей попросил меня сходить с каким-то конспиративным поручением на Слоновую улицу (позднее — Суворовский проспект), на квартиру Звездочетовой, у которой жил и Антропов, при чем рекомендовал «смотреть в оба», так как за их квартирой несомненно следят. Антропов и Звездочетова приняли меня очень ласково, усадили, напоили чаем (дело было зимой, и стоял сильный мороз), стали расспрашивать, кто я такой, чем интересуюсь, что читаю и т. д.

Их внимательное отношение ко мне, мальчику, казалось бы, не могущему представлять для них никакого интереса, сразу расположило меня к ним. Было что-то в них такое, что резко отличало их (как и Смирнова, с которым я познакомился позже) от большинства партийных социал-демократов, с которыми мне приходилось иметь те или другие «дела». Какая-то особая душевность и огромный запас идеализма, который у Звездочетовой переходил в экзальтированность. В свои деловые отношения с людьми они умели вносить большую сердечность и теплоту. Духом христианской любви и апостольства веяло от всех трех.

Антропов — огромного роста мужчина, неуклюжий, с большой шевелюрой темно-рыжих волос и с такой же растрепанной бородой, с серыми глазами, излучавшими доброту, — пришел к социализму через толстовство. Долгое время он был последователем морального учения Л. Н. Толстого, придерживаясь вегетарианства и аскетического образа жизни. Это его прошлое наложило на него неизгладимый отпечаток, и, став социал-демократом, он ко всем политическим и социальным вопросам подходил с моральным критерием. Обаяние, исходившее от его личности, располагало к нему рабочих, которые не только уважали его как образованного руководителя, но и любили как сердечного друга¹⁾.

Со Звездочетовой я сошелся впоследствии довольно близко, и, несмотря на разницу в годах, мы долгое время поддерживали самые дружеские отношения и оживленную переписку. Ольга Аполлоновна была тонким человеком с глубокими душевными переживаниями и большим внутренним миром. Отличаясь незаурядным даром пропагандиста и педагогическими способностями, сохраняя чисто юношеский идеализм, несмотря на свои 25—26 лет, обладая пылким темпераментом, она с жаром отдавалась социал-демократической деятельности, хотя по своему характеру была мало склонна к «политике»: неизбежные в последней дипломатичанье, компромиссы и т. п. шли вразрез с прямотой ее характера и с характерною для нее «честностью с собой». Как пропагандистка (в Петербурге, потом в ссылке в Кинешме и Туле) Звездочетова пользовалась большой любовью со стороны рабочих. В отличие от многих пропагандистов, она

¹⁾ Его последующая политическая карьера такова. После освобождения по делу «Рабочего Знамени» Антропов эмигрировал за границу и жил в Лондоне. Вернулся он в Россию в 1901 г. нелегально в качестве представителя «Искры». Вместе с Сергеем и В. П. Ногиным провел объединение петербургской группы «Искры» с петербургским комитетом. Вскоре все они трое были арестованы (по доносу известного провокатора М. И. Гуровича), и Антропов был сослан в Сибирь. Оттуда бежал, снова был за границей, долгие годы работал как большевик в России, снова был сослан. В 1910 г. легализовался и занялся преподавательской деятельностью в средне-учебных заведениях (по математике). В настоящее время занимается в Москве научной и литературной деятельностью, примыкая к коммунистам, но не состоя в партии.

видела в рабочих не столько безличный объект для воздействия, сколько живых людей с особой индивидуальностью, понять и проникнуть в которую она всегда стремилась, что рабочие очень ценили. В 1906—1907 г.г. О. А. была арестована во время заседания на ее квартире Петербургского комитета РСДРП, судилась судом Судебной Палаты, была оправдана, после чего уехала на Северный Кавказ, где и отошла окончательно от политической деятельности. Партийные разногласия и переживания в области личных отношений вызвали у нее разочарование и пересмотр многих, казавшихся ранее незыблемыми, ценностей. Одно время она всецело отдалась воспитанию своего ребенка, а потом с успехом занималась педагогической деятельностью на Северном Кавказе. Художественные произведения О. А. в толстых журналах («Образование» и др.) за подписью О. Давыдова (ее фамилия в замужестве¹), а также выпущенные ею отдельной книгой «Воспоминания учительницы» обратили на себя внимание критики. Вскоре после 1905 г. она умерла от тяжелой внутренней болезни, не достигши 40 лет.

Третий член группы, М. Б. Смирнов, болезненный и нервный, производил впечатление человека «не от мира сего»; он казался всегда немного растерянным, но его добродушная улыбка и мягкость в обращении с людьми привлекали к нему симпатию всех его знавших. М. Б. обладал солидными теоретическими познаниями, владел недурно пером и в группе «Рабочее Знамя» являлся признанным идейным вдохновителем и теоретиком, как Автропов и Звездочетова были ее практическими организаторами²).

¹ Муж О. А., В. В. Давыдов, с которым я одно время тоже был довольно близок, студент-медик, привлекался по делу «Союза борьбы». Вместе с О. А. он работал в социал-демократических организациях в Кинешме и Туле, состоял там под надзором полиции. Потом ему удалось сдать государственные экзамены, и он работал в качестве врача в Нижнем-Новгороде, Петербурге и Ростове, не принимая участия в политической деятельности.

² В 1905—1906 г.г. Смирнов работал среди большевиков, сотрудничал в легальных их изданиях под псевдонимом М. Линдквист, жил долгое время в Ростове-на-Дону. После революции 1917 г. он принадлежал к группе социал-демократов-интернационалистов, был городским головой Ростова.

Сергей довольно подробно посвящал меня в свою работу и в тайники организации. От него я услышал впервые имя рабочего Виктора Павловича Ногина, интеллигентность и развитие которого очень его поразили. Ногин работал в то время на одной из ткацких фабрик, Паля; через него у группы установились прочные связи с рабочими текстильщиками¹).

В начале декабря на фабриках Паля и Максвеля начались волнения на экономической почве. Группа «Рабочее Знамя» выпустила прокламации к рабочим, призывая их к стачке и формулируя их требования. В отличие от чисто «экономических» прокламаций «Союза борьбы», в число требований были включены политические: свобода собраний, печати и союзов. Прокламации были напечатаны на мимеографе и гектографе и были распространены в довольно большом количестве экземпляров. Организация не имела собственного мимеографа, и Сергей, через посредство сестры Лидии и ее мужа Г. Канцеля, устроил печатание на мимеографе, принадлежавшем политическому «Красному кресту», при содействии членов последнего: бывшего члена партии «Народное право» В. В. Татаринова и известного впоследствии марксистского литературного критика М. П. Миклашевского (Неведомского). Оба они согласились в виде личной услуги своему приятелю Канцеля дать использовать для социал-демократических прокламаций мимеограф, находившийся на квартире у Татаринова. Несмотря на принятые предосторожности, шпионы выследили сношения группы с ним, и все прикосновенные к этому делу лица, кроме Миклашевского, были арестованы после того как прокламации были отпечатаны и распространены.

Прокламации послужили непосредственным поводом к объявлению стачки на фабриках Паля и Максвеля, которая, в свою очередь, привела к полному разгрому группы «Рабочее Знамя». Одновременно с арестами интеллигентов полиция произвела набег на забастовщиков. Последние в большинстве жили не на частных квартирах, а в фабричных казармах, куда направилось

¹ В. П. Ногин был красильным мастером и работал на фабрике Паля, но был уволен и к моменту своего первого ареста — в декабре 1893 г. — работал конторщиком-приемщиком на Семяниновском заводе.

огромное количество агентов полиции и охранки для изловления «зачинщиков». Рабочие и работницы отказались выдать товарищей, забаррикадировались в своих комнатах, и тогда началась правильная осада казарм, продолжавшаяся несколько часов, причем на головы осаждавших летела всякая домашняя утварь, поленья и пр. В результате победа все же оказалась на стороне силы — властей, которые учинили настоящее побоище и арестовали несколько десятков рабочих, в том числе наиболее активных социал-демократов, связанных с «Рабочим Знаменем» (Калабина, Орлова, Козлова и др.). Ногин в ту же ночь был арестован у себя на квартире.

Хотя организация «Рабочее Знамя» ожидала арестов и принимала соответствующие меры, но Сергей, полагая, что, едва начав работать, не находится еще в поле зрения охранки, не только не «почистился», но, напротив, незадолго до ареста взял к себе на сохранение большое количество всякой нелегальщины. Так, он принес гектограф с сохранившимся на нем отпечатком прокламации к палевцам и максвелевцам, сверток восковой бумаги, употреблявшейся при работе на мимеографе, а также полученный во временное пользование «архив» «Союза борьбы», то-есть экземпляры всех выпущенных последним за время его существования прокламаций. Этот архив он предполагал использовать при составлении исторического очерка деятельности «Союза борьбы» для намеченного к изданию номера журнала «Рабочее Знамя». Большую часть этого архива он впрочем, передал на хранение старшему брату моего друга, студенту-медику К. С. Шехтеру, жившему неподалеку от нас.

В ночь на 16 декабря, часа в два, в нашей квартире раздался сильный, много говорящий звонок. Брат тотчас же проснулся, вскочил с постели и растерянно метался по нашей комнате, не зная, с уничтожения чего начинать. Звонок продолжал неистово звенеть, надо было спешить. Так как самой скверной уликой являлся гектограф, Сергей схватил его в том виде, в каком его принес, то-есть аккуратно завернутым в газетную бумагу, и сунул под стоявшую в комнате этажерку с книгами. Место это, конечно, было ненадежное, но как читатель вскоре увидит, случайность на этот раз выручила, и гектограф не стал жертвой властей.

Когда входная дверь была, наконец, открыта, наша квартира наполнилась большим количеством охранников и полицейских во главе с чиновником особых поручений при охранном отделении — отвратительным и нечистоплотным стариком Соколовым. Он имел ордер на производство обыска по всей квартире, и последний производился чрезвычайно тщательно, в особенности после того, как в корзине у брата были обнаружены восковая бумага и архив. Соколов, засевший в кабинете отца, в течение нескольких часов прочитывал от строчки до строчки каждую бумажку, которую находил в бесконечных ящиках его письменного стола, всю его переписку за 2—3 десятка лет и служебные бумаги. Сергей успел предупредить мать о находящемся под этажеркой гектографе, прося ее сделать попытку отвлечь внимание ищейек от злопудучного места. Задача была не из легких, так как, стоя у входной двери в нашу комнату, можно было видеть край газетной бумаги, торчавшей из-под этажерки, но не видной, если стоять непосредственно около последней. Мать моя была женщина, никогда не терявшая хладнокровия и становившаяся особенно смелой в минуту опасности. Вместе с обыскивающим агентом она подошла к роковой этажерке, облокотилась на ее край, загораживая собой ее низ от нескромных взглядов и подавая агенту одну книгу с этажерки за другой. Пока осматривались книги на верхних полках, дело шло гладко, но, переходя к нижним, агент стал на колени: стоило ему немного нагнуться и заглянуть под этажерку, и все пропало. Ни живы, ни мертвы мы с Сергеем наблюдали эту сцену. Дело подходило к концу. Тут на мать нашло какое-то наитие. Еще раньше она делала попытки заговорить с охранником, но он очень неохотно поддерживал разговор. Неожиданно, взглядевшись в его физиономию, она спросила, не грек ли он. Каково же было его удивление, когда на утвердительный его ответ, она обратилась к нему с несколькими словами на греческом языке¹⁾. Лед был сломан. Услышав звуки родного языка, охранник растаял и менее внимательно стал относиться к своей обязанности, перекидываясь с матерью фразами на греческом языке...

¹⁾ Мать родилась в Константинополе и до замужества жила там, свободно владея распространенным там ново-греческим (разговорным) языком.

И, разумеется, ему не пришло уже в голову простереть свое усердие до заглядывания под этажерку. Гектограф был спасен...

Обыск продолжался до самого утра. Обыскивавшие и обыскиваемые смертельно устали и с нетерпением ждали конца процедуры. Неожиданно прозвучал новый властный звонок. То был начальник петербургского охранного отделения Пирамидов собственной персоной¹⁾, имевший обыкновение объезжать все обыскиваемые квартиры, чтобы лично обозреть поле битвы и захваченную добычу. Это был небольшого роста широкоплечий человек с огненно-рыжими волосами и бакенбардами, с злыми раскосыми глазами, пронизывающими вас насквозь, с резким голосом и грубыми манерами.

Узнав о большом количестве найденной при обыске нелегальщины, Пирамидов просиял и в повышенном тоне стал выговаривать отцу за то, что он-де воспитывает своих детей в революционном направлении. А когда отец спокойным голосом предложил ему понизить тон и прекратить чтение нотаций, Пирамидов вышел из себя, стал кричать и грозить, а уходя, отдал Соколову какое-то распоряжение. Когда процедура обыска, наконец, окончилась, оказалось, что Пирамидов распорядился: 1) арестовать не только Сергея, но и старшую сестру Надежду²⁾, у которой ничего при обыске найдено не было и об аресте

¹⁾ В бытность свою начальником охранного отделения в Одессе Пирамидов прославился своей жестокостью в преследовании и подавлении революционного и рабочего движения. Характерной чертой введенной им системы борьбы с «крамолой» было: производство массовых арестов без разбора пола и возраста, виноватых и невиновных, активных деятелей и только «сочувствующих» по принципу: «там разберут», методы оглушения и устрашения. Ту же систему применял он и в Петербурге. Делом сыска Пирамидов занимался с какими-то сладострастием: холодный и жестокий, он увлекался своим грязным делом. В 1901 г. мне вторично пришлось с ним встретиться, а еще через год или два он погиб при спуске военного судна, лично охраняя присутствовавшего при церемонии дая: он был убит сорвавшимся от ветра флагштоком. «Искра» посвятила герою охранки проницательный некролог под заглавием: «Пирамидова не стало!».

²⁾ Сестра никакого отношения к «Рабочему Знамени» не имела, тем не менее после 2-месячного ареста была выслана под надзор полиции в Новгород. В ту же ночь были арестованы, в числе других, сестра Лиди (Кандель) с мужем.

которой в ордере не упоминалось, и 2) оставить в квартире в течение недели «засаду», никого не выпуская из дома и задерживая всех проходящих.

Целую неделю провели мы в домашнем «карантине»: отца не выпускали на службу, младших сестер в гимназию; в виде милости отпускали только прислугу для закупки провизии, и мы таким образом в течение недели были отрезаны от внешнего мира. В передней и на кухне — у обоих выходов квартиры — дено и ночью дежурило по два «архангела», которые сменялись дважды в день. Впрочем, их надзор был не очень назойлив, и к концу срока засады они стали совсем домашними. В первый же день матери удалось почти на их глазах извлечь злополучный гектограф, привязать его себе к ноге под домашним капотом и вынести в ватерклозет, где он и был потоплен. Впрочем, здесь произошла маленькая заминка: гектограф застрял и перестал пропускать воду; из нижней квартиры забила тревогу, требуя вызова водопроводчика для исправления клозета. Пришлось вытаскивать гектограф, разрезать на части и в таком виде спустить вниз.

В первый же день засады у нас было задержано не менее 10 человек; вечером явившийся чин охранки, переписав их и даже не потрудившись обыскать, отпустил по домам. Среди задержанных был небезызвестный юрист, впоследствии крупный защитник в политических процессах, В. В. Бернштам и приятель сестры и активный деятель «Красного креста» врач А. Ф. Сулима-Самойло, позднее участник эсеровских организаций. В следующие дни в засаду никто уже не попадался, так как знакомые были оповещены о происшедшем аресте¹⁾.

* * *

Со снятием засады для матери и для меня началась усиленная работа; шутка ли сказать: надо было обслуживать книгами

¹⁾ В ту же ночь 16 декабря были арестованы многие деятели группы «Рабочее Знамя», в том числе Смирнов, Звездочетова, Антропов, студенты-технологи Миссуна и Черкес, а также так или иначе связанные с ней: студент Шехтер, В. В. Татаринов, известный педагог В. А. Герд, сестры О. и Ю. Гольдман; об аресте Ногина и других рабочих я уже упоминал.

и передачами четырех арестованных членов нашей семьи да заботиться еще о немевших никого из родных в Петербурге сестрах Гольдман, объявленных официально нашими родственниками. Мать стала брать меня с собой в «предварилку», и я скоро стал своим человеком в двух небольших ее приемных комнатках, где принимались передачи и откуда вызывали на свиданья. Тут же пришлось перезнакомиться с большим количеством родственников лиц, сидевших в это время в «предварилке», а таковых насчитывалось тогда не менее 150 человек. Здесь я мог наблюдать на месте работу «Красного креста» по снабжению нуждающихся арестованных продовольствием и по выдаче небольших денежных пособий их семьям. Вскоре я отчасти был привлечен к этой работе. Самым деятельным работником «Красного креста», выполнявшим эту задачу в стенах «предварилки», была курсистка социал-демократка Надежда Поликарповна Смирнова, красивая и стройная брюнетка, с смуглым цветом лица и характерным для южанок румянцем (она была грузинкой по происхождению), в высшей степени привлекательная и отзывчивая. Она всей душой отдавалась делу помощи заключенным и их семьям, входя в мельчайшие подробности их нужд и буквально разрываясь на части в своем стремлении удовлетворить их потребности. Жены и матери арестованных рабочих любовно называли ее «наша барышня». Смирнова по-немногу стала привлекать меня к распределению приносимых ею денег и продуктов. Время от времени она поручала мне заходить к кому-нибудь из членов «Красного креста» для передачи записки и т. п. Так, например, я два раза от ее имени заходил к Ю. Г. Топорковой, тогда одной из центральных фигур Креста, а впоследствии, уже после революции 1917 г., бывшей секретарем ЦК кадетской партии. Иногда Смирнова поручала мне также переписывать денежные отчеты «Красного креста» со списками заключенных, которые шли потом в печать, просматривая их вместе со мной и внося изменения на основании получаемых нами в «предварилке» сведений. Нечего и говорить, что я с удовольствием проделывал всю эту «работу».

Но этим не исчерпывалась в этот период моя «общественная деятельность». Еще до ареста у меня с Сергеем и с сестрами был установлен на всякий случай конспиративный шифр для

переписки. Тотчас же после их ареста у нас установилась регулярная переписка. Книжки разрешалось передавать в тюрьму два раза в неделю и их можно было возвращать обратно; книжки сдавались в окружной суд, где чрезвычайно поверхностно просматривались товарищем прокурора; за несколько месяцев ни одно наше письмо не «провалилось». Работа по шифровке и расшифровке писем отнимала у меня очень много времени: вечера два в неделю мне приходилось, сидя до глубокой ночи, шифровать письма и, в среднем, раз в неделю расшифровывать ответные письма. Кроме четырех членов нашей семьи, я вел такую же шифрованную переписку с обеими сестрами Гольдман, с которыми, как с «родственниками», вел одновременно и официальную переписку через прокурора. Узнав от брата шифр для переписки с Звездочетовой и Антроповым, я, по его поручению, неоднократно писал им обом. В этой работе мне усердно помогал мой приятель Женя Шехтер, переписывавшийся подобным же образом со своим арестованным братом Константином. Таким образом мы вдвоем фактически служили связью между девятью арестованными, и наше посредничество даю им возможность одновременно сговориться между собой и предупредить разнобой при показаниях на допросах. Мне же лично практика шифровки дала очень пригодившийся в будущем большой опыт.

Расскажу, кстати, об одном курьезе, связанном с показаниями брата на допросе. Предупредив нас заблаговременно, он на допросе показал, что найденная у него нелегалщина была в день его ареста принесена в его отсутствие неизвестным рыжим человеком высокого роста, передавшим пакет в руки жившей у нас двоюродной сестры, гимназистки 14 лет, в присутствии старой няни, о которой выше была уже речь. Как ни было это объяснение шито белыми нитками, но жандармы, очевидно, придали ему некоторую веру. И двоюродная сестра, и няня были вызваны на допрос в жандармское управление, на котором подтвердили показание Сергея. Тогда им предъявили в натуре троих из арестованных 16 декабря «рыжих» (Герда, Антропова и Ногина), но, само собой понятно, они никого из них не признали лицом, принесшим роковой пакет. Тем дело и кончилось. Вообще, несмотря на оказавшиеся у многих при обыске многочисленные «вещественные доказательства» и на

довольно откровенные показания некоторых из арестованных рабочих, жандармам не очень везло с этим делом и ничего серьезного состряпать из него не удалось. Может быть так было потому, что деятельность группы «Рабочее Знамя» была прервана арестами в самом ее начале. Месяца полтора после ареста понемногу начали освобождать до приговора некоторых из арестованных; в числе других были освобождены мои сестры и Канцель.

Совместная работа по шифровке и расшифровке писем и общность наших переживаний очень сблизили меня в этот период с Шехтером; и прежде хорошие отношения между нами вылились теперь в тесную и ничем не омрачаемую дружбу, продолжавшуюся около 10 лет и захватившую, следовательно, более зрелый период нашей жизни, пока, как это нередко бывает, мы без всякой видимой размолвки и внешнего повода не разошлись в разные стороны. Я знал Шехтера с самого раннего детства, так как его родители были давнишними знакомыми моих. Со времени возникновения гимназического кружка и организации мы стали встречаться чаще, а арест наших братьев еще более сблизил нас. Испытывая сильное одиночество при наличии множества встававших перед каждым из нас новых вопросов, выдвигаемых жизнью, мы оба сильно нуждались в нравственной поддержке, которую находили друг в друге. Шехтер был старше меня годом; способный и умный, получивший в семье очень хорошее домашнее воспитание¹⁾, мягкий по характеру, он оказался как нельзя более подходящим спутником и другом моей юности. Ни один из нас по своему характеру не был способен подавлять другого, как это большею

¹⁾ Родители Шехтера были вполне интеллигентные люди, с революционными традициями. Среди их родственников (на юге) было несколько революционеров-народовольцев. Отец моего друга, инженер С. О. Шехтер, в студенческие годы был близок с народовольцем М и р с к и м, стрелявшим в шефа жандармов Дрентельна, и соприкасался с народовольческими кружками, как и жившая вместе с ними сестра матери Жени акушерка Б. А. Б р у к. В их доме бывали старые революционеры, вернувшиеся из ссылки, например, Л. Б у х, сосланный на каторгу по делу о народовольческой типографии в Саперном пер. У них же в доме я познакомился с дочерью Г. В. П л е х а н о в а от первого брака—курсисткой Н. Г. П л е х а н о в о й.

частью бывает при подобных отношениях, и в нашей дружбе царило полное и гармоническое равенство. Каждый из нас находил в другом дополнение к себе; влиял благотворно друг на друга, мы могли свободно, без давления развивать заложенные в нас индивидуальные особенности. Наше дружеское интимное общение, душевные беседы и совместное чтение в очень большой мере содействовали нашему духовному развитию и выявлению заложенных в нас возможностей и способностей.

* * *

Однажды мать вернулась со свидания с Сергеем сильно встревоженная. Он сделал попытку передать ей шифрованную записку для меня, но это было сделано неловко, и записка попалась. Свидание было прервано, и Сергей был лишен свиданий на месяц. Несмотря на такое предупреждение, я со свойственным юности легкомыслием беспечно возобновил спустя несколько дней шифровку конспиративных писем. Расплата за подобное легкомыслие не замедлила наступить.

В ночь с 8 на 9 февраля 1899 г. мой безмятежный сон нарушил тревожно будивший меня Канцель, после освобождения оставленный в Петербурге для сдачи государственных экзаменов и живший у нас, в то время как сестра Лидия была выслана в Крым. В ответ на его вопрос, нет ли у меня нелегалщины, так как явилась полиция, я спросонок вспомнил только, что в ящике стола у меня лежит отчет «Красного креста» с исправлениями, сделанными моей рукой, и тетрадь с переписанными мною же революционными песнями и стихотворениями—материал для моей характеристики достаточно определенный. Уничтожить его или прятать было поздно: в квартире уже хозяйничали охранники, во главе с знакомым нам Соколовым. Обыск производился во всей квартире, и мы вторично испытали ту же нудную процедуру, что два месяца назад. Соколов с тою же тщательностью перечитывал от строки до строки переписку отца, а охранники и городовые обшаривали те же самые углы и укромные места. В моей комнате обыск производил помощник пристава нашего участка, довольно добродушный субъект. Опасаясь печальных последствий для меня в случае нахождения указанных выше

криминальных вещей, Канцель решился на отчаянный шаг. Улучив подходящую минуту, когда он остался в комнате наедине с помощником пристава, он признался ему в своей беде, стараясь разжалобить его и рисуя ему гибель моей жизненной карьеры из-за моего детского легкомыслия в случае, если нелегалщина будет обнаружена. Добродушный толстяк, признавшись, что у него тоже есть сын в моем возрасте, размяк от жалостливых слов Канцеля, обещая пособить горю. Действительно, просматривая вещи в моем столе и отыскав злосчастные отчет и тетрадку, он отложил их в числе просмотренных, не внушающих подозрения, бумаг. Канцель ликовал, считая, что дело в шляпе. Но вдруг я с ужасом вспомнил, что, кроме спасенного, у меня имеется не менее скверная улика: накануне, шифруя по обыкновению вместе с Шехтером, я сохранил записанные на отдельных листках клетчатой бумаги стихотворения, служившие нам ключом, при чем клетки для удобства были перенумерованы соответствующими цифрами. Для опытного полицейского глаза не могло быть сомнений, что это ключ для шифра. К счастью для меня, стихотворения были написаны почерком Шехтера, и потому на заданный вопрос, что это такое, я мог отделаться своим неведением. Тем не менее стихотворения были забраны в качестве «вещественного материала», а мне самому было предложено одеваться и следовать за полицией. Итак, едва достигнув 16 лет, я подвергся первому аресту. Новость эта меня изрядно ошеломила, несмотря на обуревавшие меня тогда революционные чувства. На протесты родителей им было заявлено, что меня скорее всего скоро выпустят, но пока должны доставить в жандармское управление.

В довершение беды во время обыска произошло еще одно неприятное событие. Было около 8 часов утра, и обыск приближался к концу, когда вдруг раздался робкий звонок, неуслышанный полицией. Отец, подбежав к входной двери, стал через замочную скважину шопотом говорить пришедшему: «Уходите; обыск!», но последний, очевидно, не разобрал этих слов и настойчиво просил его впустить. Этот разговор через дверь, длившийся несколько минут, обрадил, наконец, на себя внимание властей, дверь была открыта, и в передней появился незнакомый молодой человек, сильно растерявшийся при виде

полицей. Прибывший оказался Михаилом Исааковичем Гольдманом (впоследствии известный партийный деятель Либер), приехавшим из Вильны для свидания с сестрами, — худощавым, болезненного вида юношей 18—19 лет, с горевшими лихорадочным огнем темными глазами. Само по себе его появление в нашей квартире не представляло ничего страшного для него: Гольдманы признавались жандармами за наших близких родственников; он приехал с легальной целью свидания с сестрами, и было вполне естественно, что он прямо с вокзала зашел к нам. Хуже было то, что при произведенном у него личном обыске найдены были три записки, сложенные в виде лекарственных порошков, определенно нелегального содержания. В одном из этих «порошков» говорилось о получении номеров «Рабочей Мысли», другие были аналогичного содержания. Гольдмана тотчас же изолировали от нас и вскоре увели как арестованного. Просидев несколько месяцев в «предварилке», он был переведен в Виленскую тюрьму, так как в Вильне против него открылось другое, более серьезное дело: участие в организации литовской социал-демократической партии.

Вслед за Гольдманом увели и меня. Сопровождавший меня агент охраны, очевидно, экономии ради, отвез меня не на извозчике, как полагалось, а на конке в жандармское управление, помещавшееся на Тверской ул., близ Таврического сада. Там меня поместили в довольно просторной комнате, вся обстановка которой состояла из стола и стула. Часы ожидания были томительны: я был один, без книг и вещей, и не знал, как убить время. В голову лезли всякие невеселые мысли. Днем меня накормили приличным обедом и дали чай, а часам к 5—6 вызвали на допрос. Допрашивали меня товарищ прокурора суда, впоследствии знаменитый директор департамента полиции М. И. Трусевич и жандармский ротмистр Савицкий. Оба держались по отношению ко мне корректно, видимо снисходя к моей юности. Трусевич несколько посмеивался надо мной, наблюдая мое смущение, которое мне не удавалось скрыть, несмотря на все свои усилия. Главный интерес допрашивавших сводился, конечно, к ключу к шифру. Подготовившись заранее, я дал такое объяснение: после ареста брата я нашел эти стихотворения в оставшихся после обыска его бумагах и сохранил,

не зная их предназначения. Это звучало правдоподобно, так как почерк Шехтера походил на почерк Сергея. Трусевич сказал мне, что при помощи одного из найденных у меня стихотворений он расшифровал перехваченное письмо брата до последней строки, на что я, притворяясь равнодушным, ответил, что меня это не касается, так как с братом я никакой нелегальной переписки не вел. После продолжавшегося около часа допроса меня отвели в ту же комнату, что и раньше, откуда скоро снова вызвали, чтобы сдать на руки приехавшей за мной матери. Ей при этом сказали, что на этот раз меня освобождают без последствий, обещая об этом случае не сообщать в гимназию, в которой я продолжал числиться учеником, но предупредили, чтобы меня не пускали заниматься «политикой» и идти по стопам старших братьев и сестер. Предупреждения эти не достигли цели. Не прошло и двух лет, как я воочию показал, что не оправдал жандармского доверия, и мне снова пришлось иметь дело с жандармами, но уже в связи со своим собственным делом.

На деле Сергея расшифрованная записка не отразилась особенно серьезно. Содержание ее сводилось к тому, что он в своих показаниях всячески выгораживает К. Шехтера и сестер Гольдман, доказывая, что найденная у первого «литература», а у вторых пишущая машинка были доставлены им Сергеем, при чем машинка имела целью дать нуждавшимся сестрам Гольдман средство заработка. Кроме того, из записки можно было установить знакомство Сергея с Ногинным, которое он на допросах отрицал. Но это существенного значения не имело. Спустя несколько месяцев Сергей даже был освобожден до приговора и выслан в Полтаву, где через год получил относительно мягкий приговор: 4 месяца тюрьмы с последующими 3 годами гласного надзора в пределах Европейской России. Из всех арестованных 16 декабря только Татаринов был сослан в Вологодскую губ., и та же участь грозила успешному скрыться Антропову; остальные же отделались гласным надзором от одного до трех лет.

ГЛАВА VII

1899—1900 ГОДЫ.

Студенческие вечера и вечеринки. — Марксистские журналы «Начало» и «Жизнь». — Газета «Северный Курьер». — Возвращение Мартова из Туруханска и кратковременный арест его и Ленина. — На даче в «Лесном». — Мой первый перевод. — Новый кружок и «организация». — Революционная литература. — Возникновение «Искры». — Попытка втянуть наш кружок в социал-демократическую работу. — Различные течения и группировки среди петербургских социал-демократов: «Союз борьбы», «Рабочая библиотека», группа «Социалист». — Первые «искровцы».

В 1899 г. вместе со своим неизменным другом я стал впервые посещать студенческие вечера и вечеринки, которые играли немаловажную роль в революционном движении. Студенческие концерты и балы, устраивавшиеся с благотворительной целью помощи нуждающимся учащимся, использовались революционными студенческими и партийными организациями в двойном отношении: 1) часть дохода с них при помощи нередко довольно искусных ухищрений шла на революционные цели; 2) во время вечеров и вечеринок, под их прикрытием, происходили конспиративные встречи и даже нелегальные собрания; 3) во время исполнения программы и по окончании ее в курительной комнате или в буфете набивалась сотня-другая учащихся обоего пола и начиналась сходка, на которой выступали ораторы из студенческой среды, а иногда специально приглашаемые известные литераторы. Особенно оживленными бывали вечеринки в день 8 февраля — в годовщину петербургского университета. Такие вечеринки устраивались с разрешения властей обычно в двух помещениях: в зале Федоровой на Большой Гребенской ул., на Петербургской стороне и на Боровой ул. (в районе Лиговки). Полиция на таких вечеринках, по традиции, не присутствовала, предоставляя студентам выходить в этот

день из обычных рамок. На вечеринках 8 февраля, на которых в небольших залах набиралось несколько сот человек, приглашенных по особым билетам, бывало шумно, весело, пьяно и революционно. Там много пили и пели, а затем произносились оппозиционные и революционные речи на какую-нибудь заранее определенную тему или без всякой темы. Эти речи, как и все происходившее на февральских вечеринках, подчас бывали сумбурны, но они приподнимали студенчество над повседневностью, поддерживали в нем горение и оппозиционный дух, заставляли его чувствовать свою солидарность и общность. С появлением литературной полемики между марксистами и народниками на вечеринках 8 февраля центральное место программы стали занимать диспуты между представителями обоих враждующих направлений. На вечеринке 1899 г., на которой я впервые присутствовал, мне пришлось быть свидетелем подобного диспута, на котором со стороны народников выступали В. А. Мякотин, Л. Е. Оболенский, В. В. Воронцов, Н. И. Кареев и др., а со стороны марксистов — П. Б. Струве и М. И. Туган-Барановский. Струве не произвел на меня особенно сильного впечатления. Высокого роста, неуклюжий, с взлохмаченными рыжими волосами и бородой, сильно близорукий (в пенсне) и рассеянный, он говорил несколько запинаясь, как бы подыскивая выражения или ловя на-лету собственную мысль, но, несмотря на внешние дефекты его выступления, последнее сопровождалось бурными аплодисментами и овациями по его адресу, — настолько велика была его популярность среди радикального студенчества и настолько уже марксизм вытеснил в сознании последнего народнические взгляды. Туган-Барановский, крупный, крепко сложенный мужчина лет 35, с внешней стороны говорил гораздо лучше Струве, но в его выступлении было больше академизма; его размеренная и спокойная речь имела очень убедительный характер и производила впечатление.

Кроме студенческих вечеров и вечеринок, я охотно посещал и литературные вечера, устраивавшиеся литературными организациями и посвященные памяти какого-нибудь русского писателя (Успенского, Салтыкова-Щедрина, Гаршина, Некрасова, Тургенева и др.). На них выступали с чтением отрывков из

произведений чествуемого автора, на-ряду с артистами, и русские писатели. Здесь я услышал и увидел впервые Н. К. Михайловского, В. Г. Короленко, А. И. Иванчина-Писарева, Д. Н. Мамина-Сибиряка, К. Баранцевича и др., известных мне ранее по литературе. Особенно сильное впечатление произвели на меня первые двое. Михайловский — маленького роста, красивый и изящный, с мелкими тонкими, немного женственными чертами лица, с красиво посаженной головой, с седой бородой и волосами, не казался стариком, несмотря на свой почтенный возраст. Его умные насмешливые глаза, скрывавшиеся за небрежно надетыми пенсне, сверкали молодостью, и только голос, слабый и немного дребезжавший, выдавал его годы и слабость. Короленко — небольшого роста, коренастый человек с большой окладистой бородой (тогда еще без признаков седины), закрывавшей все лицо, с добрыми и пронидательными карими глазами, производил обаятельное впечатление. В особенности чарующ был его мягкий гортанный украинский говор, словно проникавший в душу. Читал он мастерски, и я никогда не забуду чтения им очерков Гд. Успенского — «Парамон Юродивый» и собственного рассказа — «Сон Макара». Последний рассказ я читал не раз, но только глубоко проникновенное чтение Короленко заставило меня почувствовать всю примиряющую грусть и художественную цельность этого шедевра короленковского творчества.

С 1899 г. снова появилась легальная марксистская журналистика. С начала года начал выходить ежемесячный журнал «Начало» при ближайшем участии Струве, Туган-Барановского, С. Булгакова и др. легальных марксистов под официальной редакцией М. И. Гуровича, оказавшегося впоследствии провокатором. «Начало» отличалось от «Нового Слова» значительно меньшей марксистской выдержанностью и явной симпатией к «ревизионистским» течениям в марксизме; кроме того, в литературно-художественном отделе преобладали произведения новой школы символизма и декадентства (в журнале сотрудничали Д. Мережковский, поместивший в нем начало своего романа «Воскресшие боги», М. Минский, З. Гиппиус и др.). «Начало» просуществовало недолго: уже в мае того же года его постигла участь «Нового Слова». Спустя год стал выходить еще

один журнал марксистского направления — «Жизнь», выходивший под редакцией В. А. Поссе и при издательстве М. С. Ермолаеве. Это не был чисто марксистский журнал, хотя большинство сотрудников примыкало к ревизионистскому направлению в марксизме. В журнале был недурно поставлен беллетристический отдел, в котором были помещены многие произведения Горького, Вересаева, Чирикова и др. Близкое участие в журнале принимал Е. Андреевич (Соловьев), автор талантливых статей по истории русской литературы, дававший близкое к марксизму, но своеобразное освещение явлениям русской литературы. Постоянными сотрудниками «Жизни» были: С. Штейнберг, А. Васильев (Сурков), В. Богучарский, С. Горюшин, А. Никонов. На страницах «Жизни» велась оживленная полемика по вопросу о теории ценности Маркса и о примирении I и III т.т. «Капитала», в которой принимали участие Струве, Туган-Барановский, Булгаков, Нежданов (Череванин), Изгоев и др.

Другие толстые журналы тоже стали в это время равняться по марксизму. В особенности это можно сказать о «Мире Божьем», редактор которого Ангел Богданович, бывший «народоправец», превратился теперь в рьяного марксиста, и отчасти об «Образовании» (редактор А. Я. Острогорский) и «Научном Обозрении» (редактор Филиппов). Даже в либеральной московской «Русской Мысли» стали допускаться в виде «писем в редакцию» статьи марксистов: например, статья Плеханова (под псевдонимом «Утис»), кажется, по вопросу о роли личности в истории, и Ф. Дана («Берсенев»).

В том же 1900 г. была сделана попытка издания ежедневной газеты с участием марксистов. Этой газетой был «Северный Курьер», издававшийся литературным критиком К. И. Арабажиным, заигрывавшим с марксизмом, и князем В. В. Барятинским, мужем известной артистки Л. Б. Яворской. К участию в газете, наряду с «марксистами» (впрочем, уже переставшими быть таковыми) — Струве, Туган-Барановским, Булгаковым и др., были приглашены Короленко и другие народники. Газета получилась не марксистская и даже не социалистическая, а радикально-демократическая; просуществовала она недолгое время, будучи вскоре навсегда закрыта властями.

Осенью 1899 г. мне пришлось расстаться с Шехтером, окончившим гимназию и поступившим на медицинский факультет харьковского университета. Между нами возникла самая оживленная переписка. В своих письмах мой друг сообщал мне не только о себе, но и о настроениях и деятельности харьковских марксистских кругов, в гущу которых он попал вскоре после своего приезда. Харьковский социал-демократическое движение сильно отставало тогда от петербургского, не выходя еще из стадии кружковой пропаганды (впрочем, уже в 1900 г. рабочие крупнейшего в Харькове паровозостроительного завода устроили внушительную первомайскую демонстрацию). Многочисленная харьковская социал-демократическая интеллигенция много времени уделяла изучению в кружках Маркса и марксизма, причем многие из участников таких кружков, в свою очередь, являлись пропагандистами в рабочих кружках. Шехтер удостоился чести сразу пошаст в два такие кружка по изучению «Капитала» Маркса, в одном из которых принимали участие некоторые члены харьковского социал-демократического комитета. С одним из последних, наиболее влиятельным членом харьковской организации, доктором Л. Б. Файнбергом, знавшим по Вильне брата моего Юлия, я познакомился на рождестве 1899 г., когда он приезжал по поводу издания переведенного им первого тома книги Каутского «Аграрный вопрос».

Кроме Шехтера, я вел усиленную переписку с Сергеем, отбывавшим свой надзор в Полтаве и познакомившим меня в своих письмах с большим количеством ссыльных и поднадзорных, живших в этом городе; переписывался я также с сестрами Гольдман, уехавшими на родину в Вильну, и с О. А. Звездочетовой и ее мужем В. В. Давыдовым, сообщавшими мне о своей работе в провинции.

* * *

К весне 1900 г. оканчивался трехлетний срок ссылки Юлия и его товарищей. Постановлением департамента полиции им было воспрещено в течение еще трех лет жить в университетских и фабричных центрах. Как еврей, ограниченный в праве жительства, Юлий был в высшей степени стеснен относительно избрания города, и потому его выбор остановился

на Полтаве, где находился Сергей. Пробыв в Полтаве самое короткое время, он решил поехать на несколько дней нелегально в Петербург повидаться с родителями и разрешить некоторые общественные дела. Еще в ссылке путем переписки он условился с Лениным и Потресовым об организации ими по окончании срока общерусской политической социал-демократической газеты, если возможно — нелегально в России, если нет, то за границей. Поэтому по дороге в Петербург он заехал на несколько дней в Псков, где жили вернувшиеся из ссылки Ленин, Потресов и Лепешинский и где отбывал высылку С. И. Радченко с женой. На квартире последних в середине мая 1900 г. состоялось совещание; на нем, кроме всех перечисленных лиц, присутствовали также Струве и Туган-Барановский, с которыми «старики» рассчитывали продолжать общее дело. На этом очень важном в истории РСДРП совещании было решено, что Ленин, Мартов и Потресов выедут за границу, чтобы сговориться с членами группы «Освобождение Труда» об издании общими силами революционной социал-демократической газеты, ставящей своей целью восстановление распавшейся после съезда 1898 г. партии вокруг лозунгов политической борьбы с самодержавием и противодействия «экономистскому» уклону русских социал-демократов. Из этого плана, главным инициатором которого был Ленин, к концу того же года возникла газета «Искра», сыгравшая столь значительную роль в истории социал-демократического и рабочего движения в России начала XX столетия.

По окончании псковского совещания Ленин и Мартов направились различными путями, соблюдая всевозможные предосторожности, в Петербург, где должны были встретиться для разработки некоторых деталей плана и переговоров с петербургскими товарищами, прежде чем выехать за границу. Несмотря, однако, на все принятые предосторожности, кто-то из них был прослежен в Петербурге, и они попали под наблюдение шпионов.

Юлий неожиданно свалился к нам, как снег на голову, поздно вечером, когда мы его совсем не ожидали. За три года ссылки он немного постарел, но выглядел бодро и был настроен оптимистически. Родители были очень довольны, узнав о его на-

мерении уехать за границу: они отдавали себе ясный отчет в том, что дальнейшее пребывание в России неминуемо повлечет за собой его новый арест и ссылку. Юлий провел со мной несколько часов в дружеской беседе наедине. Уезжая в ссылку, он оставил меня еще ребенком; за это время я превратился в юношу, уже немного соприкоснувшегося с общественной жизнью и живущего общественными и отчасти партийными интересами. По соображениям конспирации он не посвящал меня в свои планы, связанные с заграничной поездкой, но зато много говорил на общие темы: о нашумевшей книге Бернштейна, которую он сам еще не читал, но с содержанием которой был знаком со слов читавшего ее Ленина, об «экономизме» в рядах социал-демократии и т. п.

На следующий день утром Юлий попросил меня исполнить поручение: узнать в адресном столе несколько адресов (в том числе адрес писателя Тана (Богораза), не особенно давно вернувшегося из ссылки в Якутской области) и с этими адресами отправиться в Большой Казачий переулочек, на квартиру г-жи Малченко, матери его товарища по делу. Там я застаю его и Ленина. «Заодно,—добавил он,—ты захватишь оттуда корзиночку с грязным бельем, которую мне самому неудобно тащить домой, рискуя обратить на себя внимание дворника или швейцара».

Получив нужные адреса, я часа в два дня (это было 21 мая 1900 г.) отправился в Б. Казачий пер. (в районе Гороховой ул.). Войдя во двор указанного дома, я сразу же обратил внимание на большое скопление там народа. Зная, что в этом доме помещаются знаменитые Егоровские бани, я решил, что это — посетители бани, ожидающие очереди. Я решительно вошел в подъезд, в котором находилась квартира Малченко. Но, по мере того как я поднимался вверх по лестнице (квартира помещалась в третьем или четвертом этаже), мое удивление все более возрастало: начиная со 2 этажа, вся лестница была запружена какими-то людьми простонародного вида. Мне это показалось подозрительным, мелькнула мысль о засаде; я стал подумывать о том, чтобы повернуть оглобли, но тотчас же устыдился своей трусости. Если бы в квартире была засада,—рассуждал я,—не было бы никаких оснований выставлять на

лестнице шпионов и дворников, а если даже обыск имеет место, отступление для меня все равно отрезано: поверни я обратно, эти люди неминуемо схватят меня. Я продолжал поэтому медленно подвигаться вперед, предусмотрительно спустив имевшиеся при мне справки адресного стола в прореху кармана своего гимназического пальто. Вход в квартиру Малченко был буквально загорожен «подозрительными личностями». Теперь у меня не оставалось никаких сомнений. Но было уже поздно, и я, придавая себе небрежный вид, спросил у первого же подошедшего ко мне шпиона номер квартиры Малченко. Меня тотчас же пропустили в квартиру, в которой, кроме старушки Малченко, увидел Юлия, окруженного полицией. На вопрос пристава, руководившего операцией, что мне здесь надо, я, перемигнувшись с Юлием, сказал, что он назначил мне притти за бельем. Так как при нем действительно оказалась корзинка с бельем и так как мой гимназический вид не внушал никаких подозрений, то меня тотчас же отпустили, даже не подвергнув обыску и разрешив взять с собой белье Юлия. Прощаясь со мной, Юлий успел шепнуть мне, что Ленин тоже задержан и уже отправлен в охранку. Впоследствии выяснилось, что оба они в разное время были задержаны на улице перед домом, в котором жила Малченко, при чем с их стороны ожидали вооруженного сопротивления, чем и объяснялось огромное количество шпионов и дворников во дворе и на лестнице. Очевидно, охранка, узнав об их приезде в Петербург, рассчитывала забрать их с «поличным» и потому ожидала сопротивления.

На этот раз она, однако, ошиблась в расчете. Ничего «предсудительного» у них не было найдено; самый приезд их после ссылки в Петербург и встреча на квартире у матери их же товарища по делу не представляли никаких данных для обвинения. После кратковременного ареста (дней 10) их пришлось отпустить во-свояси в сопровождении агентов охранного отделения: Ленина—в Псков, Мартова—в Полтаву. Правда, была сделана попытка создать «дело» вокруг обнаруженных у них довольно значительных для их социального положения сумм денег: у Ленина—около 2 тысяч рублей, у Мартова—около 700 руб. Но им нетрудно было доказать, как это и было в действительности, что эти суммы являются литературным

гонораром за сделанные ими работы (перевод книги Геркнера у Юлия и перевод Ленина книги Уэббов «Теория и практика тред-юнионизма»). Вскоре после этого счастливо окончившегося инцидента Ленин (как и Потресов), получив от властей заграничный паспорт, выехал за границу, где оба они приступили к осуществлению плана, выработанного на псковском совещании. Юлий еще несколько месяцев прожил в Полтаве, откуда подготавливал почву для распространения будущей общерусской социал-демократической газеты в России и вербовал для нее сторонников, готовых отдать свои силы распространению ее и ее идей. Лишь к концу года ему удалось (тоже легально) выехать за границу и соединиться со своими товарищами, которые к этому времени уже успели наладить дело и выпустить первый номер «Искры».

* * *

Лето 1900 года я проводил с родными на даче в Лесном, под Петербургом, готовясь к экзаменам за 7 классов гимназии. С нами же жил Е. Шехтер, переведшийся к этому времени на юридический факультет петербургского университета. По примеру прежних лет мы много времени отдавали совместному чтению и занятиям. К этому лету относится моя первая литературная проба пера. Нам посчастливилось где-то раздобыть экземпляр «Коммунистического манифеста» Маркса и Энгельса на немецком языке, которым мой друг владел совершенно свободно и который я знал в объеме несколько большем гимназического курса. Нечего и говорить, какое впечатление произвел на нас — пылких, энтузиастически настроенных юношей — этот неумиряющий манифест революционного класса. У меня возникла мысль перевести его для пробы своих сил и упражнения в немецком языке. С помощью Шехтера я перевел его, и перевод оказался, в общем, настолько удовлетворительным, что осенью того же года я решился прочесть его в нескольких студенческих кружках¹⁾ и пустить его затем по рукам. В конце концов

¹⁾ Единственный русский перевод «Манифеста» (Шеханова) в издании группы «Освобождение Труда» представлял собой тогда библиографическую редкость.

рукопись моего первого перевода была захвачена у кого-то из моих друзей во время массовых арестов весной 1901 г.

В Лесном мы свели знакомство с группой учащейся молодежи, которое сыграло большую роль в моей ближайшей политической судьбе. Эта группа состояла из нескольких живших на даче курсисток мариинских (акушерских) и лесгафтских (естественно-научных и педагогических) курсов, преимущественно уроженок Витебской губернии. Эта тесно и дружно жившая между собой компания представляла собой типичную для западного края еврейскую интеллигенцию, точнее сказать, полуинтеллигенцию. Выходя из ремесленной или мелко-буржуазной торговой среды, не получая в большинстве случаев официального (гимназического) и вообще систематического образования, эта интеллигенция устремила к самообразованию, влекомая той жадой знания, которая характеризует с начала 90-х годов еврейскую молодежь и которая получила сильный толчок под влиянием еврейского рабочего движения и деятельности Бунда. Сдавая кое-как экстернами экзамены за 4, 6 или 8 классов гимназии, представители этой «интеллигенции» поступали на акушерские и зубоорудные курсы или даже в университет не столько для приобретения профессии, сколько для получения права жительства в Петербурге и в других университетских городах, чтобы продолжать там свое самообразование или принимать участие в революционном движении.

Так в «черте еврейской оседлости», в западном крае и отчасти на юге, выработался своеобразный тип «экстернов», или, как их часто называли, «экстерников» обоого пола, которые составляли значительный процент в составе революционной интеллигенции в этих районах (в особенности в организации Бунда). Вечно полуголодные, перебиваясь грошовыми уроками и т. п. занятиями, питаюсь хлебом, чаем и колбасой, обуреваемые неутолимой жадой знания, в котором им, как отщепенцам общества, отказывало царское правительство, близкие по своему происхождению и социальному положению к рабочим массам, они совмещали практицизм и чутье к требованиям массового движения, беззаветную преданность революции и социализму с несколько ограниченным политическим и теоретическим горизонтом и порой с фанатическим сектантством, об-

остряемым у многих из них сильно развитым национально-еврейским чувством. Эти специфические черты экстернов, характерные для всей вообще революционной интеллигенции западного края, резко отличали ее от революционеров внутренней России, вышедших из совершенно других социальных слоев, проходивших по большей части через высшие учебные заведения и получавших первоначальную революционную подготовку в нелегальных студенческих организациях и кружках.

Наши новые знакомые были молодыми девушками, немного старше нас возрастом, которые были хорошо знакомы на практике с темными сторонами жизни еврейского захолустья и с условиями жизни еврейских рабочих (ремесленных) масс. Они частью уже приобщились одним краем к бундовскому движению, но не получили систематического образования и менее нас справлялись с вопросами теории. Одинаковое с нами стремление к знанию и революционное настроение помогли нашему сближению¹).

Осенью 1900 г. я выдержал экзамены за 7 классов, но гимназическое начальство не допустило меня в 8 класс, как я того желал. Повидимому, оно было осведомлено о моем аресте в 1899 г. и не желало пускать «козла в огород». Приходилось продолжать занятия дома, чтобы весной следующего года держать экзамен на аттестат зрелости вместе со своими бывшими товарищами по классу. Гимназическая организация уже потеряла

¹) Большинство членов этой группы впоследствии принимало то или иное участие в революционном движении, а некоторые играли в нем заметную роль. Укажу, например, на Софию Моисеевну Заредкую, видного работника РСДРП, много лет занимавшего центральные и ответственные посты как в объединенной партии, так и в меньшевистской организации и в массовых рабочих организациях. Из других членов кружка назову: Анну Федоровну Дрибину (Темкину), которая в 1917—1920 г.г. была секретарем Московского Совета и ВЦИК'а (коммунистка); Татьяну Львовну Канер, работавшую многие годы в Бунде (в настоящее время коммунистка); Анну Львовну Галеркину (работала в меньшевистских организациях); Елизавету Осиповну Дыминиц (в 1905—1907 г.г. работала в большевистских организациях) и ее сестру Анну, которая после непродолжительной социал-демократической деятельности (на юге) ушла на сцену и с успехом играла в Народном театре Гайдебурова.

для меня привлекательность: в своем развитии я уже перерос ее рамки, да и ближайшие мои друзья и товарищи окончили гимназию и приобщались к студенческой жизни. К студенческому миру принадлежал и кружок курсисток, с которым мы сблизились летом и с которым не прекращали связи по возвращении осенью в город. Вместе с частью наших новых знакомых мы составили самообразовательный кружок, поставивший своей задачей серьезную теоретическую подготовку к будущей нашей социал-демократической деятельности, которую мы все считали главной своей целью в жизни. Вспоминая то далекое время, удивляешься, как строго и добросовестно относились мы к партийной работе, считая, что не имеем нравственного права идти к рабочим с пропагандой и агитацией, не будучи сами «подкованы на все четыре ноги» в теоретическом отношении. Полагая, что нам некуда спешить, мы решили начать занятия издали — с изучения первобытной культуры и древней истории, чтобы потом через средние и новые века перейти к изучению современности. Программа была широка, почти необъятна, и в ней мы следовали все тем же «Программам домашнего чтения» московских профессоров. Собирались мы еженедельно и по очереди читали рефераты на какую-нибудь определенную тему, к которой остальные соответственным образом готовились; после реферата происходили оживленные прения. За несколько месяцев существования кружка нам удалось довольно основательно пройти историю первобытной культуры по Липперту, Тэйлору, Спенсеру, Энгельсу, Каутскому, Леббоку и др. и одолеть, вскользя захватив историю Востока, греческую историю по Белоху, Бузескулу, Фюстель де Куланжу, Петрушевскому и Шамониану, Латышеву, Аландскому, Бюхеру, Мейеру и др. При переходе к истории Рима кружок наш распался вследствие ареста, и наши мечты о солидной подготовке рассеялись как дым по ветру, ибо в царской России, как известно, «человек предполагал, а охранка располагала».

Впрочем, мы не деликом углублялись в далекое прошлое. Жизнь брала свое, и окружающая нас обстановка делала свое дело. Мы были слишком живыми людьми, а окружающая атмосфера слишком революционной, чтобы мы могли оставаться вне ее воздействия. Помимо научных занятий, мы часто

собирались для совместного чтения нелегальной литературы. С упоением читали мы «Подпольную Россию» Степняка, «Историю революционного движения» Туна (гектографированное издание), «Сибирь и ссылку» Кеннана, «13 лет в Шлиссельбургской крепости» Л. Волькенштейн¹⁾, неизвестно откуда попавшие к нам старые номера заграничного «Вестника Народной Воли», «За сто лет» Бурцева, «Надгробное слово Александру II» (потрясающее описание центральной каторжной тюрьмы в Печенгах, Харьковской губернии), наконец, текущую заграничную и русскую социал-демократическую литературу. Наряду с этим мы посещали студенческие вечера и вечеринки, доставали и переписывали все известные нам революционные песни и стихотворения²⁾.

Этим, однако, не ограничивалась наша прикосновенность к «общественности». В наш исторический кружок вошли далеко не все наши новые знакомые. С другой стороны, мы поддерживали тесную связь со студентами, вышедшими из недр гимназической организации. В виде верхнего этажа над последней мы

¹⁾ Имя Л. Волькенштейн мне случайно было известно еще раньше. Когда в 1897 г. ее из Шлиссельбурга перевели в Петропавловскую крепость для следования затем через Одессу на Сахалин, ее соседом по камере оказался д-р Гурвич (Дав), который перед отправкой в ссылку в Вятку рассказывал через стену о своих впечатлениях от этой замечательной женщины. Запомнилось мне, что ее посетил в крепости оставленный ею до ареста маленький сын, превратившийся теперь во взрослого студента, руководителя студенческих кружков и студенческого движения. Этот сын, Сергей Александрович Волькенштейн, был убежденным социал-демократом, и мать, сохранившая в неприкосновенности свои народнические и народофильские убеждения, была очень огорчена этим. В 1902 г. в Полтаве мне пришлось слышать из уст самого С. А., высланного туда, рассказы о его матери, с которой он, несмотря на различие в убеждениях, поддерживал наилучшие отношения и которую посетил на Сахалине. Людмила Волькенштейн была, как известно, убита в 1905 г. во время революции во Владивостоке, а С. А., принимавший участие в социал-демократических организациях и в меньшевистской печати, умер молодым в 1909 или 1910 г.г.

²⁾ Мне лично удалось собрать около сотни произведений этого рода; несколько товарищей взяли у меня их сборник для отпечатания на гектографе или мимеографе, но во время одного из обысков, весной 1901 г., этот сборник попал у кого-то из них в руки жандармов.

создали из перечисленных и некоторых других элементов новую организацию, охватывавшую более 50 человек и ставившую себе довольно неопределенные цели. Их можно было формулировать следующим образом: поддержание революционного духа и развитие политических интересов среди членов. Симпатии огромного большинства были на стороне социал-демократии.

Никакой деятельности вовне организация не проявляла; члены ее временами собирались для обсуждения тех или иных политических вопросов, для чтения нелегальных изданий (так, например, здесь я читал свой перевод «Коммунистического манифеста»), состояли подписчиками библиотеки гимназической организации, вносили членские взносы т. д.

Была сделана попытка вовлечь некоторых членов этой организации в активную социал-демократическую работу. Жених курсистки Р. Бравой, входившей в эту организацию, студент Александр Наумович Карасик был ответственным работником петербургского «Союза борьбы». Ввиду недостатка у последнего пропагандистских сил, Карасик и другой член Союза, знакомый с нашим кружком, В. И. Назаров, настойчиво убеждали меня, Шехтера и других членов кружка (Зарецкую, Канер, Галеркину) заняться пропагандой среди рабочих и превратить нашу организацию в резервуар интеллигентных сил для Союза. Мы решительно противились этому, ссылаясь на свою теоретическую неподготовленность: нам казалось кощунственным приступить к социал-демократической деятельности, не проштудировав предварительно I т. «Капитала». Меня и Шехтера удерживало от предлагаемого нам шага, кроме того, и то, что мы не сочувствовали «экономизму» «Союза борьбы», симпатизируя направлению «Рабочего Знамени» и начавшей выходить к этому времени «Искры». Поэтому все доводы Карасика о том, что мы доктринерски, по-книжному, подходим к вопросу, в которых было, без сомнения, зерно истины, разбивались о наше упорство. Но, очевидно, потребность Союза даже в таких слабых силах, как наши, была настолько велика, что Карасик попытался втянуть нас в работу, так сказать, против нашей воли.

В то время в состав Союза входила отдельная организация петербургских еврейских ремесленников, с которой Карасик был непосредственно связан. Ремесленная организация охватывала

несколько десятков членов, многие из которых плохо владели русским языком и требовали от своих руководителей обучения «предметам» (грамматике, арифметике, географии и т. п.). Воспользовавшись этим, Карасик предложил некоторым из нас взять на себя преподавание этих предметов в группах ремесленников, уверяя нас, что эта чисто культурническая работа абсолютно не связана с партийной, нас ни к чему не обязывает, а между тем облегчит партии ее задачу, содействуя повышению культурного уровня ее членов. Мы приняли предложение. Но первый же опыт убедил нас, что не в грамоте был центр тяжести кружков, в которые нас пригласили: ученики потребовали от пришедших к ним «учителей» не только обучения «предметам», но и ведения первоначальной социал-демократической пропаганды. После этого, верные своему слову, мы отказались от руководства такими кружками.

* * *

В предыдущей главе я указывал, что «Союз борьбы» своей узко-экономической тактикой и консерватизмом вызывал в эти годы сильную оппозицию против себя со стороны многих социал-демократов. Он перестал улавливать пульс жизни и проходил мимо многих новых явлений, не давая на них надлежащего отклика.

Промышленный подъем 90-х годов, на почве которого возникло стачечное движение и выросли тактика и идеология «Союза борьбы», к концу десятилетия сменился первыми проявлениями промышленной депрессии; стачки (даже неорганизованные), которые раньше, несмотря на преследования, нередко приводили к улучшению экономического положения рабочих, теперь по большей части кончались поражением. Экономическая стачка чем дальше, тем больше, теряла свою силу как средство борьбы, а неудачные забастовки вызывали разочарование в них широких рабочих масс, настроение которых под влиянием начинающегося промышленного кризиса становилось все более нервным. Вместе с тем рабочее движение распространялось вширь, проникая в самые отдаленные губернии и города России. Повсюду в провинции возникали новые социал-демократические организации и кружки, ожидавшие лозунгов и руководства от наиболее вли-

тельной и старой организации — петербургского «Союза борьбы», который как по своему личному составу, так и по своим взглядам совершенно не стоял на высоте подобной задачи.

Рабочее движение 90-х годов вызвало политическое пробуждение общества, выразившееся на первых порах особенно ярко в студенческом движении, на котором я останавлиюсь подробнее в следующей главе. Движение это, становившееся с каждым годом все более значительным фактором русской политической жизни, протекало вне всякого влияния и воздействия со стороны Союза, который считал его скорее отрицательным явлением, поскольку, по его мнению, оно препятствовало рабочему движению и отвлекало от последнего силы революционной интеллигенции. Вследствие такого отношения многих социал-демократов (не только в Петербурге, но и в провинции) к студенческому движению часть революционно настроенного студенчества стала отходить от марксизма, и в ее среде начала возрождаться идеология революционного народничества, казалось, давно уже похороненная после побед марксизма. Эти новые настроения среди революционной студенческой молодежи были, несомненно, одним из факторов, содействовавших образованию в 1901—1902 г.г. партии социалистов-революционеров.

В описываемое мною время на почве недовольства «Союзом борьбы» в Петербурге, помимо него, существовали следующие отдельные социал-демократические организации:

1) Остатки группы «Рабочее Знамя» (Абрам Лурья, брат Арона Лурья; Арон Сольц, Аким Бендер, Татьяна Лапина и др.) выдвигавшей на первый план политическую агитацию. Группа эта в Петербурге имела очень мало связей с рабочими, но зато у нее было кое-какое влияние в провинции (Литва, Киев¹⁾), имелась типография и поддержка в некоторых студенческих группах.

2) Группа «Рабочей Библиотеки». Она имела главным образом связи с Вильной, где у нее была своя типография. Группа ставила своей целью чисто литературную деятельность: издание для рабочих популярных брошюр пропагандистского характера, разъ-

4) Впоследствии часть членов «Рабочего Знамени» как в Петербурге, так и в провинции примкнула к партии эсеров; то же самое произошло и с большинством руководителей группы «Социалист», о которой — ниже.

ясняющих общие задачи социализма и идеи политической борьбы. По своему направлению группа была близка к «Рабочему Знамени», с которой была связана и организационно. За короткое время своего существования «Рабочая Библиотека» успела выпустить три или четыре брошюры. В содержание этих небольших популярно и литературно написанных книжечек входили: некролог только что умершего (осенью 1900 г.) германского социал-демократа В. Либкнехта, статья английского социалиста Кир Гарди о международной политике, изложение и характеристика революции 1848 г. в Германии и др. Душой группы «Рабочая Библиотека» были супруги Марк и Ева Бройдо — оба впоследствии видные работники социал-демократической партии (меньшевики). С «Рабочей Библиотекой» был связан сочувствовавший в то время марксизму П. Н. Милюков, очень популярный в студенческих кругах за лишение его профессорской кафедры по причине проявленного им радикализма. Милюков оказывал «Рабочей Библиотеке» услуги финансового и литературного характера, и весной 1901 г. при разгроме ее подвергся аресту и высылке, после чего уехал в Америку, где оставался до революции 1905 года.

3) Группа «Социалист». Она возникла в конце 1900 г. Во главе ее стояли братья Александр и Борис Савинковы¹⁾, Рутенберг, Слепян, Шнапир, Д. Зайцев и сестра моя Лидия Канцель, вернувшаяся после надзора в Петербург. Часть ее членов принадлежала ранее к упоминавшейся мною, разгромленной ранее «группе 20-ти». Группа «Социалист» не была в полном смысле социал-демократической, хотя в ее состав

¹⁾ Старший из братьев, Савинков Александр, тогда студент горного института, будучи сослан в Вологодскую губ., бежал оттуда и вторично был арестован нелегальным в Москве в 1902 г. по одному делу с сестрой моей Лидией (дело «Искры»). В 1903 г. они оба были сосланы на 5 л. в Олекминск, Якутской области, где в 1904 г. А. Савинков покончил с собой самоубийством. Брат его Борис тоже бежал из Вологодской ссылки, примкнул к партии эсеров, в боевой (террористической) организации которой в течение нескольких лет играл руководящую роль. В этой же организации работал и Рутенберг, впоследствии убийца священника Гапонова и член правительства Керенского в последние дни его существования. В. А. Слепян, бывший народоволец, впоследствии вступил в партию эсеров. Шнапир и Зайцев работали позже в социал-демократических организациях.

входило немало действительных социал-демократов. Она объединила социалистов, выдвигавших на первый план задачу борьбы за политическую свободу. Некоторые ее члены склонялись в пользу террора, как средства политической борьбы. Свое возникновение группа ознаменовала выпуском двух хорошо отпечатанных и горячо написанных прокламаций в декабре 1900 г.: 1) по поводу 75-летия восстания декабристов; прокламация устанавливала преемственную связь между декабристами через революционное движение 60—80-х годов (народничество и народо-вольчество) и современным революционным рабочим движением, заканчиваясь призывом к низвержению самодержавия; 2) прокламация общего характера, о необходимости политической свободы и борьбы с самодержавием.

В начале 1901 г. возник вопрос о слиянии всех трех перечисленных групп, близких по направлению и отрицательно относившихся к политической линии «Союза борьбы». Сестра моя принимала самое активное участие в переговорах по этому поводу. Формально слияние состоялось только между группами «Рабочее Знамя» и «Социалист», так как «Рабочая Библиотека» продолжала сохранять свое обособленное существование, сохраняя с остальными двумя организациями самую тесную связь. После объединения прокламации, выпускавшиеся ими, выходили за подписью обеих слившихся групп, равно как и выпущенный № 3 «Рабочего Знамени» (и последний). Весной 1901 г. все три группы были окончательно разгромлены.

В начале 1901 г. в Петербурге появились первые представители заграничной организации «Искры», распространявшие эту газету и вербовавшие сторонников ее взглядов как внутри различных социал-демократических организаций, так и среди революционного студенчества. Одним из таких представителей «Искры» в Петербурге была курсистка-сибирячка О. К. Кальманович, бывавшая часто у сестры после возвращения последней в Петербург. Она познакомила нашу семью с только что вернувшимся из одной из многочисленных своих ссылок старым революционером Василием Петровичем Ардыбушевым, который был учеником и поклонником известного революционера 60-х годов П. Г. Зайчневского (основателя организации «Молодая Россия» и известного русского «бланкиста»). Ардыбушев в это время опре-

деленно склонялся к марксизму и впоследствии активно работал (в Поволжье) в рядах большевиков. Умер он в 1917 г. Ардыбушев был уже пожилым человеком, с большой шевелюрой седых волос и с такой же большой бородой, с подвижным и выразительным лицом и юношески сверкавшими глазами. Своей львиной головой он походил на Маркса, и в партийных кругах был известен под этой почетной кличкой. Несмотря на бурное политическое прошлое и пережитые испытания, Ардыбушев был еще молод душой и полон веры в торжество революционного движения. Он часто бывал у нас до самого моего ареста, обратил почему-то на меня свое внимание, и я с восторгом слушал его интересные рассказы о революционном прошлом.

ГЛАВА VIII

СТУДЕНЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ.

Студенческое движение конца 90-х годов. — Его причины и характер. — Демонстрация и избивание студентов 8 февраля 1899 г. — «Временные правила» о сдаче студентов в солдаты. — Беспорядки в Суворинском театре. — Студенческое движение в Киеве и Петербурге осенью 1900 г. — Студенческая забастовка. — Требования студентов. — Аресты. Химическая «обструкция». — Сдача студентов в солдаты. — Приезд Покотилова. — Разговоры о демонстрации. — Политические вечеринки. — Мое участие в подготовке демонстрации. — «Союз справедливых». — Делегатские собрания. — Мой арест 16 февраля 1901 г. — «Предварилка». — Демонстрации 19 февраля и 4 марта 1901 г. — Мое освобождение и высылка. — Мои беседы и сближение с Покотиловым. — Я еду в Двинск.

Перейду теперь к рассказу о студенческом движении, которое втянуло меня в свою орбиту и вызвало мой арест и высылку из Петербурга. Студенчество глухо волновалось еще с конца 90-х годов. Рабочее движение и деятельность социал-демократии, знаменовавшие собой начало конца мертвой полосы общественной реакции 80-х годов, не могли не вызвать политического оживления в среде студенчества — этого чуткого барометра общественных настроений в самодержавной России. Сперва это оживление захватывало лишь верхушки студенческой массы, выражаясь в усиленной деятельности различных полуправильных и полунелегальных организаций: землячеств, касс взаимопомощи союзных советов (в Киеве) и т. п., и в возникновении многочисленных кружков самообразования. До поры до времени университетская администрация и полицейские власти смотрели сквозь пальцы на студенческие организации, ограничиваясь преследованием отдельных лиц, особенно выдвигавшихся в качестве руководителей студенческой массы. Но так было лишь до тех пор, пока остальное население пребывало в полном молчании и поверхность общественной жизни представляла собой

«тишь да гладь да божью благодать». Все это значительно изменилось с развитием рабочего движения и его успехами. На фоне все выше поднимающихся волн рабочего стачечного движения невинные студенческие организации стали принимать в глазах охранителей все более опасный характер. И это тем более, что студенчество представляло главный резервуар, из которого социал-демократические организации черпали кадры своих пропагандистов, агитаторов, организаторов и всякого рода технических работников. С другой стороны, широкие круги студенчества, не жившие еще активными политическими интересами, начинали понемногу задумываться о господствующем политическом режиме, наблюдая аресты своих товарищей по «политическим» причинам и за участие в нелегальных студенческих организациях¹⁾. Подобные аресты, как и все усиливавшийся шпионаж за студентами в стенах университетов и вне их, волновали рядовую студенческую массу, сея в ней политическое недовольство и оппозиционное настроение.

С середины 90-х годов университетская администрация и полиция начинают сильнее преследовать студенческое движение и энергичнее нажимать педали, что только ускоряло рост оппозиционных настроений в студенчестве. Выше я упоминал о студенческой «Ветровской» манифестации 1897 г. Более крупные беспорядки произошли в 1899 году. 8 февраля этого года, в традиционный день празднования годовщины петербургского университета, студенты устроили обычную сходку. Потому ли, что настроение студенчества в связи с общей политической атмосферой было несколько более повышено, или почему-либо другому, но по окончании сходки студенты вместо того, чтобы, как всегда, мирно разойтись по домам, без всякого предварительного уговора двинулись толпой к Дворцовому мосту. Толпа была

¹⁾ Хотя «Союз борьбы» отрицательно или во всяком случае индифферентно относился к студенческому движению, но отдельные студенты социал-демократы, как более активный элемент, естественно фактически являлись руководителями общестуденческих организаций, приобретая популярность и авторитет в глазах студенческой массы. Противоречие между позицией Союза в отношении к студенческому движению и фактической ролью отдельных социал-демократов в студенческом движении, как увидим, особенно ярко сказалось во время движения в 1901 г.

не очень значительная — 300—400 человек; никаких революционных знамен она не выбрасывала, никаких «беспорядков» не учиняла, пела излюбленные студенческие песни: «Gaudeamus igitur», «Из страны, страны далекой» и т. п. Тем не менее не успела эта импровизированная манифестация пройти квартал, как на нее обрушились конные городовые и взяли ее в нагайки. После короткого сопротивления со стороны студентов последние разбежались, и этим дело закончилось.

Это избиение среди бела дня и без всякого повода вызвало глубокое возмущение в студенчестве и в обществе: в университете и в других высших учебных заведениях начались бурные сходки протеста, на несколько недель взбудоражившие все студенчество¹⁾.

Требую наказания виновных в избиении, студенты объявили до удовлетворения своих требований забастовку, то-есть прекращение слушания лекций, заимствуя это оружие из арсенала рабочего движения, которое, благодаря своим успехам, стало внушать уважение к своей силе. В ответ на забастовку последовали аресты и высылки студентов. Забастовка закончилась через несколько недель; студенты не добились положительных результатов, ибо нельзя же считать таковыми обещание официального расследования происшедшего избиения и наказания его виновников. Никто из виновных, конечно, не пострадал, а вместо этого весной того же года был издан царский указ («Временные правила»), грозивший впредь студентам, принимающим участие в беспорядках, сдачей в солдаты в отступление от существовавших законов о воинской повинности.

Весь следующий год учебная жизнь в высших учебных заведениях Петербурга налаживалась очень плохо. То и дело происходили сходки, усилилась деятельность нелегальных студенческих организаций. Настроение в массе студенчества было тревожное. Никто не верил всерьез, что «Временные правила» будут применяться. Их рассматривали как пустую угрозу, и тем не менее они нервировали.

¹⁾ Отзвуком этих событий была вышедшая из студенческой среды песня «Нагаечка», распевавшаяся в следующие годы на всех студенческих вечеринках и сходках.

Показателем нервности и легкой возбудимости студенчества могут служить беспорядки, вызванные постановкой в театре литературно-художественного кружка (Суворинском) антисемитской пьесы некоего Литвина-Ефрона «Сыны Израиля». Активные элементы студенчества, усмотрев в постановке этой пьесы вызов прогрессивному обществу и проявление антисемитизма, который все более окрашивал собой всю политику правительства, решили не допустить этой пьесы и сорвать ее постановку. В университете на сходке было решено в день первого представления пьесы устроить в театре демонстрацию протеста.

В назначенный для демонстрации день, 23 ноября 1900 г., мы с Шехтером отправились к Суворинскому театру. Пришли мы туда приблизительно за полчаса до начала спектакля. Театр был окружен полицией, у входа распоряжались полицеймейстер и пристава. Не догадавшись заранее заpastись билетами, мы не смогли проникнуть внутрь театра. Все билеты были заблаговременно раскуплены студентами-демонстрантами. С каждой минутой количество прибывавших студентов увеличивалось. Зная о цели скопления студентов, полиция перестала пропускать в театр лиц в студенческой форме, даже имеющих билеты. Это вызвало протесты со стороны студентов, у входа в театр разыгрывались бурные сцены; несколько студентов, особенно бурно протестовавших, были арестованы. Все эти предупредительные меры оказались тщетными: в театр уже успело проникнуть достаточное для демонстрации количество студентов.

Из театра вскоре стал раздаваться нестройный глухой гул и шум, крики, пронзительные свистки. Это началась демонстрация. Как только был поднят занавес, студенты начали шуметь, стучать и свистеть, заглушая голоса артистов¹⁾. Несмотря на появление в театральном зале полиции, врывавшейся в ложи и на галереи и арестовывавшей студентов, шум не затихал. В результате демонстрации, продолжавшейся около часа, спектакль пришлось прервать. Стоя на улице, мы видели, как полиция выводила из театра за руки упиравшихся демонстрантов и вела их

¹⁾ Некоторые из артистов демонстративно продолжали играть, несмотря на покрывавший их голоса шум. В особенности отличался в этом отношении премьер труппы артист Тинский, кажется, сам еврей по происхождению.

в участок. Возле театра собралась большая толпа студентов и вообще интеллигенции, выражавшая громко свое возмущение действиями полиции. Наконец, конная полиция нагайками разогнала собравшихся. Инцидент этот закончился тем, что арестованные во время демонстрации студенты в количестве нескольких десятков были приговорены в административном порядке к нескольким дням ареста «за буйство». Пьеса под другим названием («Контрабандисты») и с небольшими изменениями продолжала ставиться, но продажа билетов на нее производилась под контролем полиции, при чем студентам билеты не продавались; бойкот, объявленный студенчеством Суворинскому театру, в течение нескольких лет выдерживался прогрессивной частью общества.

В связи с волнениями по поводу «Сынов Израиля» я впервые попал на сходку в университете. Взяв у кого-то из товарищей студенческую форму и входной билет, я проник в университет в день, назначенный для сходки. Последняя поразила меня своей организованностью и стройностью: на ней присутствовало около 500 студентов из общего их количества в $2\frac{1}{2}$ —3 тысячи человек. Председательствовал председатель студенческого «Коалиционного комитета» и руководитель студенческого движения этого периода Б. Е. Райков, ныне профессор зоологии и автор многочисленных естественно-научных трудов и учебников. Как председатель и выразитель общего настроения, Райков был прямо великолепен. Обладая благодарной и красивой внешностью и прекрасными ораторскими данными, спокойный и выдержанный, он всецело владел студенческой массой, умело влияя на ее настроение и подчиняя ее своей воле. На той же сходке с успехом выступал и мой товарищ П. М. Могилянский.

К концу 1900 года беспорядки в петербургском университете приняли серьезный характер. На этот раз непосредственным поводом к ним послужили волнения в киевском университете. Последние начались следующим образом: после одной из студенческих сходок самого невинного содержания ее председатель, мой приятель Покотилев, и главный оратор сходки Степан Балмашев (будущий убийца министра внутренних дел Сипягина) в дисциплинарном порядке были приговорены университетской администрацией к карцеру. На их отказ подчи-

ниться столь унижительному наказанию, отдающему гимназическими нравами, они были уволены из университета без права поступления и высланы из Киева. В ответ на это киевский университет объявил забастовку.

Известие о киевских событиях взбудоражило и без того взволнованную массу петербургского студенчества. В университете начались сходки протеста против действий киевской университетской администрации, с требованиями университетской автономии, или, как тогда выражались, «академической свободы». Волнение перекинулось и в другие университетские города: Москву, Харьков, Казань и Одессу. Ответом со стороны властей в Петербурге было увольнение из университета и другие дисциплинарные взыскания по отношению к нескольким десяткам студентов (в числе пострадавших были и мои друзья: Могилянский и Тагеев уволены из университета на 1 или 2 года). Репрессии только подлили масла в огонь. Сходки стали происходить чуть не ежедневно. Они все более накаляли атмосферу. Руководивший движением «Коалиционный комитет» и влиятельная студенческая организация—«Касса радикалов»—призывали к объявлению забастовки под лозунгом «академической свободы». Впервые таким образом в широкие студенческие массы бросался объединяющий политический лозунг, хотя и весьма скромный сам по себе.

Забастовка в петербургском университете началась довольно дружно и быстро перекинулась как на другие высшие учебные заведения Петербурга, так и на провинциальные университеты. Студенческую массу тем легче было поднять на забастовку, что дело конкретно шло о защите уволенных товарищей и о восстановлении их в правах, так как лозунг «академической свободы» являлся скорее лишь агитационным мотивом во всех устных и печатных выступлениях вождей движения. Единодушное настроение большинства студентов парализовало энергию начавшей организоваться к этому времени кучки «академистов», «белоподкладчиков», то-есть студентов, объединявшихся вокруг лозунга «учиться во что бы то ни стало, не вмешиваясь в политику». Профессура в большинстве своем не противодействовала забастовке, соглашаясь на прекращение лекций по требованию студентов. Немногие профессора, пытавшиеся продолжать чтение лекций, наталкивались на решительную обструкцию со

стороны студентов: в аудиториях поднимался такой шум и гул, что им волей-неволей приходилось прекращать лекцию, при чем они подвергались оскорблениям и насмешкам со стороны обструкционистов.

Но такое положение продолжалось сравнительно недолго. Растерявшиеся на первых порах власти скоро опомнились. Охранка начала производить в широких размерах аресты среди студенчества. Сплотились понемногу и «академисты», оказывая активное противодействие забастовке и обструкции и защищая освистываемых профессоров; начались мелкие стычки и даже потасовки между группами студентов-радикалов и «академистов». Настроение рядового студенчества стало мало-по-малу падать. Аресты популярных и влиятельных лидеров создавали панику; шансы на победу уменьшались с каждым днем, затягивавшаяся борьба и раскол внутри студенчества вносили разложение в его среду; многие выражали беспокойство за судьбу экзаменов и зачетов. Серьезной поддержки своей борьбе извне студенчество тоже не встречало. Прогрессивное общество, конечно сочувствовало стремлениям молодого поколения, но у него не хватало ни смелости, ни форм для проявления своего сочувствия. В других петербургских высших учебных заведениях выносились резолюции сочувствия, кое-где побастовали короткое время, но постепенно занятия в них вошли в свою колею. Провинциальные учебные заведения еще продолжали свою борьбу, но и она постепенно выдыхалась.

Наконец, единственная значительная в Петербурге революционная организация — «Союз борьбы» — без всякого сочувствия относилась к студенческому движению в силу вышеприведенных соображений. Союз позволил себе даже бестактность в самом разгаре движения выпустить прокламацию, в которой, выясняя причины студенческого движения, характеризовал его как «буржуазное», хотя и прогрессивное, но чуждое рабочему классу. Неофициально он воспретил своим членам-студентам, по соображениям политического и конспиративного характера, принимать активное участие в движении. При таком отношении Союза студенчество не могло рассчитывать на поддержку рабочих, то есть на единственную реальную силу, на которую оно могло еще опереться.

Забастовка явно шла к концу. Правда, большинство студентов лекций еще не посещало; многие профессора не читали, некоторые демонстративно продолжали лекции при почти пустых аудиториях. Но постепенно число слушателей стало увеличиваться, количество читающих профессоров тоже. Тогда «Коалиционный комитет», пополненный свежими элементами, после произведенных арестов, менее опытными и выдержанными, решился на отчаянное средство — применение химической обструкции, то есть разбивание во время лекций склянок с отравляющими воздух вонючими газами (сероводород и др.), чтобы насильно вызвать прекращение лекций. Применение этой героической меры свидетельствовало о том, что «Коалиционный комитет» не имеет более за собой большинства студентов и что забастовка будет поддерживаться вопреки настроению последнего посредством принуждения его со стороны небольшого активного меньшинства.

Первые опыты химической обструкции, как нового и неожиданного средства, произвели некоторое впечатление. Отчаянная вонь в аудиториях обращала в позорное бегство и профессоров и студентов-«академистов», но употребление этого средства в течение продолжительного времени было невозможно. Химическая обструкция еще более ожесточила «академистов» и оттолкнула от забастовки нейтральные элементы, то есть, в сущности, большинство студентов.

Тогда-то правительство решило применить царский указ о сдаче студентов в солдаты. Около 40 петербургских и 200 киевских студентов были сданы в солдаты на срок от 1 до 3 лет. Этот шаг правительства вызвал негодование в обществе, но силы студенчества были уже надорваны предшествовавшей борьбой: остатки революционной части студенчества с трудом продолжали ставшую безнадежной борьбу.

В числе студентов, сданных в солдаты (на 1 год), был мой приятель Шехтер, принимавший активное участие в сходках (он недурно говорил), проводивший «химическую обструкцию» и состоявший членом «Коалиционного комитета». Вместе с другими своими товарищами он был арестован, и до отправления в назначенные для распределения студентов по полкам пункты — Ямбург и Псков, все они содержались в одном из полицейских участков.

Там я навел на него. Он был очень бодро настроен и убежден, что продолжение студенческого движения заставит вернуть студентов из казарм. Когда студентов-солдат под усиленным конвоем отправляли с Варшавского и Балтийского вокзалов, собравшаяся толпа из их родственников и товарищей устроила им демонстративные проводы. На Балтийском вокзале один из руководителей движения — В. Познер, сданный на 3 года в солдаты, из раскрытого окна вагона произнес к провожавшим краткую речь, кончавшуюся словами: «да здравствует революция!»¹⁾

Судьба одного из отправленных вместе с Познером в Ямбург студентов — Проскурякова — была очень трагична. Спусти короткое время он вместе со своей невестой Н. П. Смирновой, о которой мне пришлось ранее упоминать, и еще один общий их друг — военный, решили покончить с собой, и привели свое решение в исполнение, застрелив друг друга на лугу близ Ямбура. Это тройное самоубийство имело продолжение; при известии о нем друг Смирновой студент Перовский, родственник Софьи Перовской, высланный в Симферополь, покончил там с собой. Его похороны в Симферополе превратились в антиправительственную демонстрацию.

* * *

В самом начале 1901 года в Петербург приехал высланный из Киева Покотиллов. От него я узнал подробности киевских событий. На исключение его и Балмашева студенты реагировали грандиозной сходкой и объявлением забастовки, в ответ на что был применен указ о сдаче в солдаты²⁾. При отъезде Покотилова студенты устроили ему на вокзале демонстративные

¹⁾ Познер был тогда социал-демократом, теперь он коммунист.

²⁾ Из сданных в солдаты студентов-киевлян двое делали попытку покончить с собой в полку, но неудачно. Сведения, проникшие тогда в заграничную печать о случаях расстрелов студентов-солдат за нарушение дисциплины, оказались ложными. За немногими исключениями, обращения со студентами в казармах было относительно приличное и им предоставлялись даже различные льготы.

Из числа петербургских студентов, сданных в солдаты, многие приняли впоследствии участие в революционном движении: кроме Познера и Шехтера, — Соболев, Ветров, Месяцев, братья Борсуки, Погосанд и др.

проводы. Приехал он весь полный впечатлениями от киевских событий с целью объединить движение петербургского и киевского студенчества. За несколько месяцев, что мы не виделись, Покотиллов сильно вырос в политическом отношении. Университет и участие в студенческих организациях и кружках значительно расширили его кругозор и развили имевшиеся у него задатки общественности. Нельзя сказать, впрочем, чтобы к этому времени у него сложилось определенное мировоззрение или даже устойчивые политические взгляды. Подобно большинству революционно-настроенных студентов того времени, он считал себя сочувствующим социал-демократии, но его настроение скорее можно было назвать радикальным революционаризмом. Он был проникнут одной мыслью — о борьбе с самодержавием. Коновод в борьбе с гимназическим начальством превращался в борца за политическую свободу. Главным внутренним мотивом, определявшим деятельность Покотилова в этот период было чувство товарищеской солидарности и сознание своей моральной ответственности. В минуты дружеских излияний, к которым он был склонен, он признавался мне, что не может найти себе покоя, отделавшись лично сравнительно легко, тогда как втянутые им и из-за него товарищи подвергались гораздо более суровой каре. Он считал безнравственным молчать, не борясь всеми доступными средствами за возвращение пострадавших товарищей.

Сообщая Покотиллову о настроении петербургского студенчества, я высказал ту мысль, что элементы, готовые продолжать борьбу, имеются во всех высших учебных заведениях, но эта часть составляет повсюду только меньшинство, и что, следовательно, надо избрать такую форму борьбы, которая была бы в состоянии объединить студенчество различных учебных заведений, так как студенческая забастовка является уже превзойденной ступенью, вполне исчерпав себя. Попутно я указал, что такой формой борьбы могла бы быть уличная общестуденческая демонстрация, к мысли о которой склоняются многие товарищи.

Покотиллов с жаром ухватился за вскользь брошенную мною мысль и тут же стал горячо ее развивать и конкретизировать. В результате нашей беседы мы сговорились начать «действовать», то-есть готовить и шунать почву относительно осуществи-

мости демонстрации и отношения к ней различных студенческих групп и кружков. В частности, я взял на себя задачу выяснения настроения в некоторых высших учебных заведениях, где у меня имелись личные и иные связи, в то время как Покотиллов должен был начать переговоры с остатками «Коалиционного комитета». Скоро, однако, обнаружилось, что мы различно поняли свои задачи. Я считал, что положительное решение вопроса о демонстрации должно зависеть от выяснившегося в результате нашей миссии настроения студенчества, Покотиллов же с места в карьер начал вести агитацию в пользу демонстрации, признавая вопрос о ней заранее предрешенным. При этом, вследствие своей экзальтированности, почти болезненного нервного состояния и неопытности в делах революционной конспирации, он допустил ряд весьма неосторожных и необдуманных шагов.

Укажу на два факта. На одном из студенческих вечеров, когда, по окончании официальной программы, начались речи, в которых некоторые ораторы констатировали поражение студенческого движения, Покотиллов не выдержал и, взяв слово, произнес пылкую бессвязную речь. Он говорил, что революционное студенчество не может и не должно подчиняться насилию, и если оно исчерпало свои силы в борьбе внутри стен высших учебных заведений, надо обрести эти силы вне последних. Напомнив о демонстрации-паныхиде у Казанского собора в 1897 г., он предложил устроить уличную демонстрацию-м о л е б е н о здравии сданных в солдаты студентов. «Нам нужна демонстрация!» — так закончил он свою речь уже срывающимся голосом и от волнения упал со стула, с которого говорил, забившись в истерику. Речь эта, произнесенная среди случайно собравшейся публики, в которой шныряло много переодетых шпионов, была политически нецелесообразна и неконспиративна и могла только повредить зауманному предприятию. Неудивительно, что после этого выступления Покотилова некоторые из студентов, с которыми я вступил в переговоры по поводу возможности устройства демонстрации, поставили категорическим условием дальнейших переговоров отстранение его от этого дела. Они мотивировали свое требование тем, что за Покотилловым следят по пятам (он сам признавал это; за короткое время его пребывания в Петербурге

его неоднократно вызывали в градоначальство для «бесед по душам», которые неизменно заканчивались угрозами его высылки), и что участие его в этом предприятии неминуемо приведет к провалу последнего, прежде чем что-нибудь будет сделано. Кроме того, они указывали, что его неконспиративность и экзальтированность скорее повредят, чем помогут делу. Скрепя сердце я вынужден был признать справедливость этих мотивов, хотя мне и тяжело было нарушать состоявшееся между нами соглашение. Кривя душой, я сказал ему, что с демонстрацией ничего не выходит, и что я от этого дела отстраняюсь. Он, вероятно, почувствовал, что я чего-то не договариваю, так как начал с тех пор отдаляться от меня, скрывая от меня, что продолжает работать в прежнем направлении. Только после своего ареста я узнал, что Покотиллов арестован со мной по одному делу. Характерно для незлобivosti Покотилова, что, когда мы встретились с ним после нашего освобождения, у него не сорвалось ни одного упрека по моему адресу за мое «коварство» по отношению к нему. Мы легко объяснились, и наша дружба еще более окрепла.

Второе несвоевременное выступление Покотилова произошло на нелегальной вечеринке в квартире известного писателя Н. Г. Гарина-Михайловского, сочувствовавшего марксистам и предоставлявшего время от времени свою богатую квартиру (где-то на Фурштадской или Сергиевской улице) для нелегальных собраний революционной интеллигенции. На эту вечеринку я проник вместе с Покотилловым благодаря сестре моей Лидии, хорошо знакомой с Гариним. На вечеринке присутствовало 50—60 человек, преимущественно литераторов; среди них находился, между прочим, провокатор М. И. Гурович, бывший официальный редактор марксистского «Начала», — красивый, эффектный мужчина с холеной черной бородой.

На вечеринке велись обычные для русской радикальной интеллигенции отвлеченные и беспорядочные споры. Главным предметом их был модный тогда вопрос об ортодоксальном марксизме и бернштейнианстве, от которого перешли к вопросу об экономическом и политическом направлении в рабочем движении. Горячую речь в защиту необходимости борьбы за политическую свободу произнес сотрудник «Жизни» Сурков (Васильев). Вдруг неожиданно, что называется «ни к селу, ни

городу», попросил слово Покотилов, никому не известный в этом собрании, и начал говорить на свою излюбленную тему о необходимости устроить политическую демонстрацию. Попутно он обвинял собравшихся в занятиях пустыми разговорами в момент, когда надо действовать. Собравшиеся и хозяин были очень смущены такой откровенной речью; некоторые даже сочли ее провокацией. Под благовидным предлогом вечеринка была объявлена оконченной. Гарин и организаторы вечеринки выговаривали потом сестре за то, что она привела с собой такого странного субъекта.

Возвращаясь к подготовке демонстрации. С первых же моих шагов обнаружилось, что в ряде учебных заведений имеются элементы, в особенности среди социал-демократов, которые, считая нецелесообразным продолжение забастовки и относясь вообще скептически к студенческому движению, как таковому, сочувствуют идее политической демонстрации, способной объединить в общем политическом протесте все революционные элементы, включая и рабочих. Итак, начало моей миссии было довольно успешно. Позондировав почву, я в дальнейшем намерен был отстраниться от дела подготовки демонстрации, исходя из того, что вопрос о ней должен разрешаться заинтересованными политическими группами и студенческими организациями. Поэтому я хотел ограничиться скромной ролью инициатора предложения и посредника, сводящего различные элементы, сочувствовавшие демонстрации. Судьбе, однако, очевидно, было не угодно, чтобы возникшее по моей инициативе начинание обошлось без моего дальнейшего непосредственного участия; до некоторой степени против своей воли я был вовлечен в дело организации демонстрации.

Прежде чем перейти к рассказу о событиях, связанных с подготовкой к демонстрации и приведших к моему аресту, упомяну еще об одной вечеринке того времени, которая может служить показателем настроений в части революционной интеллигенции. Вечеринка эта происходила, если не ошибаюсь, в помещении курсов Лесгафта. Большинство выступавших на ней ораторов высказывалось за необходимость политической борьбы. На этой вечеринке я впервые увидел Льва Михайловича Хинчука, только что вернувшегося из Якутской области, где он отбыл пятилетнюю

ссылку по делу одного из первых в России социал-демократических кружков (в Туле). Хинчук, которому в то время было уже за 30 лет, выступил на вечеринке с горячей речью в защиту «политического» направления в социал-демократии. Задача борьбы с самодержавием за политическую свободу должна, по его словам, стоять в центре социал-демократической агитации. Эту задачу с самого начала выдвигала группа «Освобождение Труда», и ему, человеку, приехавшему издали, кажется странным, что среди социал-демократов находятся люди, отрицающие эту задачу. Речь эта была встречена шумным одобрением собравшихся. Правда, на другой социал-демократической вечеринке, происходившей в тот же вечер за Невской заставой на квартире врача Лукомского и устроенной «Союзом борьбы», в речах ораторов преобладало «экономическое» направление.

В начале февраля 1901 г. в Петербурге была выпущена прокламация за подписью «Союз справедливых», решительно революционного содержания. Прокламация была обращена к «гражданам» и посвящена студенческому движению. Общий смысл ее сводился к тому, что студенческое движение в стенах высших учебных заведений за академическую свободу должно смениться борьбой всех революционных элементов за свободу политическую, так как академическая свобода недостижима без и отдельно от политического освобождения России. Прокламация усиленно подчеркивала роль рабочего класса в политической борьбе, что указывало на то, что она исходит из социал-демократических кругов. Я был очень удивлен, когда случайно узнал, что никакого «Союза справедливых» не существует, и что прокламация составлена единолично моим знакомым, вышеупомянутым А. Н. Карасиком, и воспроизведена им на гектографе в количестве 200—250 экземпляров при помощи его невесты и ее приятельницы — члена нашего исторического кружка А. Л. Галеркиной. Удивление мое происходило из того, что Карасик был мне известен как крайний «экономист» и активный работник «Союза борьбы», все время высказывавшийся против участия социал-демократов в студенческом движении. В данном случае, как и во многих аналогичных, живое политическое чутье взяло у Карасика верх над узким доктринерством экономизма, и он решил выступить отдельно от своей организации

и вразрез с нею. При встрече с Карасиком я выразил ему свое удовлетворение листками «Союза справедливых» (через несколько дней после первого вышла вторая прокламация за той же подписью). Дня через два после этого разговора Карасик через Галеркину предложил мне, ввиду того, что он занят в этот вечер, заменить его в качестве представителя «Союза справедливых» на собрании представителей всех высших учебных заведений Петербурга для решения вопроса об организации общестуденческой политической демонстрации в день 19 февраля — годовщину освобождения крестьян от крепостной зависимости. Галеркина со своей стороны добавила, что и она будет на этом собрании как представительница акушерских курсов, убеждая меня принять предложение Карасика.

У меня возникли сильные колебания. Мне казалось несколько странным «представлять» организацию, в которую я не вхожу и которая к тому же, в сущности говоря, является фикцией. С другой же стороны, я считал малодушием отказ от участия в деле, до известной степени обзаванном своим возникновением моей инициативе и представлявшемся мне очень важным. После некоторого раздумья я принял предложение, передав Карасику, что в дальнейшем не буду считать себя связанным с «Союзом справедливых».

В эти дни произошло событие, сильно взволновавшее студенчество и поднявшее его революционное настроение. 14 февраля на приеме у министра народного просвещения Боголепова бывший студент Карпович, пришедший якобы с ходатайством об обратном приеме его в университет, выстрелом из револьвера тяжело ранил министра в живот и заявил при аресте, что выстрел этот является ответом на сдачу студентов в солдаты.

Этот первый после гибели «Народной Воли» неожиданный террористический акт произвел потрясающее впечатление на умы. Его приветствовали буквально все революционно настроенные элементы, и даже некоторые либеральные круги отнеслись к нему сочувственно. Среди социал-демократов, принципиально отвергавших террор как средство политической борьбы, выстрел Карповича вызвал двойственное к себе отношение. С одной стороны, непосредственным чувством, вызванным им, было удовлетворение; с другой стороны, возникало опасение, что рево-

люционное движение, как и в 70 — 80-е годы, может пойти по пути террора, что считалось нежелательным. Эта двойственность нашла себе отражение в заграничной социал-демократической литературе. Б. Кричевский в «Рабочем Деле», в статье «Исторический поворот», усмотрел в акте Карповича начало новой эры в революционном движении, а «Искра» облила душем холодной воды экзальтированного редактора «Рабочего Дела», выдвинув ряд решительных возражений против тактики террора.

Под свежим впечатлением от известия о покушении на Боголепова я в тот же вечер 14 февраля пошел на «делегатское» собрание, на квартиру студента Владимира Юльевича Фридолина, жившего у своего отца — врача. Фридолин был членом «Коалиционного комитета» первого его состава и в начале беспорядков был исключен из университета, благодаря чему, несмотря на свое активное участие в движении, избег сдачи в солдаты. Идеалист, немного не от мира сего, доверчивый и непрактичный, он, подобно Покотилову, горел желанием во что бы то ни стало «пострадать» и разделить участь товарищей. Оставшись после повторных арестов чуть ли не единственным членом «Коалиционного комитета», он стал кооптировать в состав последнего буквально первых попавшихся людей и натворил множество глупостей, главной из которых было включение в состав комитета никому не известного студента Васильева, оказавшегося провокатором. Идея демонстрации увлекла Фридолина, и он на скорую руку собрал представителей различных учебных заведений для решения этого вопроса. Собрание, на которое я попал, было в высшей степени сумбурным. Присутствовало человек 20, но большинство не имело официальных полномочий и, следовательно, не вправе было принимать ответственных решений. Тем не менее и Фридолин и Васильев настаивали на немедленном решении вопроса о демонстрации у Казанского собора в день 19 февраля. Васильев произвел на меня в высшей степени антипатичное впечатление. Это был крупный, широкоплечий, полный белокурый молодой человек с румяными щеками и серо-голубыми мигающими глазами, крайне самоуверенный и даже развязный. Он все время неестественно как-то хихикал, нервно потирая руки. Высказывался он в самом революционном духе, но в его словах не чувствовалось ни

капли искренности. Мне он показался завершённым типом Хлестакова; тем более странным казалось, что такой субъект явно держит в своих руках Фридолина, который, несмотря на свою непрактичность в житейских делах, пользовался авторитетом и популярностью среди студенчества.

После продолжительных и беспорядочных прений подавляющее большинство присутствующих высказалось за отсрочку решения вопроса до следующего более полного и правомочного собрания, поручив «Коалиционному комитету» в лице Фридолина и Васильева, на всякий случай заблаговременно изготовить прокламации с призывом к демонстрации. От имени «Союза справедливых» я заявил о готовности последнего технически содействовать печатанию. Фридолин сообщил тут же адрес следующего собрания (через день) — у своей знакомой фельдшерицы Фокиной по месту ее службы в буйном отделении психиатрической больницы Николая чудотворца, на набережной Пряжки.

Вечером 16 февраля там состоялось второе делегатское собрание. Чтобы попасть в комнату Фокиной, надо было проходить мимо палат с железными решетками, наполненными буйными больными. На этот раз собралось немного меньше (с хозяйкой квартиры — 16 человек), но зато большинство собравшихся имело надлежащие мандаты и полномочия. На собрании были представители: университета, военно-медицинской академии, горного и лесного институтов, женских медицинских, бестужевских, лесгафских, надеждинских и маринских акушерских курсов. Уже после появления полиции пришел запоздавший представитель института гражданских инженеров. На собрании отсутствовали только представители институтов: технологического, электротехнического и путей сообщения и женских фельдшерских (рождественских) курсов.

Выяснив свой состав, мы признали себя правомочными решать вопрос о демонстрации сегодня же и приступили к обсуждению вопроса по существу. Решительным противником демонстрации выступал только представитель горного института В. Филатов¹⁾. Его аргументация сводилась к тому, что демонстрация,

¹⁾ Впоследствии Филатов долгое время работал в большевистских организациях. В 1904 г. я встретил его членом большевистской группы в Париже, во время и после революции 1905 г. он стоял во главе боль-

наскоро подготовленная, обречена на неудачу, которая вызовет только деморализацию в рядах студенчества. Лучше временно отказаться от этой идеи, завязать связи с революционными (читай: социал-демократическими) организациями, содействовать им в их работе и таким образом подготовить в будущем более внушительную демонстрацию с участием рабочих. В постановке вопроса Филатовым сквозило влияние экономических идей «Союза борьбы», с которым Филатов был тогда, кажется, связан. Филатову с жаром возражали Фридолин и Васильев, не очень убедительно доказывавшие, что демонстрация непременно удастся, и что в студенчестве имеются еще скрытые силы, ждущие только призыва, чтобы проявиться. Более убедительно в защиту демонстрации говорил присутствовавший на обоих собраниях штатский, личный приятель Фридолина. Этот уже не очень молодой человек с подъемом говорил о политическом значении демонстрации, которая, даже в случае ее неудачи, нарушит молчание, которым встречаются обычно произвольные и насильственные действия правительства. Он утверждал, что вынесенное на улицу движение привлечет к себе симпатии и поддержку рабочих и общества. Намекая на свои связи с революционными кругами, он указывал на сочувствие революционному движению некоторых элементов армии¹⁾.

Остальные участники собрания высказывались неопределенно. Многие сочувствовали идее демонстрации, но не были уверены, что она удастся, ввиду недостаточности ее подготовки и организационной слабости подготовляющих ее групп. Споры продолжались довольно долго, не приводя к результатам. Тогда я

шевистской организации в Петербурге и привлекался потом по социал-демократическому «процессу 44-х». Потом он отошел от политики, занимаясь литературной и культурной деятельностью; был разъездным лектором общества народных университетов и написал несколько популярных брошюр по истории социализма во Франции. В 1923 году приговорен судом к высшей мере наказания за служебное преступление.

¹⁾ Во время нашего ареста оказалось, что этот штатский, по фамилии Адамов, был отставным офицером. Впоследствии он работал в социал-демократических организациях, главным образом среди военных. В 1905 г. он руководил меньшевистской военной организацией в Петербурге вместе с Антоновым-Овсеенко, потом вел такую же работу в Москве. Там он был арестован, психически заболел и умер в 1907 или 1908 году.

внес, поддержанное некоторыми, предложение выяснить предварительно, на какое количество активных демонстрантов может рассчитывать каждое учебное заведение. Было решено, что если наберется до 2 тысяч человек, вопрос о демонстрации будет решен в положительном смысле. Начался подсчет. Когда все присутствующие, кроме представителей университета, оставивших за собой последнее слово, с грехом пополам натянули до 1.500 участников, Васильев, переглянувшись с Фридолиным, уверенно заявил, что недостающее до 2 тысяч количество они берутся привести с собой. Все это звучало очень несерьезно и внушало опасения за исход решенной таким образом демонстрации. Собрание приступило затем к обсуждению некоторых технических и организационных вопросов. Васильев и Фридолин принесли с собой огромное количество подготовительных прокламаций, которые тут же стали раздавать участникам собрания. Васильев заявил, что воззвания, непосредственно призывающие к демонстрации, будут отпечатаны сегодня же вечером.

Во время его речи в комнату, в которой мы заседали, ворвалась целая ватага охранников и городских. Мы были арестованы. Начался обыск и установление личности присутствующих. Было сразу заметно, что охранное отделение было наверняка. Обыском руководил помощник начальника охранного отделения подполковник Мочалов, которому помогали жандармский поручик Федоренко и небезызвестный в свое время провокатор, возвысившийся до чина «чиновника особых поручений», Статковский. Попытка Фокиной дать трафаретное объяснение, что у нее происходит вечеринка по случаю дня ее рождения, была тотчас же опровержена предложением Мочалова назвать поименно присутствующих. Кроме Фридолина, ни одной другой фамилии она назвать не смогла. Найденные прокламации и неизвестно зачем находившийся при Фридолине кинжал слишком ясно говорили о нелегальном характере собрания.

Во время обыска, продолжавшегося более 2 часов, меня и некоторых других товарищей поразило поведение Васильева. Этот за минуту перед тем неустрашимый революционер, готовый (на словах) повести с собой на Казанскую площадь тысячи демонстрантов, с момента появления полиции как-то ступевался,

забился в угол, нервно ломал руки и производил жалкое впечатление, вызывая к себе брезгливое чувство.

Закончив обыск и составив протокол, Мочалов заявил нам, что все мы, включая Фокину, арестованы; по одиночке, под сильным конвоем, нас вывели во двор. Появление полиции и произведенный ею шум разбудили мирно спавших буйных больных. Среди них начался переполох, и они стали неистово кричать и бить по решеткам. Жутко было проходить мимо этих камер, наподобие клеток в зверинцах, в которых рычали и бились в истерике больные... Но вот и двор, хорошо мне знакомый: сколько раз проходил я через него, направляясь к своему товарищу Стецкевичу на заседания нашего первого гимназического кружка. Сколько воды утекло с тех пор! Теперь двор был оживлен и полон народа, несмотря на позднее время. Это собрались больничные служащие, привлеченные необычайным событием и отесняемые сильным нарядом городских от предусмотрительно заготовленных для нас 16 извозчицких дрожек. По одиночке нас сажали на последние и в сопровождении околоточного надзирателя отвозили на Гороховую, в охранное отделение ¹⁾.

В охране нас — мужчин — всех вместе поместили в какой-то комнате, куда вскоре явился «сам» Пирамидов. Опрашивая нас по очереди о наших фамилиях и дойдя до меня, он чрезвычайно обрадовался. Потирая весело руки, он иронически повторил несколько раз: «Так значит и старшие, и средние, и младшие», намекая на обильную жатву, даваемую нашей семьей охране. Когда очередь дошла до Васильева, последний, сильно волнуясь, заявил Пирамидову, что его мать находится при смерти, и его арест убьет ее. Пирамидов ответил, что поговорит с ним особо. Через полчаса или час нас всех, кроме Васильева, отвезли в «предварилку». Все дальнейшее с совершенной несомненностью доказало нам, что Васильев был провокатором, благодаря ука-

¹⁾ Кроме упоминавшихся выше, со мною были арестованы следующие лица: студент-медик Дмитриев, студент горного института Митрохин, студент института гражданских инженеров Скворцов, моя приятельница Галеркина, легсафтичка Цубина, курсистка Левенсон (надеждинские курсы), бестужевки Коц и Познер и медичка Ракова. Фамилию одного я не запомнил.

запаям которого было арестовано наше собрание. Продержав его для видимости несколько дней, его освободили без всяких последствий.

* * *

Итак, я в «предварилке». Поздней ночью привезли меня в это хорошо знакомое мне место, но на этот раз уже в качестве арестованного. Ночью она произвела на меня сильное впечатление, когда я перешагнул через раскрывшиеся передо мной железные двери и вступил в одиночный корпус. Мои шаги и шаги моих провожатых по блестяще натертому асфальтовому полу гулко раздавались в пустом пространстве. Внутреннее устройство дома предварительного заключения чрезвычайно оригинально. Здание имеет пять этажей, но, идя по нижнему коридору, вы этого сразу не замечаете, так как потолок находится под самой крышей и между ним и полом нижнего коридора находится огромное пустое пространство. Лишь на половине ширины коридора имеются узкие — шага два в ширину — висячие галереи, огражденные барьером и соединенные между собой винтовыми лестницами. На галереях расположены по одну сторону одиночные камеры, выходящие окнами во внутренний двор. Вся эта обстановка при ночном электрическом освещении и могильной тишине кругом придает всему помещению мрачный, зловещий характер. Меня подвели к столу дежурного помощника начальника для заполнения листа личных сведений; помощник этот сразу обратил внимание на мою фамилию, сказав, что хорошо помнит обоих моих братьев, сидевших здесь. В силу ли этого «знакомства» со мной, или принимая во внимание мою молодость, но, сдавая меня надзирателю для водворения на место, он сказал мне несколько подбадрывающих напутственных слов. Меня отвели в камеру, кажется, второго этажа. За мной захлопнулась дверь, шелкнул ключ в замке. Не раздеваясь, я бросился на койку и, усталый от всего пережитого, заснул как убитый... Потянулись однообразные дни тюремной жизни...

К тюрьме я очень скоро приспособился, и те 1¹/₂ месяца, которые мне пришлось отсидеть в этот раз, я чувствовал себя в приподнятом состоянии. Сознание, что и я «удостоился» и

получил боевое крещение, приобщившись к революционному братству, преисполняло меня гордостью, а легкость, с какой я переносил тюремные лишения, убеждала в том, что и в дальнейшем я сумею переносить испытания, неизбежные на избранном мною революционном пути. Впрочем, в свои 18 лет я не слишком задумывался, чувствуя в себе неисчерпаемый запас душевной энергии. Только два вопроса вначале сильно волновали меня, мешая полному душевному равновесию. Этими двумя вопросами, если не считать еще беспокойства за родителей, которым я наносил новый удар, были: 1) выживет ли от полученной раны Боголепов или умрет и 2) не рухнет ли после нашего ареста самая идея политической демонстрации? Но по обоим этим вопросам я скоро узнал удовлетворившие меня новости.

Спустя неделю после ареста на прогулке я прочел на заборе клетки, в которой гулял, надарапанное кем-то сообщение, что Боголепов умер от полученной раны (жертва, принесенная Карповичем, оказалась не напрасной!). А в начале марта от пришедшей ко мне на свиданье сестры Лидии я узнал, что 19 февраля, несмотря на произведенные аресты, демонстрация, хотя и не очень удачная, состоялась, а 4 марта на той же Казанской площади состоялась грандиозная демонстрация, какой еще Петербург не видывал. Эти новости доставили мне огромное удовлетворение, и в ожидании предстоящего приговора я мог свободно отдаться серьезным занятиям, к которым так располагали одиночка и наличие большого количества книг как в тюремной библиотеке, так и у меня лично. Я с большой пользой для себя успел основательно прочесть первый том «Капитала», занимаясь немецким языком, прочел множество книг по политической экономии, истории и государственному праву.

Режим «предварилки» как нельзя более располагал к усидчивым занятиям. Строго проведенная изоляция заключенных и однообразный, монотонный внутренний распорядок, при котором все делается по звонку, и каждый день, как две капли воды, похож на другой, постоянная, ничем не прерываемая тишина, — все это делает для заключенного книги и занятия единственным спасением. Длительное пребывание в такой обстановке действовало разрушительно на здоровье и нервы, и нередко бывали случаи,

когда заключенные кончали в «предварилке» самоубийством, психическим и нервным расстройством, гибли от туберкулеза. Но немало как интеллигентов, так и рабочих поминали впоследствии добром «предварилку», давшую им возможность серьезно позаняться и пораздумать, для чего на воле нехватало времени. Недаром за «предварилкой» установилось шутовское прозвище «революционного университета».

Я не буду подробно останавливаться на режиме «предварилки», много раз уже описанном. Несмотря на свою строгость, он был довольно сносен. С политическими заключенными администрация держала себя вежливо; по сравнению с уголовными они пользовались некоторыми льготами (койки не привинчивались к стене на день и т. п.). Пища была съедобная, а за небольшую сравнительно плату (25—30 к.) можно было выписывать из окружного суда недурные горячие обеды. Передачи и книги с воли допускались два раза в неделю. Камеры содержались в большой чистоте (дважды в неделю заключенные должны были натирать их воском при помощи щетки; однажды меня перевели в худшую камеру за то, что пол у меня недостаточно блестел). Ежедневно рано утром уголовные тщательно вымывали стоявшую в камере и герметически закрывавшуюся «парашу», которая не давала специфического запаха.

Отрицательной стороной режима, кроме строгой изоляции, были прогулки. Они продолжались 15—20 минут в день. Кроме того, они происходили в тесных разгороженных клетках — треугольниках — шагов в 12 длиной и в 3—4 шага шириной, закрытых с двух сторон досчатым забором и с третьей — решетчатой оградой. Клетки расходились радиусами (их было всего 16—18) из одного центра, на верху которого была устроена наблюдательная вышка, с которой ходящие кругом трое надзирателей тщательно следили за гуляющими, так что общение заключенных между собой во время прогулок было исключено.

Другой отрицательной стороной было то, что света в камерах было недостаточно, в особенности в нижних этажах. Свет проникал через узенькую форточку в высоко расположенном окне с косым подоконником; стекла были матовые. Чтобы видеть через форточку двор, — что строго возбранялось, — приходилось влезать на «парашу» и, ухватившись руками за решетку,

висеть на окне. Таким способом мне удавалось иногда наблюдать гуляющих в клетках заключенных. Попыток сноситься с другими заключенными я не делал. Тюремную азбуку знал я плохо: ее звуки с непривычки сливались у меня в одно целое, и я ничего не понимал, когда мне стучали. К тому же со всех четырех сторон политический заключенный бывал окружен уголовными. С одним из последних, сидевших надо мной, у меня одно время установились сношения по трубе парового отопления. Через него я сносился с сидевшим с ним рядом студентом, социал-демократом Карфункелем, который впоследствии покончил жизнь самоубийством в Париже.

Допросами меня не беспокоили. Всего только раз меня вызвал к себе для чисто формального допроса известный уже мне поручик Федоренко. Следствие по нашему делу велось в ускоренном и упрощенном порядке (без передачи его в жандармское управление). На допросе мне стало ясно, что охранка осведомлена обо всем, касающемся нас, до мельчайших подробностей: я все-таки продолжал упорно настаивать, как у нас было условлено, что попал к Фоквиной «на именины» по приглашению нашего общего знакомого Фридолина.

Теперь я вернусь несколько назад. В вечер нашего ареста на Васильевском острове в квартире двух студентов было задержано шесть человек во главе с Покотилковым, застигнутых за печатаньем прокламаций с призывом к демонстрации на 19 февраля. Случилось это таким образом. После того как я отказался от совместной работы с Покотилковым, последний не оставил мысли о демонстрации. В поисках «связей» он натолкнулся на студента Большева, связанного с группой Фридолина-Васильева. Последние поручили Большеву вместе с Покотилковым отпечатать призыв к демонстрации. Они организовали это дело и попались на месте преступления. После нашего освобождения Покотилков и другие арестованные с ним студенты обвиняли Большева в провокации. Точно этого установить не удалось, но не подлежит сомнению, что на допросах он оговорил своих товарищей и избавился благодаря этому от высылки. Самый же арест группы Покотилова легко может быть объяснен тем, что адрес квартиры, на которой производилось печатанье, был известен безусловному провокатору Васильеву.

Несмотря на арест обеих наших групп, демонстрация 19 февраля все же состоялась. Охранка все очень хорошо рассчитала, но одного обстоятельства не предусмотрела. К делу о подготовке демонстрации и печатанию прокламаций имел близкое отношение студент Баумштейн. Человек в высшей степени конспиративный, своего рода маньяк конспирации, он, состоя членом «Коалиционного комитета» и одновременно работая в «Союзе борьбы», не был на виду, делая свое дело, и потому не попал под филерское наблюдение. В вечер нашего ареста он заходил на квартиру, где производилось печатание, забрал уже готовые экземпляры прокламаций, успев уйти до появления полиции. Узнав на утро о происшедших арестах, он решил, что демонстрация должна состояться во что бы то ни стало, чтобы отвлечь от арестованных обвинения в подготовке к ней. За оставшиеся до 19-го два дня он развил изумительную энергию, позабыв о своей конспирации, лично обегал все учебные заведения, где у него повсюду были знакомства, и распространил спасенные им прокламации. Благодаря его усилиям весть о назначенной на 19 февраля демонстрации распространилась по Петербургу, хотя и не очень широко¹⁾. В назначенный час на Казанской площади собралось несколько сот студентов и курсисток. Полиция без особенного труда разогнала немногочисленных демонстрантов после первых же революционных возгласов с их стороны.

Неудавшаяся демонстрация 19 февраля сыграла свою роль в последующих событиях. Она показала, что идея демонстрации встречает сочувствие в студенческой среде, и подняла настроение. Студенческие организации решили, что надо повторить демонстрацию, но только в более внушительных размерах. На этот раз они встретили поддержку со стороны политических организаций. Группы «Социалист» и «Рабочее Знамя» выпустили общую прокламацию с призывом к рабочим поддержать

1) Арестованный после демонстрации и привлеченный к нашему делу Баумштейн был выслан в Полтаву, где был снова арестован по делу о знаменитых крестьянских беспорядках в Полтавской губ. в 1902 г. за распространение прокламаций и сослан в Сибирь на 10 лет. Из ссылки он скоро бежал и жил в Париже, где состоял членом группы большевиков в 1904—1905 г.г. После 1905 г. он занимался адвокатурой.

назначенную на 4 марта общестуденческую демонстрацию. Под давлением этих групп и многих собственных членов «Союз борьбы» вынужден был, наконец, отказаться от своего нейтралитета в отношении к студенческому движению и призвал рабочих к поддержке демонстрации.

Благодаря всем этим обстоятельствам демонстрация 4 марта оказалась весьма внушительной. По самым скромным исчислениям в ней участвовало несколько тысяч человек (некоторые определяли число участников в 10 тысяч); ряды студентов перемешивались с группами рабочих, число которых было, впрочем, не очень велико, так как в силу технических причин оповещение рабочих районов о демонстрации сильно запоздало; кроме того, в демонстрации приняло участие значительное количество неучащейся интеллигенции. Лишь только демонстрация началась, были развернуты красные знамена с требованиями: «Долой временные правила», «Возвращение студентов-солдат», «Да здравствует университетская автономия» и «Да здравствует политическая свобода», и начали произносить революционные речи с паперти собора, на площадь бросились спрятавшиеся по дворам казаки, конные и пешие городовые, и началось зверское избивание демонстрантов нагайками и шашками (оборотной стороной). Приподнятое настроение толпы и самая густота ее не дали ей разбежаться при появлении казаков. Демонстранты стали оказывать сопротивление палками, камнями и чем попало; казаков стаскивали за ноги с лошадей. Напоенные предварительно водкой и расщипленные от оказанного им сопротивления, казаки и городовые усилили избивание, и несколько десятков демонстрантов оказалось серьезно ранеными и избитыми. Около тысячи участников демонстрации были оцеплены полицией и отведены в манеж, откуда были высланы без права въезда в университетские города.

Демонстрация 4 марта произвела сильнейшее впечатление на общество. Зверское избивание безоружных студентов и курсисток вызвало возмущение самых умеренных его элементов. Известно, например, что против избивания протестовал случайно оказавшийся его свидетелем консервативно настроенный член государственного совета князь Вяземский, лишенный за свой протест, по высочайшему повелению, придворного звания.

Лучшие представители радикальной интеллигенции (писатели, профессора и т. п.) подали правительству за своими личными подписями коллективный протест против варварского избиения, во время которого пострадал в числе прочих весьма уважаемый в Петербурге статистик и редактор «Русского Богатства» Н. Ф. Анненский. В ответ на это несколько десятков протестантов было выслано из Петербурга, в числе их: Анненский, Мякотин, Пешехонов, Струве, Туган-Барановский, Горький, Богучарский и др. Несмотря на все эти репрессии, моральная победа над самодержавием была на стороне студенчества и общества. Правительство оказалось изолированным. Спустя несколько месяцев оно вынуждено было вернуть студентов из казарм, и пресловутые «Временные правила» более не применялись, хотя студенчество продолжало волноваться и беспорядки в университетах продолжались непрерывно вплоть до революции 1905 г., несмотря на объявленную правительством эру «сердечного попечения» о студентах и на назначение для этой цели министром народного просвещения на место убитого Боголепова бывшего военного министра, дряхлого и впавшего в детство генерала Ванновского.

Демонстрация 4 марта ускорила процесс революционирования широких масс студенчества и интеллигенции и содействовала формированию их передовых элементов в новые нелегальные организации: социалистов-революционеров и освободителей (конституционалистов). Она вызвала интерес рабочих к политике и стремление их к политической борьбе, усилив влияние внутри социал-демократии «политических», «искровских» тенденций. Не совсем случайно, что спустя два месяца после демонстрации петербургские рабочие впервые ознаменовали Первомайский праздник выходом на улицу¹⁾.

* * *

В конце марта я и мои товарищи по делу были освобождены с высылкой на 1—2 года под надзор полиции. Два года полу-

¹⁾ На Выборгской стороне и у Обуховского завода произошла демонстрация обуховцев, которая привела к избиению рабочих, оказавших сопротивление войскам и полиции; закончилось все это каторжными приговорами для участников «обороны».

чили только Фридолин, Покотилов и Баумштейн. Некоторые благодаря «протекции» вовсе были освобождены от наказания. Дело Адамова было выделено, так как у него оказались еще другие «грешки». Мне предстояло избрать место ссылки. По совету с родителями я остановился на Двинске, где служил в качестве военного врача муж сестры Г. С. Канцель (сама она в это время уже скрывалась, будучи разыскиваема по делу группы «Социалист»). Выбор этот мне не очень улыбался, так как небольшой провинциальный город, где, кроме Канцеля, у нас не было никаких знакомых, представлял мало интереса. Но делать было нечего. Не хотелось огорчать родителей, которые надеялись, что Канцель, к этому времени уже порвавший с революционными «заблуждениями» своей молодости, охранит меня от дальнейшего участия в политике, да и в материальном отношении в другом месте мне, совершенно неопытному в житейских делах, пришлось бы труднее. И я решил: Двинск, так Двинск!

До высылки мне разрешено было провести в Петербурге 5 или 6 дней. Я успел повидать остававшихся на свободе друзей (большинство их было выслано за участие в демонстрации 4 марта) и несколько светлых и бодрых часов провел вместе с освобожденными товарищами по делу: перед отъездом мы собрались в ресторане, где устроили небольшую пирушку. Особенно тепло встретился я с Покотилковым, который почти не расставался со мной в эти дни. Мы очень сблизились с ним за эти дни, перешли на «ты», быстро ликвидировав все бывшие между нами недоразумения. На Покотилове тюрьма оставила глубокий след. При его нервной впечатлительности, при неумении находить забвение в книгах, одиночное заключение оказалось для него тяжелым испытанием, и он вышел из «предварилки» с сильно потрепанными нервами, но вместе с тем тюрьма закалила его, укрепив его революционные настроения.

По выходе из тюрьмы он недоумевал: что же ему теперь делать, куда деваться? Задача, которую он себе поставил — студенческая демонстрация, — была выполнена, товарищи были «отомщены». Ему предстояло отправиться в провинцию, где отсутствовала привычная ему студенческая среда. Для деятельности в рабочем движении он считал себя неподготовленным.

Он долго колебался, прежде чем избрать город, и советовался со мной. Он даже склонялся к тому, чтобы поехать вместе со мной в Двинск, чтобы иметь возле себя хоть одного близкого человека. Но я отговаривал его от этого, предвидя, что в Двинске ему будет тоскливо. Я указал ему на Полтаву, зная из писем Сергея, что там живет большое количество ссыльной интеллигенции, среди которой он найдет себе людей по душе и не будет плохо себя чувствовать. Он ухватился за мою мысль и избрал Полтаву. Будущее показало, что до известной степени я не ошибся. В Полтаве Покотиллов обрел не только близких ему по духу и настроению людей, но, можно сказать, и самого себя. Там для него открылся новый мир и революционная деятельность, которая, увы, скоро и трагически оборвалась.

Покотиллову было тяжело расставаться со мной и оставаться наедине с собой. Чтобы оттянуть эту тяжелую минуту, он решил проводить меня до Двинска, хотя это было ему совсем не по пути в Полтаву. Провожаемые моими родными и общими друзьями, мы тронулись в путь. Всю ночь от Петербурга до Двинска мы не ложились и проболтали, делаясь воспоминаниями о пережитом и строя планы на будущее. Оно рисовалось нам яркими и светлыми красками.

На утро мы были в Двинске. Покотиллов усадил меня на извозчика, мы обнялись в последний раз, уговорившись писать друг другу. Мой извозчик тронулся. Последний взмах платком... и он вернулся на вокзал.

Для меня открывалась новая жизнь...

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
Предисловие Н. Мещерякова	5
Предисловие автора	7
Глава I. Первые революционные впечатления	12 — 23
Первый обыск.— Арест брата.—Его товарищи: П. Д. Ставский, С. А. Гофман и др.—Революционные впечатления и разговоры.—Заключение брата в «Крестах».—Высылка его в Вильну.—Мои сестры и их знакомые.	
Глава II. Союз борьбы за освобождение рабочего класса	24 — 36
Возвращение Мартова из Вильны.—Его участие в социал-демократической организации.—Мое первое знакомство с политической экономией.—Новые товарищи брата.—Декабрьские аресты 1893 г.—Провокатор Н. Н. Михайлов.—Арест Мартова в январе 1896 г.—Участие сестер в «Красном кресте».—Мои первые представления о социал-демократическом движении.—Марксизм и народничество.—Арест и последующая судьба Гофмана.—Летняя стачка 1896 г.	
Глава III. Дача в Финляндии.—Ссылка «союзников» в Сибирь	37 — 59
На даче в Белоострове.—Д-р Гурвич и его жена.—Переноска нелегальной литературы.—Мое знакомство с социал-демократическими брошюрами.—Семья В. П. Ульянова.—Новые аресты и новые знакомые.—Приговор по делу «Союза борьбы».—Освобождение Мартова и его товарищей.—Впечатления от встреч с последними.—Интеллигенты и рабочие.—Совещания старых и новых членов «Союза борьбы».—В пересыльной тюрьме.—Проводы.	
Глава IV. 1897—1898 годы	60 — 86
Пребывание Мартова в ссылке.—Его литературная деятельность.—Легальная марксистская литература.—«Ветровская» демонстрация.—Закон 2 июня 1897 года.—Мое посещение Вильны и знакомство с еврейскими революционерами.—Поездка в Самарскую губернию.—Пятая гимназия.—Первый гимназический кружок и его участники.—Гимназическая организация и библиотека.—Нелегальные журналы: «Рабочая Мысль» и «Рабочее Знамя».—Первый съезд РСДРП.—Его манифест и резолюции.—«Русская социал-демократическая партия».	

Стр.

Глава V. Гимназическая организация в 1898—1899 годах 87—100

Успехи организации.— Новые товарищи.— Д. Тушинский.— А. В. Бобров.— А. Иоф.— В. А. Горохов.— А. Д. Покотилов.— Кружки.— Приглашение на общерусский гимназический съезд в Киеве.— Наши политические настроения.— Журналы организации.— Влияние гимназической организации на ее членов.

Глава VI. Группа «Рабочее Знамя» 101—118

Различные течения и организации среди петербургских социал-демократов.— «Экономизм».— Группа «Рабочее Знамя».— Вступление Сергея в ее состав.— С. В. Антропов.— О. А. Звездочетова.— М. Б. Смирнов.— Стачка у Максвелла и Пала.— Разгром «Рабочего Знамени».— Арест Сергея и сестер.— Засада.— Моя связь с «Красным крестом».— Переписка с арестованными.— Мой друг Шехтер.— Обыск 8 февраля 1899 г.— Задержание М. И. Гольмана-Либера.— Мой кратковременный арест и допрос.

Глава VII. 1899—1900 годы 119—137

Студенческие вечера и вечеринки.— Марксистские журналы «Начало» и «Жизнь».— Газета «Северный Курьер».— Возвращение Мартова из Туруханска и кратковременный арест его и Ленина.— На даче в «Лесном».— Мой первый перевод.— Новый кружок и «организация».— Революционная литература.— Возникновение «Искры».— Попытка втянуть наш кружок в социал-демократическую работу.— Различные течения и группировки среди петербургских социал-демократов: «Союз борьбы», «Рабочая Библиотека», группа «Социалист».— Первые «искровцы».

Глава VIII. Студенческое движение 138—166

Студенческое движение конца 90-х годов.— Его причины и характер.— Демонстрация и избивание студентов 8 февраля 1899 г.— «Временные правила» о сдаче студентов в солдаты.— Беспорядки в Суворинском театре.— Студенческое движение в Киеве и Петербурге осенью 1900 г.— Студенческая забастовка.— Требования студентов.— Аресты.— Химическая «обструкция».— Сдача студентов в солдаты.— Приезд Покотилова.— Разговоры о демонстрации.— Политические вечеринки.— Мое участие в подготовке демонстрации.— «Союз справедливых».— Делегатские собрания.— Мой арест 16 февраля 1901 г.— «Предварилка».— Демонстрация 19 февраля и 4 марта 1901 года.— Мое освобождение и высылка.— Мои беседы и сближение с Покотиловым.— Я еду в Двинск.

